

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

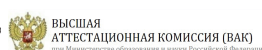
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 11, No. 5, 2021

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;
Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (Китай)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – M.A. Eskindarov, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;
S.V. Alekseev, *Doctor of History, Professor, Department of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute of Culture; Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;*
A.N. Arinin, *Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;*
A.I. Ilinskij, *Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman of the Faculty of International Economic Relations, Financial University;*
F.A. Lukyanov, *Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”;*
I.Y. Novitsky, *Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of the Department of State and Municipal Administration of the International University in Moscow;*
A.V. Ostrovsky, *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;*
V.V. Fedorov, *Cand. Sci. of Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial University;*
V.G. Fedotova, *Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;*
V.F. Schreider, *Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Corresponding-member of the International Academy of Social Science*

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – A.B. Shatilov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;
Deputy Editor – A.G. Tjurikov, Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology, Financial University;
Deputy Editor – Y.A. Pleis, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial University;
S. Yu. Belokonev, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;*
A.N. Zubets, *Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-economic Research, Financial University;*
V.V. Kaftan, *Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University;*
V.A. Lapshov, *Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department of Sociology at Moscow State Linguistic University;*
D.Z. Muzashvili, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications for research work, Financial University;*
A.V. Pachkalov, *Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University;*
D.V. Petrosyants, *Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;*
M.V. Polevaya, *Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;*
S.V. Rastorguev, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University;*
G.G. Sillaste, *Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department of Sociology, Financial University;*
K.V. Simonov, *Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Head of Department of Political Science, Financial University;*
A.A. Troshin, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty, Financial University*

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, *Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);*
N.M. Dolgoplov, *Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);*
T.M. Calvo Martinez, *Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the International Institute of Philosophy in Paris (Spain);*
R. Krumm, *Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia);*
W. McBride, *Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy at Purdue University, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (USA);*
I. Mamed-Zadeh, *Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan);*

K. Matsuzato, *Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan);*
A.N. Nysanbaev, *Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director of Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan);*
J.-L. Truel, *Doctor of Economics, Associate Professor at Université Paris-Est Créteil, Managing director of International Business Development, Vice-President of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;*
C. Wilcox, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.;*
Cui Zheng, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Research Centre for the Economics and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ВЫЗОВЫ КОВИД-19 И ОТВЕТЫ НА НИХ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Вобляя И.Н., Гаража Н.А.</i> Пандемия COVID-19 и права человека: меры реагирования государства и мирового сообщества	6
<i>Ярмак О.В., Барыбина В.И.</i> COVID-19 как информационный феномен: результаты медиааналитического исследования реакции интернет-аудитории США на пандемию	14
<i>Полетаев Д.В.</i> Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России по время пандемии COVID-19.	21
<i>Селезнёв П.С., Кашин Е.А.</i> Мировые подходы к оценке человеческого потенциала	35
<i>Рыжов О.А., Кулакова Н.Н.</i> Военные опасности и угрозы для современной России	40

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В.</i> Стратификационная трансформация российского общества: новые сословные модели стратификации	50
<i>Воскресенская Н.О., Скворцова Е.М.</i> Гуманитарное образование в современной России: проблемы и пути их преодоления	57
<i>Махаматов Т.М., Кобзева О.П., Махаматов Т.Т.</i> Диалектика объективности онтологии общества в эпистемологии	64
<i>Галас М.Л.</i> Актуализация инструментов инвестирования в Российской Федерации и странах ЕС: государственно-политический дискурс	72
<i>Абдикеев Н.М., Морева Е.Л., Бекулова С.Р.</i> Гуманитарные аспекты оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности	78

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Толмачёва И.В.</i> Особенности законотворческого соавторства депутатов Государственной Думы VII созыва	92
<i>Осинина Д.Д.</i> Элитные группы Республики Казахстан и особенности принятия стратегических политических и экономических решений в транзитный период	101
<i>Бросович Ф.Д.</i> Борьба за мировую гегемонию в Латинской Америке. Как Китаю удалось сместить гегемонию США в Латиноамериканском регионе	106
<i>Мильто С.Р.</i> Усиление роли Китая в деятельности миротворческих сил ООН в 2013–2021 годах.	111
<i>Щербаченко П.С.</i> Требования к персоналу при его подготовке к цифровой трансформации бизнеса	116
<i>Федосеев Б.В., Федосеева Т.В.</i> Критическое мышление и подходы к его оценке службами HR.	121
<i>Фёдорова И.Ю.</i> Социальный заказ как финансово-экономический инструмент регулирования вопросов занятости и трудовой миграции в Российской Федерации	129
<i>Молодцов И.Н.</i> Медиа и реклама: взгляд публишера	135

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Алексеев С.В.</i> Время трудных решений: Александр Невский и политическая борьба середины XIII века	139
--	-----

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Калитько И.И.</i> Сетевые алгоритмы: новые возможности и риски для государства и общества	143
<i>Чачуа Т.Г.</i> Влияние экологического фактора на государственную политику России.	149

РЕЦЕНЗИИ

<i>Петрова Т.Э.</i> Дискуссионные вопросы проблем реализации конституционных свобод совести и вероисповедания институтами гражданского общества (в формах религиозных объединений). Рецензия на монографию Андреева К.М. «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания).	154
--	-----

CONTENTS

COVER STORY: CHALLENGES OF COVID-19 AND ANSWERS TO THEM:
RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

- Voblaya I.N., Garazha N.A.* COVID-19 Pandemic and Human Rights: Response Measures of the State and the World Community 6
- Yarmak O.V., Baribina V.I.* COVID-19 as an Informational Phenomenon: Results of a Media Analytical Study of Response of Internet Audience to Pandemic in the USA... 14
- Poletaev D.V.* Employment of Central Asian Migrant Workers in Russia During the COVID-19 Pandemic 21
- Seleznev P.S., Kashin E.A.* World Approaches to Assessing Human Potential. 35
- Ryzhov O.A., Kulakova N.N.* Military Dangers and Other Threats to Modern Russia 40

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Yurasov I.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V.* Stratification Transformation of Russian Society: New Estate Models of Stratification 50
- Voskresenskaya N.O., Skvortsova E.M.* Humanitarian Education in Modern Russia: Problems and Ways to Overcome Them. 57
- Makhamatov T.M., Kobzeva O.P., Makhamatov T.T.* Dialectics of Objectivity of the Ontology of Society in Epistemology 64
- Galas M.L.* The Actualization of Investment Instruments in the Russian Federation and EU Countries: State and Political Discourse. 72
- Abdikeyev N.M., Moreva E.L., Bekulova S.R.* Humanitarian aspects of Assessment and Management of the Intellectual Act. 78

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Tolmacheva I.V.* Features of Legislative Co-authorship of Deputies State Duma of the VII Convocation 92
- Osinina D.D.* Elite Groups of the Republic of Kazakhstan and Peculiarities of Making Strategic Political and Economic Decisions During the Transit Period 101
- Brosovich F.D.* Struggle for the World's Hegemony in Latin America. How Did China Depose the Hegemony of the USA in the Latin American Region? 106
- Milto S.R.* Increasing Role of China in un Peacekeeping in 2013–2021 111
- Shcherbachenko P.S.* Requirements for Personnel in Preparation for Digital Business Transformation. 116
- Fedoseev B.V., Fedoseeva T.V.* Approaches Applied by HR Services in Assessment of Critical Thinking 121
- Fedorova I.Yu.* Social Order as a Financial and Economical Instrument for Regulating Employment and Labour Migration in the Russian Federation 129
- Molodtsov I.N.* Media and Advertising: A Publisher's View. 135

HISTORICAL EXCURSUS

- Alekseev S.V.* Time of Difficult Decisions: Alexander Nevsky and the Political Struggle of the Mid-13th Century. 139

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Kalitko I.I.* Network Algorithms: New Opportunities and Risks for the State and Society 143
- Chachua T.G.* The Influence of the Environmental Factor on the State Policy of Russia 149

REVIEW

- Petrova T.E.* Debatable Issues of the Problems of the Implementation of Constitutional Freedoms of Conscience and Faith by Civil Society Institutions (In the Forms of Religious Associations). Review of K.M. Andreev's monograph "The Right to Believe in Modern Russia" (Questions of the Implementation of Constitutional Freedom of Faith) 154

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 11, № 5 (53), 2021

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией

научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 08.10.2021

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 18,14 усл. л.

Заказ № 787

Отпечатано в Отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 08.10.2021

Format 60 x 84 1/8.

Size 18,14 printer sheets.

Order № 787

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-6-13
УДК 339.90(045)

Пандемия COVID-19 и права человека: меры реагирования государства и мирового сообщества

И.Н. Вобляя^а, Н.А. Гаража^б

Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-8432-4517>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-4246-7699>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт защиты прав человека в условиях сложившейся эпидемиологической обстановки. Статья призвана внести свой вклад в трансдисциплинарный диалог по формированию устойчивой позиции государств и международного сообщества относительно главенствующей задачи поддержания здоровья и процессов жизнеобеспечения человека. Для этого авторы сосредоточили внимание на кризисе, связанном с COVID-19 и аккумуляции совместных сил на ресурсы по его разрешению с минимальными затратами. Метаперспектива устойчивости заключена в гуманистическом подходе, основанном не только на контроле стратегии, включающей механизмы сдерживания и борьбы с пандемией, но также правовом и экологическом балансе прав и свобод человека, общества и окружающей среды как общесистемном эмерджентном свойстве.

Ключевые слова: права человека; защита прав и свобод; пандемия; COVID-19

Для цитирования: Вобляя И.Н., Гаража Н.А. Пандемия COVID-19 и права человека: меры реагирования государства и мирового сообщества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-6-13

ORIGINAL PAPER

COVID-19 Pandemic and Human Rights: Response Measures of the State and the World Community

I.N. Voblaya^а, N.A. Garazha^б

Novorossiysk Branch of the Financial University, Novorossiysk, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-8432-4517>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-4246-7699>

ABSTRACT

The article examines domestic and foreign experience in protecting human rights in the current epidemiological situation. The article is intended to contribute to a transdisciplinary dialogue on the formation of a stable position of states and the international community regarding the overarching task of maintaining human health and life support processes. It needs to focus on the crisis associated with COVID-19, accumulating joint forces on resources to resolve it at a minimal cost. The meta-perspective of sustainability lies in a humanistic approach based not only on the control of a strategy, including mechanisms for containing and combating a pandemic, but also on the legal and ecological balance of human rights and freedoms, society and the environment a system-wide emergent property.

Keywords: human rights; protection of the rights and liberties; pandemic; COVID-19

For citation: Voblaya I.N., Garazha N.A. COVID-19 Pandemic and human rights: Response measures of the state and the world community. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):6-13. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-6-13

ВВЕДЕНИЕ

Защита прав человека в условиях пандемии COVID-19 является сложным и вместе с тем актуальным вопросом. Это связано с тем, что некоторые меры, применяемые для сдерживания распространения новой коронавирусной инфекции, могут нарушать права и свободы человека, защищая при этом важнейшее право на охрану здоровья. Это делает проблему защиты прав и свобод в условиях пандемии COVID-19 еще более неоднозначной.

Международные договоры о правах человека определяют минимально приемлемые стандарты обращения и уважения к людям. «Всеобщая декларация прав человека»¹, «Международный пакт о гражданских и политических правах»² и «Конвенция о защите прав человека и основных свобод»³ не только провозглашают основополагающие права человека, но и определяют механизм их защиты посредством постоянно действующего Европейского суда по правам человека. Последний, в свою очередь, в связи с распространением пандемии COVID-19 в рекомендательном порядке акцентировал внимание на наиболее острых вопросах в части защиты прав человека в новых условиях, таких как: обеспечение свободы выражения мнений и доступа к важной информации; соблюдение прав человека при карантине, прекращение работы предприятий и организаций; ограничения на перемещения; защита работников здравоохранения, общественных и неправительственных организаций; оказание адресной экономической поддержки низкооплачиваемым категориям работников; обеспечение непрерывности гуманитарной помощи; обеспечение реализации права на образование; обеспечение права на воду и санитарно-гигиенические условия; искоренение дискриминации и стигматизации; решение проблем непропорциональных последствий для женщин и девочек, лиц, лишенных свободы и находящихся в учреждениях интернатного типа⁴.

¹ «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

² «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

³ «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Совет Европы, с изменениями на 13.05.2004). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1000003045>.

⁴ COVID-19 и права человека. Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654>.

В свою очередь, Сиракузские принципы⁵ дают однозначные указания о том, что под давлением чрезвычайных обстоятельств вводимые изменения должны быть ограничены во времени, определены законом и выражать насущную общественную необходимость, а также стремиться к достижению цели при минимальных ущемлениях и ограничениях для человека.

Тем не менее в сложившихся обстоятельствах стремительного распространения пандемии COVID-19 стала очевидной недостаточная проработка международных критериев в отношении стандартов охвата услугами здравоохранения, сохранности инфраструктуры и медицинских услуг во время войны в ситуации пандемии. Женевские конвенции не дают четкого ответа в отношении текущих обязательств государств, ведущих войну, по обеспечению доступных, приемлемых и качественных медицинских услуг для гражданского населения во время вооруженного конфликта. Резолюция Совета безопасности ООН «Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте», апеллируя к незыблемости норм международного гуманитарного права, не раскрывает все обстоятельства медицинских обязанностей государств в чрезвычайных ситуациях⁶.

Оставление, как граждан, так и комбатантов в ситуации распространения пандемии COVID-19 является нарушением прав человека и представляет собой косвенный метод ведения войны. Даже когда ресурсы минимальны, государство обязано максимизировать свои усилия по отстаиванию права на здоровье, в том числе организуя доставку гуманитарной помощи, покрывая медицинскими услугами все слои населения. Более того, срочные меры реагирования на COVID-19 и вакцинация могут стать началом для всеобъемлющего расширения доступа к системе здравоохранения в условиях конфликтов и кризисных гуманитарных ситуаций [1].

Действительно, лучшим показателем приверженности мирового сообщества и отдельных государств поддержанию этих норм являются ситуации кризиса. Так, Резолюция, принятая

⁵ «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного Пакта о гражданских и политических правах». URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/id/14623>.

⁶ Резолюция Совета безопасности ООН 2286 от 03.05.2016 «Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте». URL: http://medicallaw.org.ua/fileadmin/user_upload/pdf/Rezolucia.pdf.

Генеральной Ассамблеей 10 октября 2019 г.⁷ является политической декларацией по вопросу о всеобщем охвате услугами здравоохранения. В документе однозначно подчеркивается, что «здоровье — это необходимое условие и одновременно конечный результат и показатель деятельности, касающейся социального, экономического и экологического компонентов устойчивого развития». Генеральная Ассамблея ООН подтверждает свою готовность к 2030 г. наращивать глобальные усилия по построению более здорового мира. В документе оговаривается важность национальной ответственности в обеспечении учета здоровья населения и охвата его услугами здравоохранения.

В настоящее время исследователи активны в изучении и анализе воздействия пандемии COVID-19 на все стороны жизнедеятельности государства, общества и индивида. К наиболее актуальным вопросам относятся изменения в работе фондовых рынков, влияние пандемии и локдаунов [2] на наиболее чувствительные к подобным переменам отрасли экономики, например сферу туризма, пищевую промышленность и сектор общественного питания. Корпоративная социальная ответственность и правовое обеспечение организационных мероприятий государства и бизнеса в заданных условиях выступают как наиболее социально-чувствительные зоны, требующие консолидации ресурсов и позиций, налаживания сотрудничества заинтересованных сторон [3]. Каждое из перечисленных направлений тесно связано с вопросом защиты прав человека. Особую актуальность приобрел вопрос продолжения разработки норм международного медицинского права, которое в настоящее время находится в стадии становления и должно получить прогрессивное развитие [4], а также проблема отсутствия общественного и экспертного обсуждений вводимых ограничений, в том числе в части соблюдения прав человека [5].

Несомненно, данная тема является обширной и многоаспектной, а в период пандемии возникает острая необходимость в концентрации внимания на охране труда, а также праве на охрану здоровья, праве на труд, так как они являются базовыми для обеспечения жизнеспособности человека.

⁷ Политическая декларация заседания высокого уровня по вопросу о всеобщем охвате услугами здравоохранения. 10.10.2019 г. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/2>.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В исследовании мы использовали определение пандемии, данное Всемирной организацией здравоохранения: «...распространение нового заболевания в мировых масштабах»⁸. По мере того, как пандемия COVID-19 распространялась по всему миру, Организацией Объединенных Наций предпринимались шаги, направленные на защиту прав и свобод человека, оказавшегося лицом к лицу со смертельным вирусом, названным Главным секретарем ООН Антониу Гутерришем «общечеловеческим кризисом»⁹. В связи с этим по рекомендации Всемирной организации здравоохранения государствами были приняты срочные меры, направленные на сдерживание и устранение вируса COVID-19.

Данные меры в начале пандемии включали в себя переход на дистанционное обучение и удаленную работу, ограничение передвижения внутри населенных пунктов и между ними, ограничение передвижения граждан без крайней необходимости, а также закрытие границ между странами. Несомненно, представленные меры оказались непопулярными среди населения в связи с тем, что, по мнению большинства обывателей, ограничивали свободу граждан на передвижение. Отрицательное отношение населения к предпринимаемым мерам было и в некоторых случаях до сих пор остается устойчивым, так как часть населения все еще воспринимает применяемые государством меры в качестве угрозы своей свободе. Самоограничение и ограничение на самом деле позволяют соблюсти конституционный баланс личных и общественных интересов (ст. 56 Конституции РФ) [6].

В ст. 41 Конституции РФ закреплено право человека на охрану здоровья и медицинскую помощь¹⁰. Это означает, что государство несет ответственность за здоровье граждан, и ограничение передвижения выступает одним из инструментов защиты здоровья человека. Право на охрану здоровья регламентируется еще одним документом — Федеральным законом от 21.11.2011

⁸ Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covid-timeline>.

⁹ Защита прав человека в условиях пандемии COVID-19. Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/protecting-human-rights-amid-covid-19-crisis>.

¹⁰ Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>.

№ 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹¹.

Нельзя забывать и о других правах, которые должны соблюдаться наравне с правом на охрану здоровья во время распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Актуальным в настоящий момент является вопрос о защите трудовых прав человека. Обстоятельного решения требовала и проблема вовлечения в поле социальной ответственности государств мигрантов. Значительный контингент людей, которые уже сталкивались с языковыми, культурными, правовыми и иными барьерами, мог стать еще более отчужденным после объявления о внезапной изоляции. Для защиты трудовых прав мигрантов были приняты такие меры поддержки, как продление регистрации и срока действия трудовых патентов, что способствовало нормализации ситуации.

Но подобное решение вопроса наблюдалось не во всех странах мира. Например, в Индии мигранты стали самым беспомощным сообществом, лишившимся гуманного обращения со стороны государства и корпораций во время изоляции. Поэтому остро встал вопрос приоритетного внимания к внутренней миграции в контексте дальнейших нормативно-правовых и организационных инициатив государства и бизнеса [7].

Как представителями Российской Федерации, так и зарубежными специалистами не раз поднимался вопрос о зафиксированном росте случаев домашнего насилия в отношении женщин. Так, количество случаев домашнего насилия в России лишь за первый месяц самоизоляции увеличилось больше чем в два раза: с 6054 — в марте до 13000 — в апреле. Операторы кризисных центров утверждают, что каждый день они получали около 80 звонков¹².

Сейчас кризисные центры активно предлагают свою помощь женщинам и детям, которые оказались в ситуации домашнего насилия во время самоизоляции или карантина. В Западной Европе и США отмечалось сокращение (на 47–50%) обращений в полицию и медицинские учреждения в связи с сексуальным насилием, при этом крат-

ное увеличилось число анонимных обращений на горячие линии психологической помощи [8].

Таким образом, пандемия COVID-19 признана критически важным, поворотным моментом для внедрения адекватных принципов в систему защиты жертв домашнего насилия, а также отправной точкой выработки новых стратегий борьбы с насилием в отношении женщин во время пандемий. Политика изоляции увеличила число случаев насилия в отношении женщин, создала «теневую пандемию внутри пандемии». Поскольку соответствующие протоколы ВОЗ по защите от домашнего насилия в случае пандемии еще не приняты, исследователи и практики предлагают разные стратегии, в том числе использование мобильной медицины и телемедицины как эффективный метод, чтобы обсудить и проконсультировать потерпевшего, используя вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

Невозможно игнорировать и проблему медицинского сопровождения беременных женщин и грудных детей в условиях изоляции и коронавирусной инфекции COVID-19. Для разработки решений нужна проактивная стратегия, разработанная совместно с женщинами, семьями и медицинским персоналом. Строгие меры гигиены, которые ограничивают совместные роды и разделяют мать и ребенка, могут обезопасить, в том числе, сотрудников медицинских учреждений и членов их семей [9].

Возраст также может выступать в качестве значительного фактора риска во время пандемии, увеличивая физическую, а также психологическую нагрузку на пожилых людей. Помимо физиологического риска, заболеваемости, полипрагмазии и повышенной смертности, различные социальные факторы: отсутствие безопасности, одиночество, изоляция, эйджизм, сексизм, зависимость, стигма, жестокое обращение и ограничение доступа к медицинской помощи, — были определены как решающие в ситуации пандемии для лиц пожилого возраста. Маргинализация и отсутствие достаточного механизма соблюдения и защиты прав человека доставили страдания пожилым людям во время пандемии.

Всемирной организацией здравоохранения в 2016 г. была принята Глобальная стратегия и план действий по проблемам старения и здоровья для подготовки к Десятилетию здорового старения, которое началось в 2020 г. и продлится до 2030 г. Этот политический мандат предусматривал создание мира, в котором каждый может

¹¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 21.11.2011). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

¹² Полиция предупреждает: случаи домашнего насилия в разы возросли в период пандемии. Российская газета. 2020. № 180. URL: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasilija.html>.

прожить долгую и здоровую жизнь (ВОЗ, 2017)¹⁵. Внезапность пандемия COVID-19 повлияла на глобальную инициативу по достижению здорового старения и устойчивого развития. В этот период пожилые люди сталкиваются с разнообразными рисками для их здоровья и благополучия из-за прямых (биологических) и косвенных (психологических и социальных) факторов. Некоторые, такие как эйджизм и сексизм, существовали еще до пандемии. Другие, такие как повышенный риск заболеваемости и смертности, а также ограничение доступа к основным услугам, возник в контексте пандемии, и, вероятно, будут действовать даже после того, как мир выйдет из нее.

В странах Европы с высоким уровнем качества медицинского обслуживания наблюдается схожая ситуация. Например, наряду с Люксембургом и Нидерландами, Бельгия возглавляет рейтинг стран с самым большим числом жителей старше 65 лет, и в Бельгии при первой волне пандемии регистрировался самый высокий показатель смертности на душу населения, связанной с COVID-19 [10].

В создавшихся условиях предоставление информации о здоровье пожилым людям, помощь им в освоении цифровых услуг с пошаговыми инструкциями становятся крайне необходимыми. Телефоны доверия области здравоохранения, благотворительные организации и социальные службы могут предоставить пожилым людям безопасный способ сообщить о жестоком обращении и получить юридическую помощь [11].

Европейский союз подчеркивает, что ни в коем случае нельзя допустить принятия таких мер, которые ведут к ущемлению прав и свобод человека, дискриминации и рабству. Все принимаемые меры и ограничения допустимы лишь тогда, когда они, даже в некоторой мере посягая на права и свободы человека, будут действовать только при крайней необходимости и исключают произвол на местах [12].

Представители Европейского союза утверждают также, что в период пандемии не стоит проводить изменения в законодательной области, принимать решения, которые значительно отразятся на жизни государства в дальнейшем. В этой связи наибольшей критике подверглись

Россия за проведение референдума по поправкам в Конституцию и Польша, где был ужесточен закон об абортах. Принятые поправки к закону «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹⁴ позволяют правительству напрямую вводить режимы чрезвычайной ситуации и повышенной готовности на федеральном уровне. Теперь ограничивать конституционные права может каждый отдельно взятый регион, используя «режим повышенной готовности», отличие которого от «чрезвычайной ситуации» еще не понятно гражданам [13]. Данные поправки мы рассматриваем не с точки зрения отсутствия в них острой необходимости и не как имеющие характер ущемления прав человека, а как нуждающиеся в дополнительном освещении и толковании в средствах массовой информации и в рамках специализированных просветительских мероприятий. Например, многочисленные уголовные дела по ст. 236 УК РФ в отношении лиц, нарушивших самоизоляцию, проистекают именно из непонимания терминов «изоляция» и «самоизоляция», в том числе из-за их недостаточной правовой разработки [14].

Пандемия продемонстрировала также нерешенность проблемы укорененных в общественном сознании медицинских предубеждений и дискриминации людей с ограниченными возможностями. Например, насущной как для национальных, так и для международного законодательства является разработка этических и клинических рекомендаций, касающихся вопросов лечения во время пандемии людей с психическими расстройствами. Особую озабоченность вызывает обеспечение адекватности ухода и лечения этой категории пациентов с соблюдением принципа уважения к автономии и достоинству личности [15]. Случаи несоблюдения прав людей с ограниченными возможностями здоровья во время пандемии с большей вероятностью проявляются в результате индивидуальных решений на местах. Поэтому права человека надо рассматривать не только в контексте формального правового положения дел, но и ежедневной правоприменительной практики [16].

Таким образом, пандемия COVID-19 демонстрирует, что государствам еще предстоит пройти

¹⁵ Всемирная организация здравоохранения. Десятилетие здорового старения, 2020–2030 гг. URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/ageing/decade-of-healthy-ageing>.

¹⁴ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/.

долгий путь анализа и выработки мер, сопряженных с соблюдением прав человека, сдерживанием и решением проблем, вызываемых пандемией. К сожалению, структура нормативного режима относительно некоторых категорий населения сложна, и решение может быть найдено в сочетании законодательных норм, постановлений и руководств. Чрезвычайно важно, чтобы разрабатываемые и принимаемые нормы, в том числе уголовно-процессуальные, в полной мере учитывали права и законные интересы самых различных социальных категорий (инвалидов, престарелых, лиц, находящихся на стационарном лечении, проживающих в удаленной местности и др.) вплоть до целесообразной модернизации законодательства — перехода в формат paper-free [17].

Также необходимо понимать не только то, *какие* решения принимаются во время пандемии COVID-19, но и *как* они принимаются. Данные исследования А.А. Schiffer, С.Т. О’Dea и D.A. Saucier подчеркивают приоритетность семьи над собой во время пандемии, обобщаемость существующих моральных дилемм, а также полезность использования общенациональных дебатов относительно социальных и экономических вопросов. Ученые также говорят о важности индивидуальных различий в принятии моральных решений при пандемии, что должны учитывать политики в подобное напряженное время [18].

Ограничительные меры в отношении свобод могут существенным образом влиять на поведение и эмоции человека, вплоть до риска возникновения панического поведения. Люди боятся потери конституционных демократических прав при принятии решений правительствами. Пандемия коронавируса — это серьезный тест на социальную ответственность, доверие к специалистам в области здравоохранения, экономики, управления всеми сферами жизнедеятельности государства, бизнеса. У общества есть опасения, что вновь введенные меры контроля могут быть впоследствии использованы для отслеживания, мониторинга и манипулирования людьми [19]. В целом меры подготовки и ответные действия

в период пандемии должны базироваться на соблюдении этических ценностей, что в настоящее время активно дискутируется в рамках профессиональных медицинских сообществ, международных организаций и национальных правительств [20]. Нужны мудрость и ответственность. Кризис, связанный с коронавирусом, не должен повернуть вспять борьбу человечества за свои права и свободы.

ВЫВОДЫ

В настоящий момент организациями, ответственными за обеспечение соблюдения прав человека, создаются все условия, позволяющее наиболее безболезненно, с наименьшим ущербом в области прав человека преодолеть период кризиса. Для государства здоровье граждан играет ведущую роль, опережая экономическое развитие. Необходимо контроль за мерами, применяемыми для сдерживания вируса COVID-19 на местах, чтобы не допустить злоупотребления сложившейся ситуацией со стороны работодателей.

Человечество сейчас сталкивается с глобальным кризисом, и решения, которые принимают граждане и правительства, могут стать долгосрочными. Это касается не только системы здравоохранения, но и экономики, политики, экологии и культуры. Перед лицом данной беспрецедентной ситуации человечество не может существовать без коллективного сотрудничества. Пандемия коронавируса — это глобальная проблема, которую можно эффективно преодолеть только с помощью глобального сотрудничества. Но для этого необходимо доверие, и страны должны быть готовы к открытому обмену информацией, опытом и даже технологиями, обращаться за советом, доверять данным и знаниям, которые они получают. Соответственно, скоординированные глобальные усилия могут значительно ускорить производство и обеспечение более эффективных средств и методов борьбы с пандемией. Кризис COVID-19 должен помочь кардинально изменить принципы национальной и международной солидарности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Van Hout M. C., Wells J.S.G. The right to health, public health and COVID-19: a discourse on the importance of the enforcement of humanitarian and human rights law in conflict settings for the future management of zoonotic pandemic diseases. *Public Health*. 2021;(192):3–7. Doi.org/10.1016/j.puhe.2021.01.001
2. Варламова Н.В. Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской Конвенции о защите прав человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020;3(87):15–25.

- Varlamova N.V. Lockdown as a response to the COVID-19 pandemic: an analysis in the context of the European Convention on Human Rights. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;3(87):15–25. (In Russ.).
3. Qiu Sh., Jiang J., Liu X., Chen M.-H., Yuan X. Can corporate social responsibility protect firm value during the COVID-19 pandemic? *International Journal of Hospitality Management*. 2021;(93):1–12. Doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102759
 4. Батырь В.А. Разработка международной конвенции о борьбе с опасными инфекционными заболеваниями — требование современности. *Lex russica (Русский закон)*. 2020;8(165):106–123.
Batyr V.A. The development of an international convention on the control of dangerous infectious diseases is a modern requirement. *Lex Russica (Russian law)*. 2020;8(165):106–123. (In Russ.).
 5. Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;15(12):48–56.
Doroshenko E.N. Constitutional and legal framework for limiting human rights in connection with the pandemic of the new coronavirus infection. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2020;15(12):48–56. (In Russ.).
 6. Лунгу Е.В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям. *Правоприменение*. 2020;4(3):69–75.
Lungu E.V. Pandemic COVID-19. A new challenge to the constitutional legal relationship. *Pravoprimeneniye = Enforcement*. 2020;4(3):69–75. (In Russ.).
 7. Kumar Sh., Choudhury S. Migrant workers and human rights: A critical study on India's COVID-19 lockdown policy. *Social Sciences & Humanities Open*. 2021;(3):1–8. Doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100130
 8. Viero A., Barbara G., Montisci M., Kustermann K., Cattaneo C. Violence against women in the Covid-19 pandemic: A review of the literature and a call for shared strategies to tackle health and social emergencies. *Forensic Science International*. 2021;(319):1–8. Doi.org/10.1016/j.forsciint.2020.110650
 9. Renfrew M.J., Cheyne H., Craig J. Sustaining quality midwifery care in a pandemic and beyond. *Midwifery*. 2020;(88):1–7. Doi.org/10.1016/j.midw.2020.102759
 10. Guinjoan S.M. Expert opinion in Alzheimer disease: The silent scream of patients and their family during coronavirus disease 2019 (COVID-19) pandemic. *Personalized Medicine in Psychiatry*. 2021;(25–26):1–3. Doi.org/10.1016/j.pmip.2021.100071
 11. D'cruz M., Banerjee D. “An invisible human rights crisis”: The marginalization of older adults during the COVID-19 pandemic — An advocacy review. *Psychiatry Research*. 2020;(292):1–8. Doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113369
 12. Плотников С.И. Ограничение прав и свобод граждан в период распространения новой коронавирусной инфекции (covid-19): проблемы теории и практики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-prav-i-svobod-grazhdan-v-period-rasprostraneniya-novoy-koronavirusnoy-infektsii-covid-19-problemy-teorii-i-praktiki>.
Plotnikov S.I. Restriction of the rights and freedoms of citizens during the spread of the new coronavirus infection (covid-19): problems of theory and practice. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-prav-i-svobod-grazhdan-v-period-rasprostraneniya-novoy-koronavirusnoy-infektsii-covid-19-problemy-teorii-i-praktiki>. (In Russ.).
 13. Мельников Ю.В. Роль государства в обеспечении прав и свобод человека. Ростов н/Д: Фонд Науки и образования; 2020. 492 с.
Melnikov Yu.V. The role of the state in ensuring human rights and freedoms. Rostov on Don: Science and Education Foundation; 2020. 492 p. (In Russ.).
 14. Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Новеллы уголовного законодательства в условиях пандемии. *Вестник Удмуртского университета*. 2020;30(4):541–553.
Efremova M.A., Shutova A.A., Nikiforova A.A. Novels of criminal legislation in a pandemic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*. 2020;30(4):541–553. (In Russ.).
 15. Stavert J., McKay C. Scottish mental health and capacity law: The normal, pandemic and “new normal”. *International Journal of Law and Psychiatry*. 2020;(71):108. Doi.org/10.1016/j.ijlp.2020.101593
 16. Wilson K. The COVID-19 pandemic and the human rights of persons with mental and cognitive impairments subject to coercive powers in Australia. *International Journal of Law and Psychiatry*. 2020;(73):1–10. Doi.org/10.1016/j.ijlp.2020.101605

17. Андреева О.И., Зайцев О.А., Кудрявцева А.В. Влияние COVID-19 на осуществление конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. *Всероссийский криминологический журнал*. 2020;14(5):786–797.
Andreeva O.I., Zaitsev O.A., Kudryavtseva A.V. Impact of COVID-19 on the exercise of constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal = All-Russian criminological journal*. 2020;14(5):786–797.
18. Schiffer A. A., O’Dea C.J., Saucier D. A. Moral decision-making and support for safety procedures amid the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*. 2021;(175):1–11. Doi.org/10.1016/j.paid.2021.110714
19. Zabaniotou A. A systemic approach to resilience and ecological sustainability during the COVID-19 pandemic: Human, societal, and ecological health as a system-wide emergent property in the Anthropocene. *Global Transitions*. 2020;(2):116–126. Doi.org/10.1016/j.glt.2020.06.002
20. Нежметдинова Ф.Т., Гурьлёва М.Э. Медико-социальные и этические проблемы, связанные с COVID-19. *Казанский медицинский журнал*. 2020;101(6):841–851.
Nezhmetdinova F. T., Guryleva M.E. Medical, social and ethical issues associated with COVID-19. *Kazan Medical Journal*. 2020;101(6):841–851. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Николаевна Вобляя — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры «Экономика, финансы и менеджмент», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
INVoblaya@fa.ru

Наталья Алексеевна Гаража — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
nagarazha@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Boblaya — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Associate Professor, Department of Economics, Finance, and Management, Novorossiysk Branch of the Financial University, Novorossiysk, Russia
INVoblaya@fa.ru

Nataliya A. Garazha — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Informatics, Mathematics, and General Humanities, Novorossiysk Branch of the Financial University, Novorossiysk, Russia
nagarazha@fa.ru

Статья поступила 16.04.2021; принята к публикации 15.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.04.2021; accepted for publication on 15.06.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-14-20
УДК 316.286/316.77(045)

COVID-19 как информационный феномен: результаты медиааналитического исследования реакции интернет-аудитории США на пандемию

О.В. Ярмач^а, В.И. Барыбина^б

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7745-6063>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты медиааналитического исследования реакции американской интернет-аудитории на распространяющуюся пандемию коронавируса, в частности киберметрического анализа социальных медиа. Это позволило выявить сформированную неоднозначность в оценках американских интернет-пользователей событий, связанных с пандемией коронавируса и проанализировать процесс конструирования коронавируса как информационного феномена. Эпидемиологический кризис сформировал новые информационные тренды не только по геолокационному определению вируса, социальному дистанцированию, гигиене и использованию индивидуальных видов защиты, но и по распространению информационных фейков. Исследование подтвердило тезис, что социальные медиа могут и должны использоваться для поддержки мер общественного здравоохранения. Цифровые технологии способствуют преодолению социальных ограничений во время массового карантина, а также обеспечивают поддержку психического здоровья, формируют социальную солидарность в обществе, находящемся в ситуации социального дистанцирования и изоляции.

Ключевые слова: COVID-19; коронавирус; пандемия; информационный феномен; социальные медиа; США

Для цитирования: Ярмач О.В., Барыбина В.И. COVID-19 как информационный феномен: результаты медиааналитического исследования реакции интернет-аудитории США на пандемию. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):14-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-14-20

ORIGINAL PAPER

COVID-19 as an Informational Phenomenon: Results of a Media Analytical Study of Response of Internet Audience to Pandemic in the USA

O.V. Yarmak^a, V.I. Baribina^b

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>; ^b <https://orcid.org/0000-0001-7745-6063>

ABSTRACT

The article presents the results of a media analytical study of the American Internet audience's response to the spreading coronavirus pandemic. In particular, it concerns the cybermetric analysis of social media, which made it possible to identify the formed ambiguity in the assessments by American Internet users of events related to the coronavirus pandemic and analyse the process of constructing the coronavirus as an informational phenomenon. The epidemiological crisis has shaped new information trends in the geolocation of the virus, social distancing, hygiene and the use of individual types of protection, and the spread of information fakes. The study confirmed the thesis that social media can and should be used to support public health measures. Digital technologies help to overcome social constraints during mass quarantines and provide support for mental health, the formation of social solidarity in a society in a situation of social distancing and isolation.

Keywords: COVID-19; coronavirus; pandemic; information phenomenon; social media; pandemic; USA

For citation: Yarmak O.V., Baribina V.I. COVID-19 as an informational phenomenon: Results of a media analytical study of response of internet audience to pandemic in the USA. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):14-20. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-14-20

ВВЕДЕНИЕ

Примерно треть от общего числа случаев заболевания COVID-19 в мире приходится на Соединенные Штаты Америки. По данным Американского института общественного мнения Gallup, коронавирус достаточно быстро поднялся на вершину рейтинга проблем, стоящих перед США, обойдя недовольство правительством, которое с начала 2017 г. неизменно удерживало лидерство. 45% американцев считают, что COVID-19 превосходит все другие проблемы, включая правительство (20%), безработицу (9%) и здравоохранение (6%). Также, по данным Gallup, большинство американцев считают, что страна находится либо в состоянии экономической рецессии (37%), либо — депрессии (21%). 39% уверены, что экономика США в стагнации и только 3% — что она растет [1].

По данным проекта «The COVID-19 Social Change Survey», 29% опрошенных очень обеспокоены разрушением привычного образа жизни, 27% достаточно обеспокоены, 25% обеспокоены в некоторой степени, 12% не особо обеспокоены и лишь 7% не обеспокоены совсем, т.е. 80% американских респондентов выражают недовольство новыми условиями жизни в связи с пандемической угрозой¹. Данные исследования «Gallup Panel», проведенного 13–19 апреля 2020 г., показывают, что 33% (54 млн опрошенных представителей рабочих профессий США уволены или столкнулись с сокращением рабочего времени из-за COVID-19 [2].

Данные социологических замеров США показывают, что повседневная жизнь американцев нарушена: школы и предприятия закрыты, растет уровень безработицы, население изолировано в своих домах, отрезано от общения друг с другом и обеспокоено собственным здоровьем или здоровьем членов семьи.

COVID-19 КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

Вследствие доступности интернета и растущего объема интернет-коммуникаций феномен COVID-19 обрел двойственную природу: это уже не только и не столько явление медицинское, но и меметическое цифровое понятие. COVID-19 как сетевой мем стал цифровым доппельгангером медицинского вируса со

свойственной ему, в отличие от физического прототипа, способностью вызывать особые социально-психологические симптомы, такие, как стресс, тревога, страх, раздражение, агрессия, трудности адаптации вследствие резкого изменения устоявшегося образа жизни. По словам представителя Всемирной организации здравоохранения, ложь об эпидемии коронавируса распространяется в интернете быстрее, чем сам вирус [3].

Исследование, проведенное Исследовательским центром Pew Research Center, демонстрирует, что информация о COVID-19 имеет дифференцированную по типу потребления новостийной информации аудиторию: одна ее часть в основном получают новости по теме коронавируса из социальных сетей, и другая полагается на более традиционные источники. Среди тех, кто получает большую часть новостей из социальных сетей, 57% сообщили, что видели некоторую информацию о COVID-19, которая «казалась им полностью выдуманной»; среди тех, кто следит за «ковидными» новостями в печатных СМИ, эта цифра составила 37%. Люди, получающие новости через социальные медиа, считают коронавирусную угрозу преувеличенной. 45% опрошенных потребителей новостей из социальных сетей отмечают, что СМИ «сильно преувеличили риски», связанные с новым коронавирусом. Потребители радионовостей показали близкий результат: 44% полагали, что СМИ преувеличивают угрозу вируса, в то время как только 26% потребителей печатных изданий сказали об этом [4]. Меры, принимаемые для предотвращения распространения вируса, оказывают значительное влияние на экономику и могут повлечь за собой финансовые издержки в государственных масштабах. Распространение инфекционных заболеваний считается «наивысшим глобальным экономическим риском», а цифровое дублирование распространения эпидемии может увеличить этот риск и сделать его информационным.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую базу исследования составили работы Н. Лумана, Ж. Бодрийяра, М. Кастельса, М. Фуко, М. Маклюэна [5–9]. Авторы обращаются к сетевым теориям, методология которых заложена М. Грановеттером, идеям П. Бурдьё,

¹ The COVID-19 Social Change Survey. URL: <https://redbird.shinyapps.io/cscs/>.

полагавшего, что возможности современных медиа оказывают информационно-психологическое воздействие как на индивидуальное, так и массовое сознание, рассуждениям М. Маклюэна о специфике коммуникации в киберпространстве [10–12].

К дискуссии об эпидемии, имеющей социально-политический ракурс, подключились современные социальные исследователи. Так, итальянский философ Джорджо Агамбен в статье «Изобретение эпидемии» заявляет следующее: «Столкнувшись с безумными, иррациональными и совершенно неоправданными чрезвычайными мерами в связи с предполагаемой эпидемией, вызванной коронавирусом, необходимо начать с заявлений CNR (Национального исследовательского совета), согласно которым не только в Италии нет эпидемии атипичной пневмонии (SARS-CoV2), но и в любом случае инфекция, судя по эпидемиологическим данным, имеющимся на сегодняшний день по десяткам тысяч случаев, вызывает легкие/средние симптомы (своего рода грипп) в 80–90% случаев» [13]. Если дела и вправду обстоят подобным образом, то возникает вопрос: отчего массмедиа делают все, чтобы создать панические настроения, и провоцируют таким образом наступление реального чрезвычайного положения «с серьезными ограничениями в передвижении и приостановкой нормального функционирования условий жизни и труда в целых регионах»? [13].

Далее социолог предполагает, что объяснить подобную неадекватную реакцию СМИ можно двумя факторами. Первый связан с формированием тенденции к использованию чрезвычайного положения в качестве рычага управления. Второй вызывающий тревогу фактор — это «состояние страха, которое, очевидно, распространилось в последние годы в сознании отдельных людей и которое переходит в реальную потребность в коллективных панических состояниях, для которых эпидемия все еще является идеальным поводом» [13]. Таким образом формируется ряд ограничений, наложенных правительствами, которые принимаются во имя стремления к безопасности и вызваны страхами, инициированными самими правительствами.

Философ Славой Жижек опубликовал книгу «Pandemic! COVID-19 Shakes the World», в которой он задается не столько вопросами про-

исхождения вируса, сколько пытается переосмыслить миропорядок в целом [14]. Он говорит, что вирус обнажил слабые места капиталистической системы, начиная от нехватки товаров и отсутствия ИВЛ и заканчивая хрупкостью экономической системы, безработицей и рецессией, что особенно ярко проявилось в США, и приходит к выводу, что пандемия позволит «переизобрести коммунизм» [15].

Итальянский философ Роберто Эспозито, специализирующийся на биополитике, отмечает, что риски для демократии преувеличены. Он полагает, что связь политики с биологическим контролем уже сформирована, подчеркивая, с одной стороны, факт медиализации политики, а с другой — политизации медицины². Эспозито рассматривает ситуацию жестких мер в условиях пандемии, в частности в Италии, не как тоталитарный захват, а с точки зрения растерянности перед эпидемией и демонстрации распада и беспомощности сегодняшних государственных структур.

На эту же тему рассуждает американский либертарный социалист Ноам Хомски, критикуя президента США Дональда Трампа как крупного капиталиста. Он отмечает, что все департаменты американского правительства, связанные со здравоохранением, деградировали, но дело не только и не столько в президенте США, сколько в глубинном кризисе американской политической системы³.

На кризис и пандемию отреагировал и автор концепции «конца истории» Фрэнсис Фукуяма, по мнению которого, когда коронавирус утихнет, миру придется отказаться от привычной дихотомии «автократия VS демократия». Он полагает, что скорее это будут «некоторые высокоэффективные автократии с катастрофическими последствиями» [16]. По его мнению, главным критерием станет не тип государства, а доверие к нему.

Приведенные рассуждения современных социальных исследователей о социально-политическом аспекте коронавируса позволяют нам анализировать собранный контент социальных

² URL: <https://syg.ma/@journal-psychoanalysis/robierto-espozito-istsieliennyi-do-pobiednogo-kontsa>.

³ Interview: Noam Chomsky on How Bosses Are Making Coronavirus 'Worse, for Their Benefit' April 13, 2020 / Chris Brooks. URL: <https://labornotes.org/2020/04/interview-noam-chomsky-how-bosses-are-making-coronavirus-worse-their-benefit>.

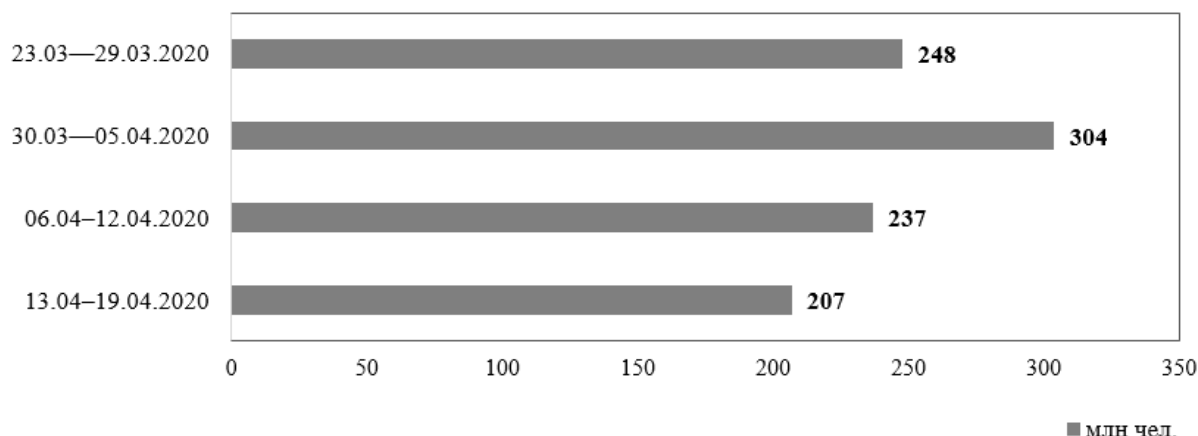

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика аудитории онлайн-сообщений социальных медиа США по тематике «COVID-19» и «коронавирус» (в млн чел., за период 23.03.2020–19.04.2020 гг.) / Dynamics of the audience of online social media messages in the United States on the subject of “COVID-19” and “coronavirus” (in a million people, for the period 03.23.2020–04.19.2020)

Источник / Source: URL: <https://www.mlg.ru/>.

медиа как пространство выражения социальных настроений и политических интересов.

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИААНАЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель медиааналитического исследования заключалась в осуществлении контент-анализа онлайн-сообщений социальных медиа США по единицам «COVID», «COVID-19», «coronavirus» в течение пикового инфицирования населения США — с 23 марта по 19 апреля 2020 г., позволившего изучить интернет-поведение американской интернет-аудитории в связи с распространением нового коронавируса COVID-19.

Задачи исследования состояли в определении объема и вовлеченности интернет-аудитории; динамики активности американских пользователей социальных медиа; тональности онлайн-сообщений; обнаружении интернет-площадок в зависимости от степени медиаактивности и наиболее популярных постов, поднимающих тему COVID-19 с субтемами и сюжетами в семантическом поле ковидного дискурса.

Методами исследования были выбраны киберметрический анализ, интеллектуальный анализ больших данных при помощи системы мониторинга и анализа СМИ социальных сетей «Медиалогия», контент-анализ выявленных онлайн-сообщений. Объем анализируемого онлайн-контента социальных медиа США за период с 23 марта по 19 апреля 2020 г., каса-

ющегося пандемии COVID-19, составил более 2 млн сообщений с интернет-аудиторией 460 241 565 пользователей.

АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-СЕКМЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА США ПО ТЕМАТИКЕ «COVID-19»

Рост медиаактивности на тему коронавируса пришелся на вторую неделю пика инфицированности (30.03.2020–05.04.2020 гг.), когда постепенно во всех американских штатах начали приниматься меры по домашней изоляции людей, а количество зараженных резко возросло. С 6 по 19 апреля вовлеченность аудитории в тему «COVID-19» постепенно падает, что, скорее всего, связано, во-первых, с общей усталостью от ее обсуждения, во-вторых, с усталостью от постоянного пребывания онлайн, в-третьих, с постепенной адаптацией к новой реальности (*рис. 1*).

Лидером среди интернет-площадок по вовлеченности аудитории в течение всего исследуемого периода оставались социальные сети: на первом месте — Instagram (59%), на втором — YouTube (40%) и со значительным отрывом — Twitter (1%). Во всех преобладающих социальных сетях развита система комментирования, что является инструментом вовлечения и удержания аудитории.

Интересную тенденцию в американском «ковидном» дискурсе демонстрируют блоги, доля которых росла каждую неделю нашего наблюдения (от 4,6 до 7,5%). Это, возможно, связано или с возникновением потребности читать и писать меньше постов на коронавирусную тему в соци-

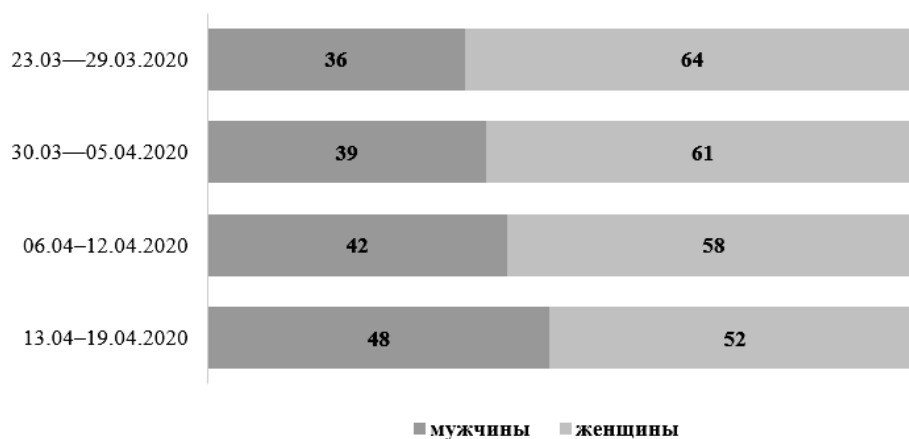

Рис. 2 / Fig. 2. Гендерное распределение аудитории социальных медиа США по тематике COVID-19 и коронавируса (в %, за период 23.03.2020–19.04.2020 гг.) / Gender distribution of the US social media audience by COVID-19 and coronavirus (in %, for the period 03.23.2020–04.19.2020)

Источник / Source: URL: <https://www.mlg.ru/>.

альных сетях и обратиться к более «спокойному» формату блога, или с желанием высказать мнение относительно пандемии в личном блоге, или же — ознакомиться с точками зрения лидеров мнений. На лидирующих интернет-площадках пользователи потребляют информацию в формате «картинка + небольшой текст» или текст до 200 символов с медиавложением либо видеороликом.

Наибольшую вовлеченность американской интернет-аудитории в период пика пандемии получил пост в официальном аккаунте ООН в Instagram, апеллирующий к солидарности, благодарности, скорби и патриотизму, получивший 28 тыс. лайков и единодушные комментарии⁴.

Вторым по вовлеченности стал пост DietPrada в сети Instagram от 9 апреля, получивший 94 тыс. лайков и посвященный осуждению известной телеведущей и актрисы Эллен Дедженерес. На странице в Instagram телеведущая сравнивала пребывание на карантине дома с нахождением в тюрьме, что и вызвало возмущение, а в комментариях высказывались мнения о том, что знаменитость не имеет права жаловаться на карантин, живя в роскоши, когда миллионы черных американцев сидят в реальных тюрьмах и изолированы в дешевых каркасных домах и трейлерных парках.

На третьем месте — видеофрагмент речи Дональда Трампа от 8 апреля, опубликованный на YouTube каналом ABC News под названием «Они сильно ошиблись: Трамп критикует Всемирную организацию здравоохранения», получивший 650 255 просмотров⁵. Комментарии на YouTube

в количестве 10 080 единиц стали пространством «коллективного карнавала», почти все они носили иронический и даже саркастический характер: комментаторы обсуждали внешность Трампа, шутили о китайцах и мексиканцах, а тема коронавируса и пандемии при этом всерьез не обсуждалась.

Интересен анализ демографических характеристик интернет-аудитории, большую часть которой составляют мужчины. Стоит отметить, что с каждой неделей в структуре американской интернет-аудитории доля женщин уменьшается, что, возможно, связано с типом хозяйствования у большинства американцев. Другая гипотеза состоит в том, что женщины быстрее адаптируются к бытовым переменам и, возможно, они с удвоенной силой занялись налаживанием жизни в новых условиях (рис. 2).

Однако стоит отметить, что, по данным проекта The COVID-19 Social Change Survey, как мужчины, так и женщины обсуждают пандемию несколько раз в день, но женщины делают это чаще⁶. Эти данные противоречат полученным в результате использования системы мониторинга и анализа социальных сетей «Медиалогия», что, возможно, связано с тем, что «Медиалогия» осуществляет автоматизированную выгрузку интернет-сегмента, а в исследовательском проекте «The COVID-19 Social Change Survey» выборка репрезентативна всему населению США.

В возрастной структуре интернет-аудитории прослеживается несколько трендов. С 23 по 30 марта подростки младше 18 лет практически

⁴ URL: https://www.instagram.com/p/B_Fa-YugZJj.

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WDXO0DRIAEU>.

⁶ URL: <https://coronadata.us/>.

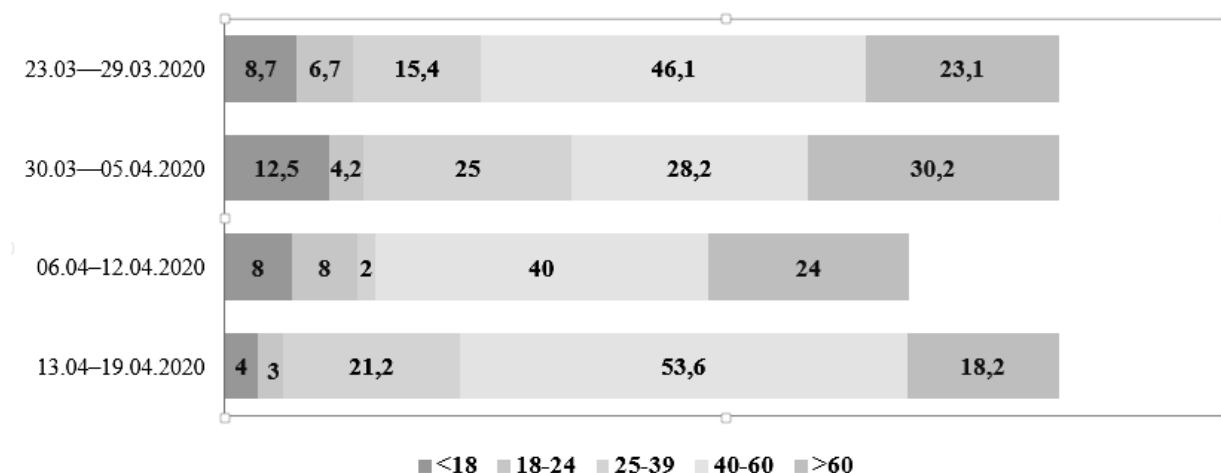

Рис. 3 / Fig. 3. Возрастное распределение аудитории социальных медиа США по тематике COVID-19 и коронавирус (в %, за период 23.03.2020–19.04.2020 гг.) / Age distribution of the US social media audience by COVID-19 and coronavirus (in %, for the period 03.23.2020–04.19.2020)

Источник / Source: <https://www.mlg.ru/>.

не интересовались темой пандемии — у этой группы интерес к ней начал формироваться с 30 марта, когда большинство школьников ушли на карантин, и стал угасать к середине апреля. Схожую динамику интереса показала и возрастная группа старше 60 лет. Самым массовым сегментом аудитории, вовлеченной в тему пандемии, стали люди 40–60 лет, что в целом совпадает с данными «The COVID-19 Social Change Survey», где рассматривался возрастной промежуток от 35 до 54 лет (рис. 3).

ВЫВОДЫ

Вовлеченность в тему пандемии COVID-19 американской интернет-аудитории старше 60 лет демонстрировала рост в пиковый период инфицированности (с 23 марта по 12 апреля) и спад с середины апреля, что объясняется постепенной адаптацией к новым реалиям. Самым массовым сегментом интернет-аудитории на тему коронавируса стали люди 40–60 лет — представители экономически активной части населения США,

налогоплательщики, ощутившие основное финансовое бремя в период коронакризиса. В отличие от России, где большая часть интернет-потребителей темы пандемии — женщины, в США доля мужчин в интернет-аудитории оказалась выше.

Резюмируя, хочется отметить, что социальные медиа должны использоваться для поддержки мер общественного здравоохранения, так как могут информировать о причинах введения карантина, обеспечивать уверенность и предоставлять практические советы в целях предупреждения и распространения слухов и фейков, приводящих к паническим настроениям. Цифровые технологии могут преодолеть социальные ограничения во время массового карантина, а также обеспечить поддержку психического здоровья, сформировать социальную солидарность в обществе, находящемся в ситуации социального дистанцирования и изоляции. Качественный анализ глобального онлайн-дискурса мог бы обеспечить оценку возможных изменений в социальных отношениях и поведении населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Jones J. M. Americans Increasingly Expect Economic Recession. URL: <https://news.gallup.com/poll/304604/americans-increasingly-expect-economic-recession.aspx>.
2. Rothwell J. Estimating How COVID-19 Affected the Labor Market in April. URL: <https://news.gallup.com/opinion/gallup/310175/estimating-covid-affected-labor-market-april.aspx>.
3. Thomas Z. WHO says fake coronavirus claims causing «infodemic». URL: <https://www.bbc.com/news/technology-51497800>.
4. Gramlich J. 5 key findings from our latest Election News Pathways survey, from impeachment to the Democratic race. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/03/11/5-key-findings-from-our-latest-election-news-pathways-survey-from-impeachment-to-the-democratic-race>.

5. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис; 2005.
Luhmann N. Reality of mass media. Moscow: Praxis; 2005. (In Russ.).
6. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. Пер. с фр. М.: Академический Проект; 2007.
Baudrillard J. To the criticism of the political economy of the sign. Moscow: Academic Project; 2007. (In Russ.).
7. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева. Харитонов В., ред. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та); 2004. 328 с.
Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society. Transl. from English by A. Matveeva. Kharitonov V., ed. Yekaterinburg: U-Factoria (with the participation of the Humanitarian University Publishing House); 2004. 328 p. (In Russ.).
8. Мишель Фуко. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург; 1997. 576 с.
Michel Foucault. The story of insanity in the classical era. St. Petersburg; 1997. 576 p. (In Russ.).
9. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. URL: <https://gtmarket.ru/McLuhan-G.M.-Understanding-Media-External-Human-Extensions>. URL: <https://gtmarket.ru>. (In Russ.).
10. Granovetter MS. The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*. 1973;78(6):1360–1380.
11. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki>.
Bourdieu P. The field of politics, the field of social sciences, the field of journalism. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki>. (In Russ.).
12. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. URL: <https://gtmarket.ru/McLuhan-G.M.-Understanding-Media-External-Human-Extensions>. URL: <https://gtmarket.ru>. (In Russ.).
13. Agamben G. L'invenzione di un'Epidemia. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia>
14. Žižek S. Pandemic!: COVID-19 shakes the world. New York and London: OR Books; 2020. DOI: 10.1007/s42438-020-00161-0
15. Žižek S. Coronavirus is 'Kill Bill'-esque blow to capitalism and could lead to reinvention of communism. URL: <https://www.rt.com/op-ed/481831-coronavirus-kill-bill-capitalism-communism>.
16. Fukuyama F. The Thing That Determines a Country's Resistance to the Coronavirus. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/thing-determines-how-well-countries-respond-coronavirus/609025>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Валерьевна Ярмак — кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
olga_yarmak@inbox.ru

Виктория Игоревна Барыбина — магистрант направления «Социология», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
barvika@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Yarmak — Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Social Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
olga_yarmak@inbox.ru

Victoria I. Barybina — Master's student in sociology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
barvika@gmail.com

Статья поступила 15.07.2021; принята к публикации 15.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.07.2021; accepted for publication on 15.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34
УДК 314.748,331.556.4(045)

Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России во время пандемии COVID-19*

Д.В. Полетаев

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия; Центр миграционных исследований, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0255-8716>

АННОТАЦИЯ

В условиях пандемии COVID-19 и экономического кризиса в России рынок труда изменился, и это отразилось на иностранной рабочей силе, составляющей важную его часть. В этих изменившихся условиях актуализируется изучение занятости трудовых мигрантов из Средней Азии. На базе социологического исследования, проведенного автором в России в 2020–2021 гг. среди 900 трудовых мигрантов из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, анализируются тип и сфера их занятости на родине и в России, способ поиска работы и конкуренция с россиянами, тип сослуживцев и продолжительность пребывания в России, среднемесячная и почасовая оплата труда в России в среднем за год в рублевом и долларовом измерении и участие в формировании бюджета семьи на родине, наличие письменного договора с работодателем и причины его отсутствия в России в период пандемии COVID-19 в страновом и гендерном разрезе.

Ключевые слова: трудовая миграция; COVID-19; Средняя Азия; трудящиеся-мигранты; занятость мигрантов в России

Для цитирования: Полетаев Д.В. Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России по время пандемии COVID-19. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):21-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34

ORIGINAL PAPER

Employment of Central Asian Migrant Workers in Russia during the COVID-19 Pandemic**

D.V. Poletaev

Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow, Russia; Centre for Migration Research, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0255-8716>

ABSTRACT

In the context of the COVID-19 pandemic and the economic crisis in Russia, the labour market has changed, affecting the foreign labour force, which is an important category of it. In these changed conditions, the study of the employment of labour migrants from Central Asia is becoming more relevant. Based on a sociological study conducted by the author in Russia in 2020–2021 among 900 labour migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan in the cities of Moscow, St. Petersburg and Yekaterinburg, the type and scope of their employment at home are analysed. The type and scope of their employment in Russia, the method of finding a job and competition with Russians, the type of colleagues and the length of stay in Russia are analysed. The analysis analyses the average monthly and hourly wages in Russia on average per year in rouble and dollar terms and participation in the formation of the family budget at home, the existence of a written agreement with the employer and the reasons for its absence in Russia during the COVID-19 pandemic in the country and gender sections.

Keywords: labour migration; COVID-19; Central Asia; migrant workers; employment of migrants in Russia

For citation: Poletaev D.V. Employment of Central Asian migrant workers in Russia during the COVID-19 pandemic. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):21-34. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34

* Статья написана по итогам Регионального проекта Международной организации по миграции «Снижение влияния социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на мигрантов и сообщества в Центральной Азии и Российской Федерации» (2020 г.).

** The article was written following the results of the Regional Project of the International Organization for Migration “Reducing the impact of the socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic on migrants and communities in Central Asia and the Russian Federation” (2020).

ВВЕДЕНИЕ

В статье приводятся данные исследования, проведенного автором в России с августа 2020 по март 2021 г. среди трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

В ноябре-декабре 2020 г. проведено очное анкетирование трудящихся-мигрантов из Таджикистана (310 чел.), Киргизии (296 чел.) и Узбекистана (294 чел.) в России методом личного интервью.

Общий объем выборки в России — 900 респондентов, в том числе Москва (420 чел.), Санкт-Петербург (240 чел.) и Екатеринбург (240 чел.). Выборка анкетного опроса структурировалась по возрасту (32% респондентов — от 18 до 25 лет; 35% — от 26 до 35 лет; 33% — от 36 до 60 лет); полу (51% — мужчины, 49% — женщины); опыту работы в России (48% респондентов — с опытом работы 1–2 года, 52% — 3 года и более).

Опрашивались трудящиеся-мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в возрасте от 18 до 60 лет, работающие в России на момент опроса. В одной точке не опрашивалось более 1–2 человек, также нельзя было опрашивать более одного члена в одном домохозяйстве.

В ноябре 2020 — феврале 2021 г. проведены полуструктурированные экспертные интервью с представителями диаспоры стран Средней Азии в России, экспертами в сфере миграции в России (всего — 7 интервью).

В ноябре 2020 — январе 2021 г. проведены глубинные интервью с 15-ю трудовыми мигрантами из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Занятость трудовых мигрантов из Средней Азии в России до миграции

До выезда в Россию работали далеко не все опрошенные респонденты (рис. 1). В государственной организации работали 12% респондентов, в частной фирме — 26% респондентов, работали на себя 8% респондентов, а случайными заработками (разовые заказы, посуточная заработная плата) жили также 8% респондентов. Таким образом, работали до выезда в Россию около половины всех опрошенных (54%). Это были 65% от опрошенных мужчин и 43% — от опрошенных женщин. Неоплачиваемой домашней работой были заняты 20% опрошенных, в основном это были женщины (33% женщин против 7% у муж-

чин). Безработными до миграции были около 15% опрошенных, а обучались в вузе, колледже или школе 10% респондентов.

Можно выделить четыре основные сферы занятости работавших до миграции в Россию трудящихся-мигрантов (рис. 2). Это строительство (16% респондентов), оптовая и розничная торговля (15%), сфера услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (12%) и прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги (12%). Также можно выделить образование (8% респондентов), сельское хозяйство (7%), транспорт (такси, автобус, перевозка товаров) (6%), здравоохранение (5%) и производство (5%).

Среди упомянутых сфер занятости наблюдались серьезные различия по гендерному признаку. Так, строительство было в основном работой для мужчин (26% у мужчин против 0,5% у женщин), равно как и транспорт (10% и 0% соответственно), сельское хозяйство (9% и 3%) и производство (7% и 3%). А вот оптовая и розничная торговля в основном была занятием женщин (25% у женщин против 8% у мужчин), наряду со сферой услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (17% и 8%), здравоохранением (11% и 1%) и образованием (12% и 5%).

Работа в России трудовых мигрантов из Средней Азии

Почти все опрошенные трудящиеся-мигранты из Средней Азии включены в российский рынок труда на постоянной основе: более трети из них (35%) хотели бы остаться в России навсегда, еще треть (34%) хочет длительное время жить и работать в России, а еще четверть респондентов (25%) намерены приехать в Россию и зарабатывать. Подавляющее большинство опрошенных (96%) постоянно находятся в России, при этом 43% из них постоянно живут в России, домой почти не ездят, а остальные выезжают на родину только на несколько месяцев в году. Это также говорит о постоянной включенности мигрантов в экономику России.

У работодателей в России существует незаконная практика удержания мигрантов на их рабочих местах — изъятие у них паспортов при найме на работу. Ранее эта незаконная практика применялась работодателями достаточно широко, но после введения в 2003 г. статьи 127'2 («Использование рабского труда» с изъятием документов) число случаев ее применения резко

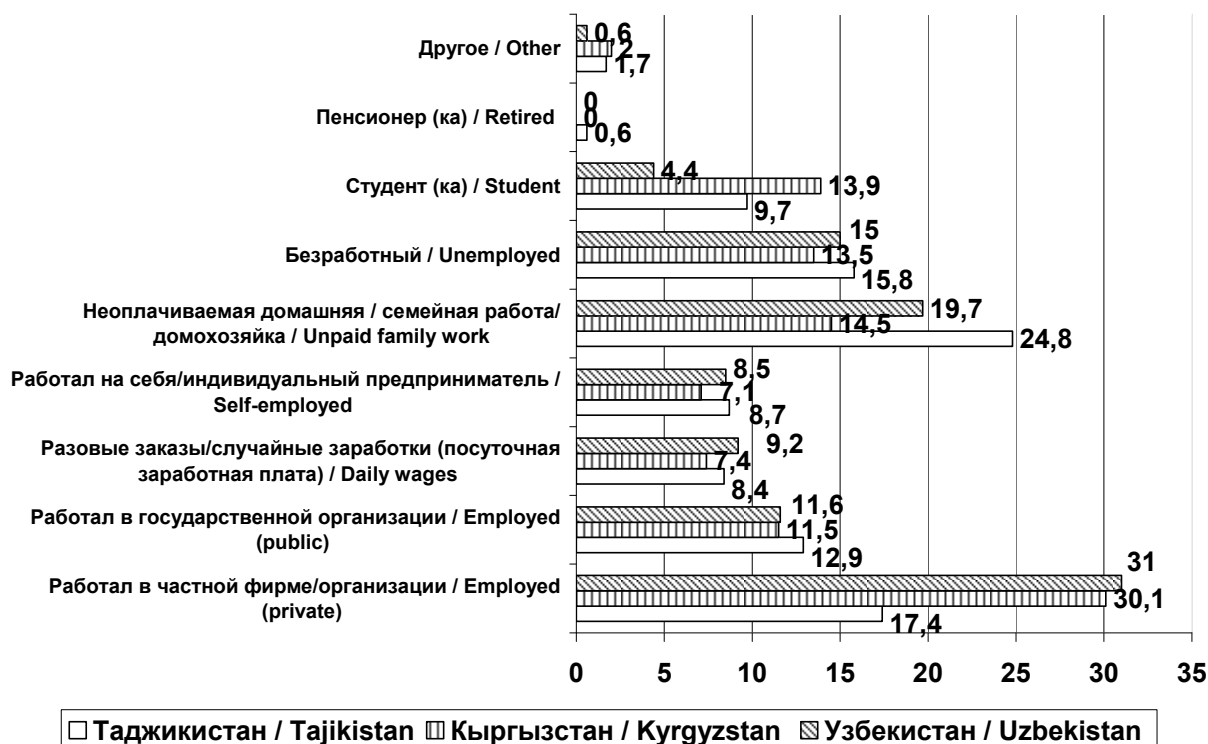

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение респондентов по типу занятости на родине (по странам), % / Distribution of respondents by type of employment at home (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

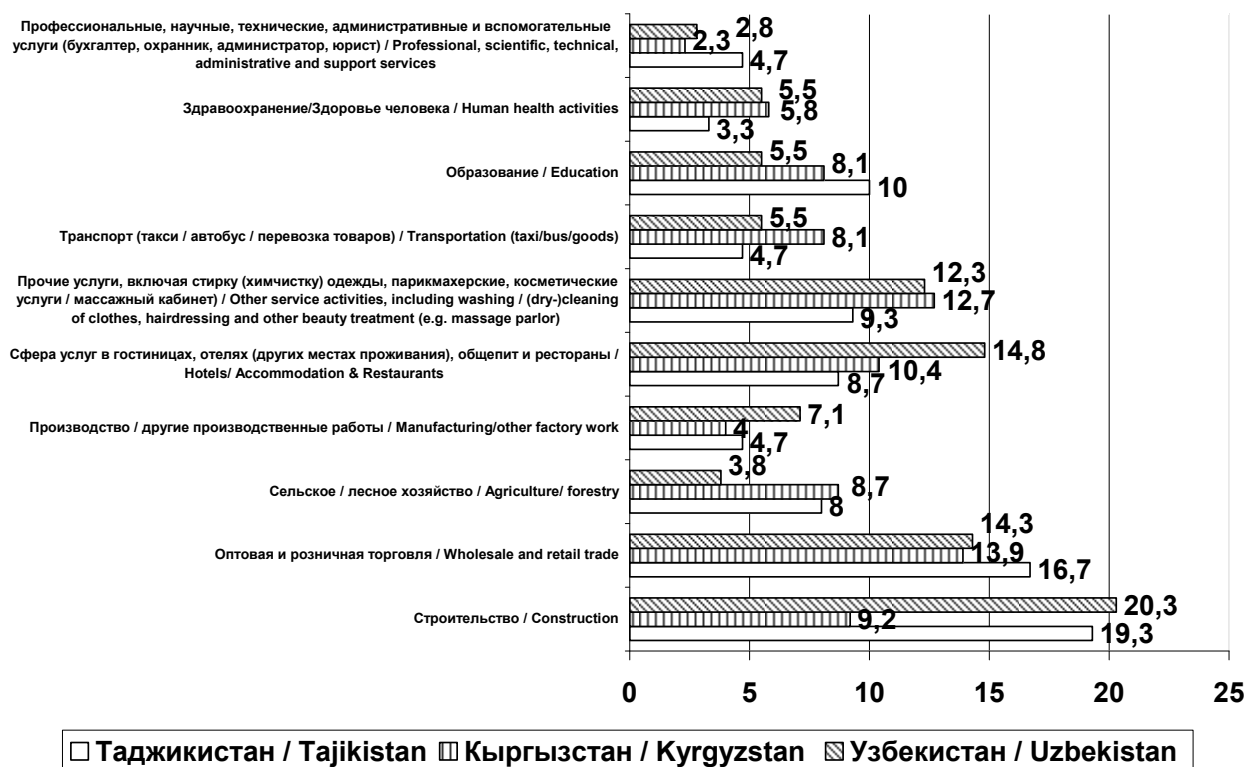

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение респондентов по сфере работы на родине (по странам), % / Distribution of respondents by field of work at home (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

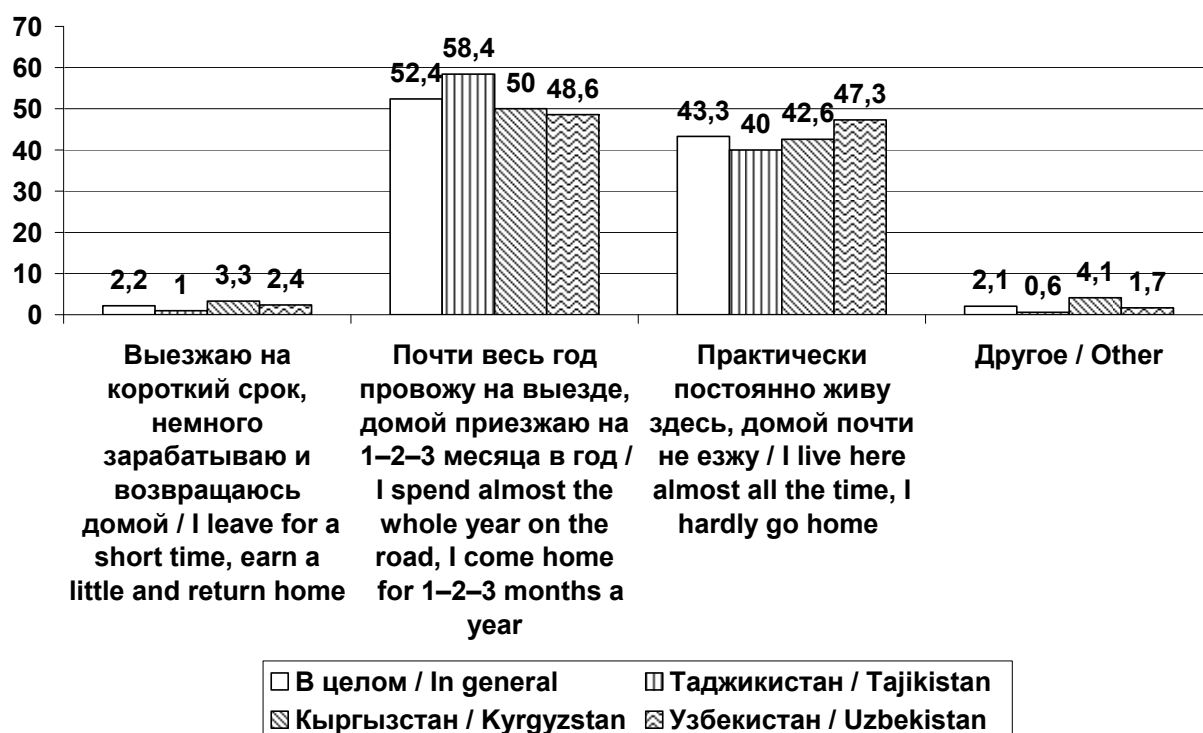

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение респондентов по продолжительности выезда на заработки (по странам), % / Distribution of respondents by the duration of travel to work (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

снизилось, что показывает и наше исследование. Менее чем у 1% опрошенных мигрантов (только среди мужчин) паспорт был изъят работодателем.

Среди опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии 88,8% трудоустроены на полный рабочий день (работают не менее 40 часов в неделю). В Москве (4%) и Екатеринбурге (5%) работающих неполный рабочий день трудящихся-мигрантов из Средней Азии было опрошено меньше, чем в Санкт-Петербурге (30%).

Подавляющее большинство трудящихся-мигрантов из Средней Азии (96%) постоянно находятся в России (рис. 3), при этом из них 43% постоянно живут в России, домой почти не ездят, а остальные выезжают на родину только на несколько месяцев в году. Только 2% выезжают в Россию на заработки на короткий срок. Это говорит о постоянной включенности трудовых мигрантов в экономику России.

Две трети опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии (рис. 4) работают в организации, на фирме (66% респондентов), 28% работают по найму у частного лица, а 5% — в статусе индивидуального предпринимателя, имеют свой бизнес.

Можно выделить четыре основные сферы, в которых заняты трудящиеся-мигранты из

Средней Азии в России (рис. 5), — те же, в которых они работали на родине. Лишь доля их вовлеченности в сферу услуг стала больше — это работа в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (13% в России, 12% на родине) и прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги (23% и 12%), строительство (16%, как и на родине) и оптовая и розничная торговля (15%, как и на родине). А вот дифференциация по другим сферам занятости говорит о меньшем использовании имеющихся компетенций трудовых мигрантов. Так, среди значимых по своей доле сфер занятости можно выделить производство, другие производственные работы (4% респондентов), жилищно-коммунальное хозяйство (6%), транспорт (6%), услуги в частном домохозяйстве (5%). Занятость в сфере образования снижается до 2% респондентов (с 8% на родине), а в здравоохранении до 2% респондентов (с 5% на родине).

При анализе в разрезе пола наблюдается резкая дифференциация сфер занятости. Так, в строительстве занято 31% мужчин и менее 1% женщин. В основном это мужчины из Узбекистана (38% респондентов от общей выборки по Узбекистану) и Таджикистана (38% респондентов

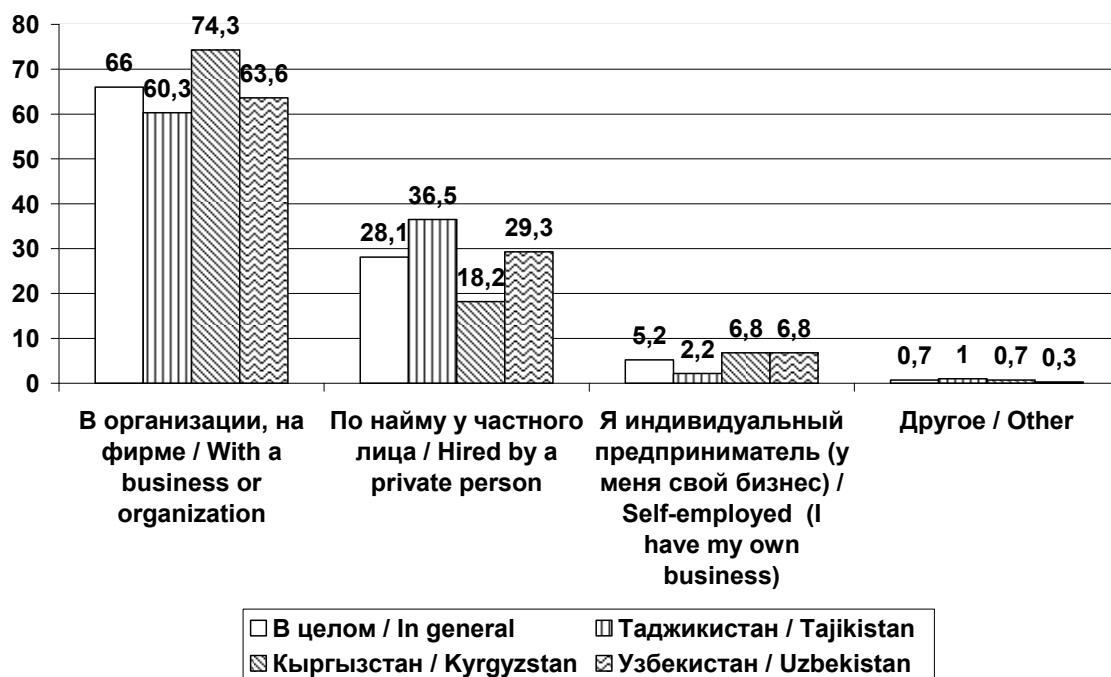

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение респондентов по форме занятости (по странам), % / Distribution of respondents by form of employment (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

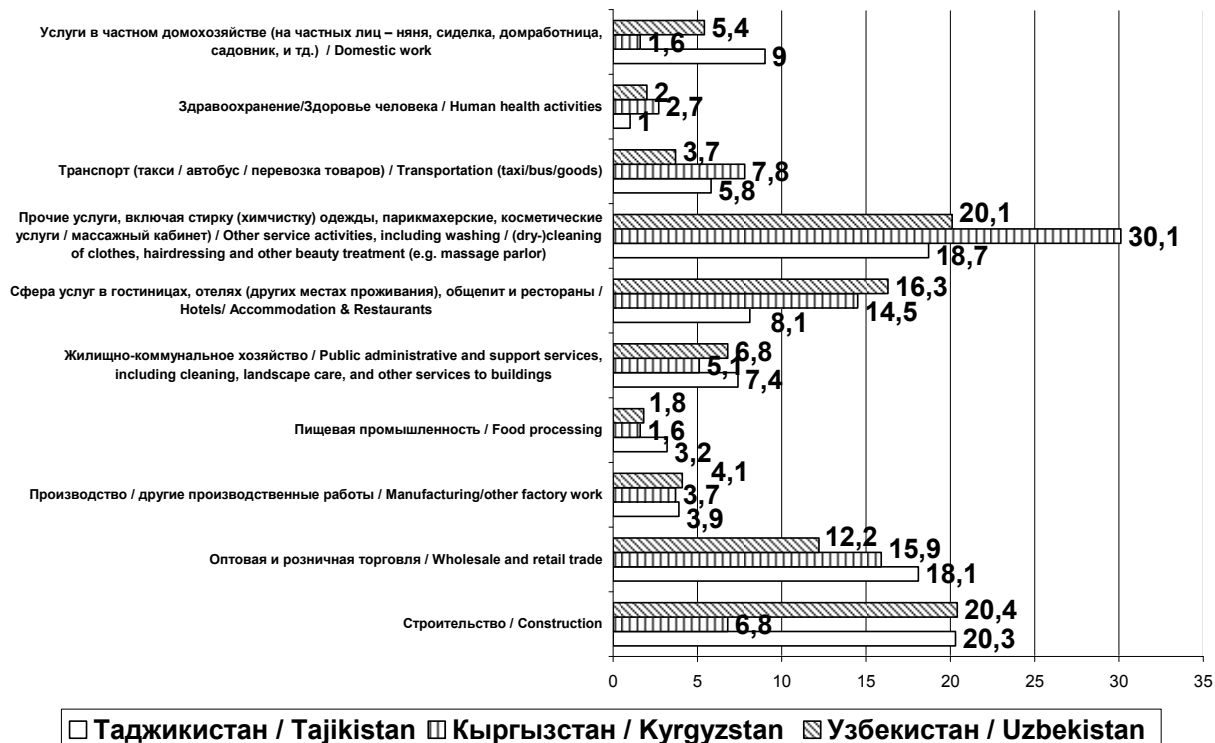

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение респондентов по сфере занятости в России (по странам), % / Distribution of respondents by employment in Russia (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

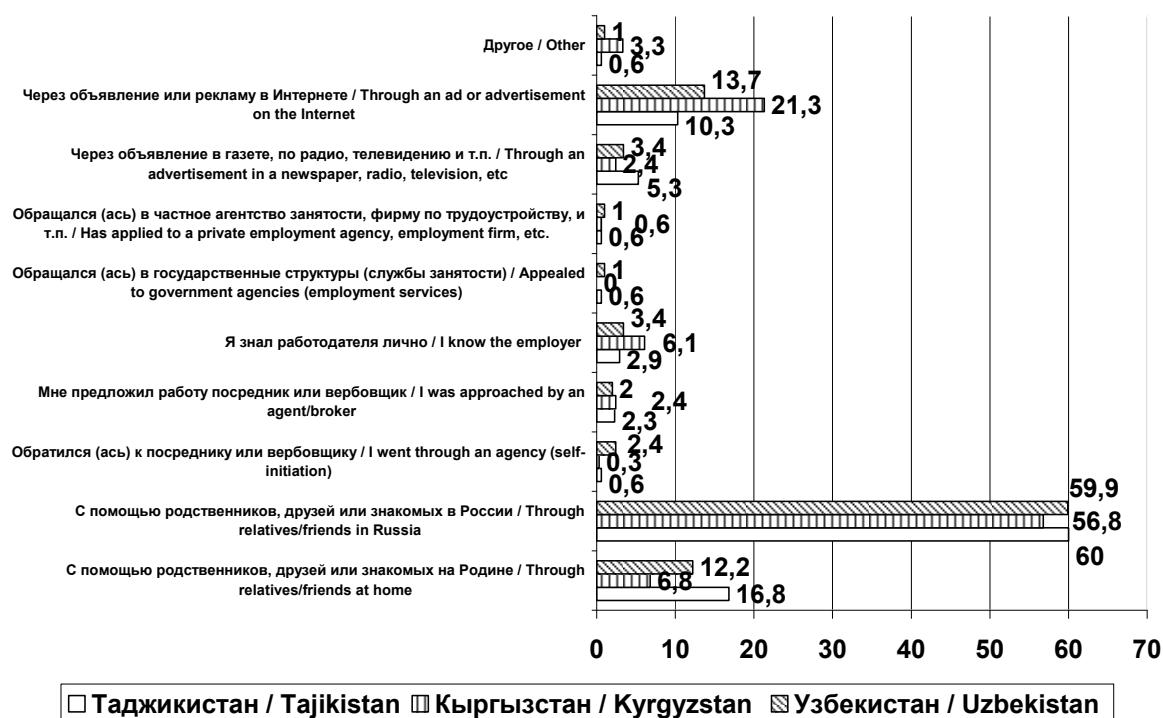

Рис. 6 / Fig. 6. Распределение респондентов по способу поиска работы в России (по странам), % / Distribution of respondents by job search method in Russia (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

от общей выборки по Таджикистану) и лишь 14% из Кыргызстана (от общей выборки по Кыргызстану). В трех других основных сферах занятости, наоборот, наблюдаем доминирование женщин. В оптовой и розничной торговле заняты 21% женщин-мигранток и 11% мужчин, в сфере услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах 16% и 10% соответственно, а в прочих услугах, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги, — 31% и 15%. В оптовой и розничной торговле дифференциация по полу особенно заметна среди трудящихся-мигрантов из Таджикистана (23% женщин и 13% мужчин от общей выборки по Таджикистану) и Кыргызстана (24% женщин и 8% мужчин от общей выборки по Кыргызстану) и в меньшей степени — среди трудящихся-мигрантов из Узбекистана (14% женщин и 11% мужчин от общей выборки по Узбекистану). В сфере услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах разница в зависимости от пола работников особенно заметна среди трудящихся-мигрантов из Таджикистана (12% женщин и 4% мужчин от общей выборки по Таджикистану) и Узбекистана (20% женщин и 13% мужчин от общей выборки по Узбекистану) и менее заметна среди трудящихся-мигрантов из Кыргызстана (16% женщин и 13% мужчин от общей выборки

по Кыргызстану). В сферах, менее значимых по своей доле в общей выборке, заметны более «мужские»: транспорт (11% у мужчин против 1% у женщин) и в ЖКХ (8% и 5%), и более «женская» — домашние работники (10% у женщин и 1% у мужчин).

Легализация трудоустройства трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Большинство опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии нашли работу через «своих» (рис. 6): 59% — с помощью родственников, друзей или знакомых в России и 12% — с помощью родственников, друзей или знакомых на родине. Среди прочих возможностей поиска работы трудящиеся-мигранты из Средней Азии в России больше всего используют интернет: 15% из них нашли работу через размещенное там объявление или рекламу. 4% респондентов нашли работу через объявление в газете, по радио, благодаря телевидению; 4% знали работодателя лично и 2% воспользовались предложением работы от посредника или вербовщика. Сами обратились к посреднику или вербовщику 1% респондентов, в частное агентство занятости, фирму по трудоустройству — 1% и в государственные структуры по трудоустройству — 1%. Как видно, трудящиеся-мигранты из Средней Азии

Рис. 7 / Fig. 7. Распределение респондентов по наличию письменного договора с работодателем (по странам), % / Distribution of respondents by having a written agreement with an employer (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

в России слабо используют специализированные сервисы для поиска работы, предпочитая личные связи. Кроме того, можно сделать вывод о том, что частные посредники и вербовщики успешно конкурируют на рынке трудоустройства среднеазиатских мигрантов с официальными структурами, занимающимися трудоустройством, но их доля там очень мала. Это может поставить трудящихся-мигрантов из Средней Азии в уязвимое положение, — когда поиск работы осуществляется неофициальным путем, высок риск трудоустройства к недобросовестному работодателю, включения в «теневую» экономику.

Эти риски реализуются, увы, достаточно часто. Так, письменный договор имеют только 55% опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии (рис. 7). В Москве доля трудящихся-мигрантов из Средней Азии без письменного договора составляет 52%, в Екатеринбурге — 43%, а в Санкт-Петербурге — 37%. В гендерном разрезе различия по занятости без письменного договора у трудящихся-мигрантов из Средней Азии незначительны.

Треть трудящихся-мигрантов из Средней Азии, занятых без письменного договора (33% респондентов), заявили о том, что контракт отказывается заключать работодатель (рис. 8),

а 61% — что письменный договор им не нужен. Такой опрометчивый правовой нигилизм, образующийся в условиях преимущественного найма «через своих», ставит трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России в очень уязвимое положение от работодателя.

«Изначально они сказали, что мы составим договор с вами, но уже как год прошел, они ничего не составили. То есть я могу сказать, что, наверное, даже и не числюсь там» (из глубинного интервью в Москве мигрантки из Кыргызстана, 34 года).

Доля трудящихся-мигрантов из Средней Азии, имеющих легальные контракты, еще ниже: не 55%, как думают сами респонденты, а 42% (это видно при анализе формы выплаты им заработной платы) (рис. 9). Только 25% трудящихся-мигрантов из Средней Азии получают заработную плату через банк, на банковскую карточку от фирмы, юридического лица и еще 17% — по официальной ведомости, под роспись. Это фактически означает, что у 13% трудящихся-мигрантов из Средней Азии на руках письменные контракты, не имеющие юридической силы, так как оплату за свою работу они получают неофициальным путем. Наличными, без ведомости («в конверте») получают заработную плату 43% опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии, 14% — через банк, на карточку

Рис. 8 / Fig. 8. Распределение респондентов по причинам отсутствия письменного договора с работодателем (по странам), % / Distribution of respondents due to the lack of a written agreement with the employer (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

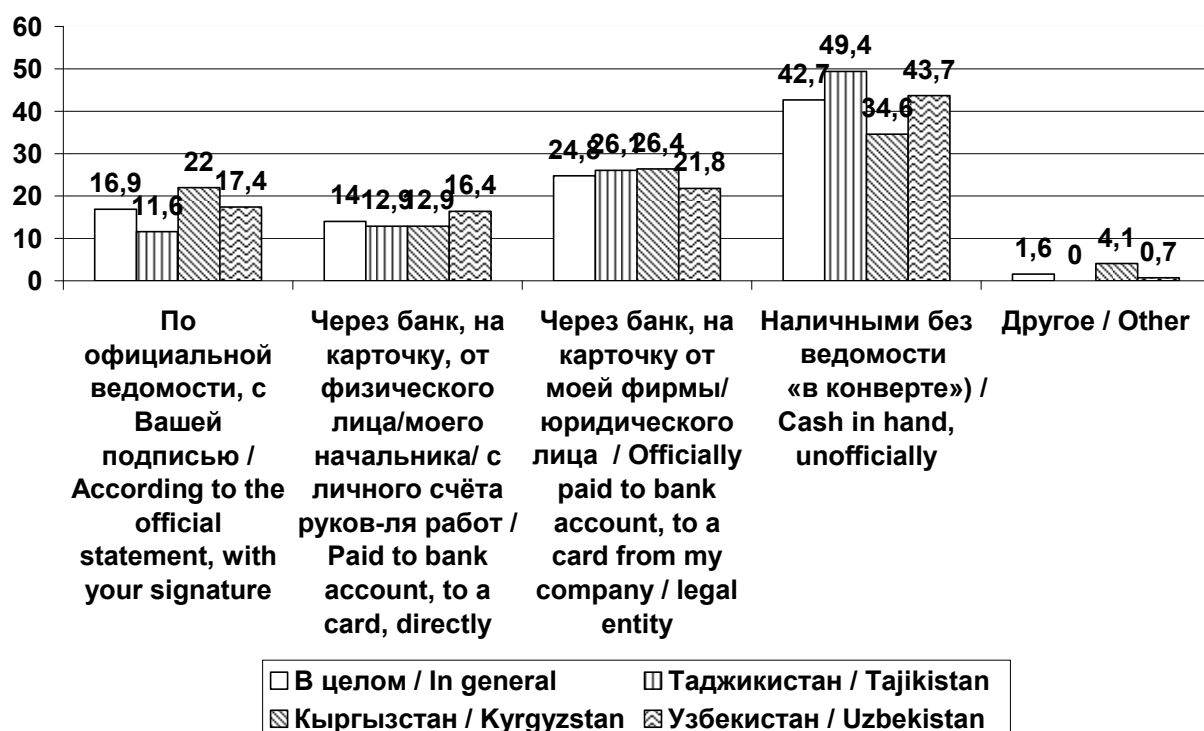

Рис. 9 / Fig. 9. Распределение респондентов по форме получения заработной платы (по странам), % / Distribution of respondents by the form of receiving wages (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 10 / Fig. 10. Распределение респондентов по типу сослуживцев (по странам), % / Distribution of respondents by type of co-workers (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

от физического лица, начальника, с личного счета руководителя.

Конкуренция с россиянами трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Трудящиеся-мигранты из Средней Азии нечасто работают вместе с россиянами (рис. 10). Так, только 16% опрошенных респондентов отметили, что рядом с ними работают в основном россияне, у 32% респондентов — и мигранты, и россияне (примерно поровну). В основном мигранты являются сослуживцами у 42% опрошенных, а 8% респондентов работают без сослуживцев. Гендерные различия по этому вопросу не очень значительные, за исключением тех, кто работает в одиночку: среди них женщин — мигрантов из Средней Азии — значительно больше (14%), чем мужчин (4%). В немалой степени этот перевес сформирован большой вовлеченностью женщин-мигранток в сферу «заботы», так как обычно домашние работники трудятся без сослуживцев.

Немногим более трети трудящихся-мигрантов из Средней Азии (37%) считают, что местные работники могли бы претендовать на их рабочее место (рис. 11), 29% опрошенных считают, что местные работники не захотят выполнять ту работу, которую делают они, а еще треть мигрантов (34%) затруднились ответить на этот вопрос. Такие ответы подтверждают, что мигранты из Средней Азии в основном работают в «мигрантских» нишах российской экономики, где они достаточно редко конкурируют с местными работниками.

Оплата труда трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Оплата труда трудовых мигрантов из Средней Азии в России

В целом по выборке средняя зарплата трудящихся-мигрантов из Средней Азии (рис. 12–15) составляет 38 290 руб. (529 долл. США) в месяц. У мужчин она немного выше (42 624 руб., или 589 долл. США), чем у женщин (33 778 руб., или 467 долл. США).

При сравнении с официальными данными Росстата о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в целом по экономике РФ, которая за 2020 календарный год составила 51 352 руб., мы видим, что средняя зарплата трудящихся-мигрантов из Средней Азии составляет три четверти (75%) от заработной платы россиян¹.

¹ Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации. КонсультантПлюс. 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052.

Рис. 11 / Fig. 11. Распределение респондентов по мнению о конкуренции за их рабочее место (по странам), % / Distribution of respondents in opinion about competition for their workplace (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

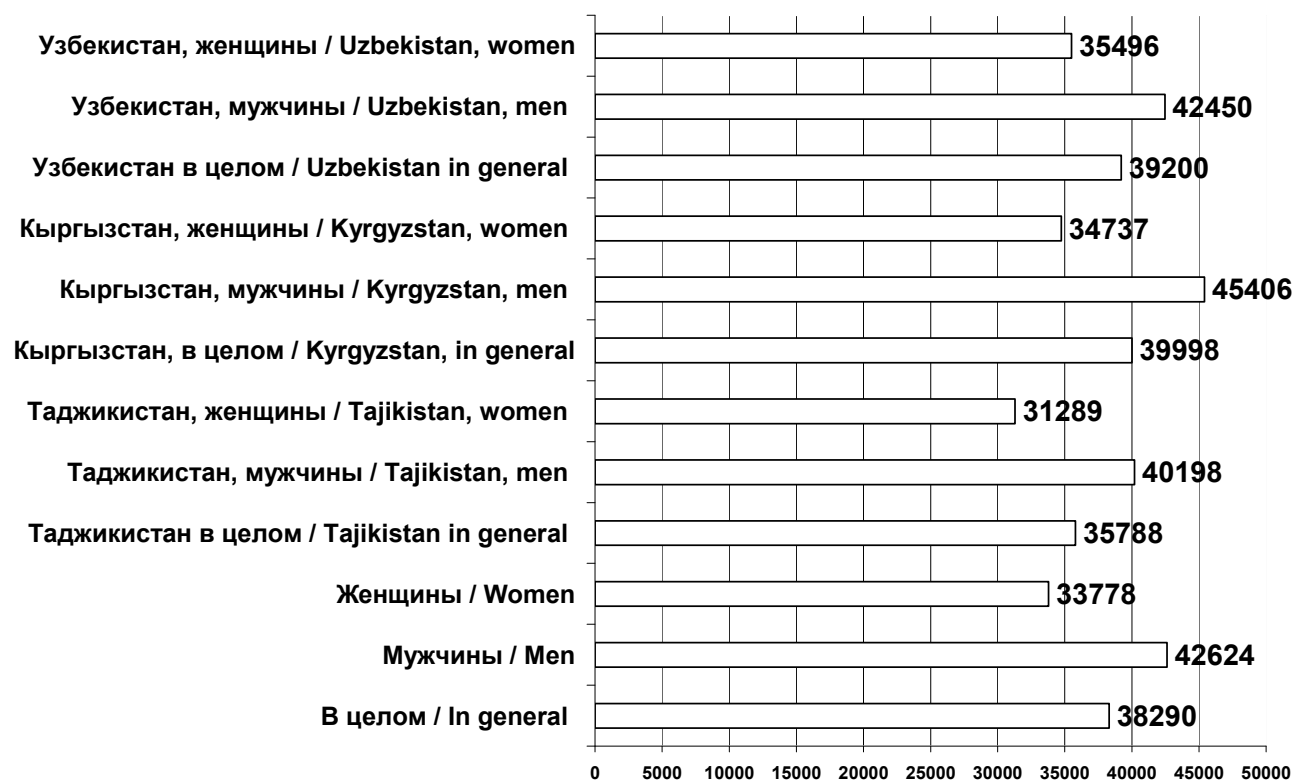

Рис. 12 / Fig. 12. Распределение респондентов по среднемесячной оплате труда в среднем за год, руб. / Distribution of respondents by average monthly wages per year, rubles

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

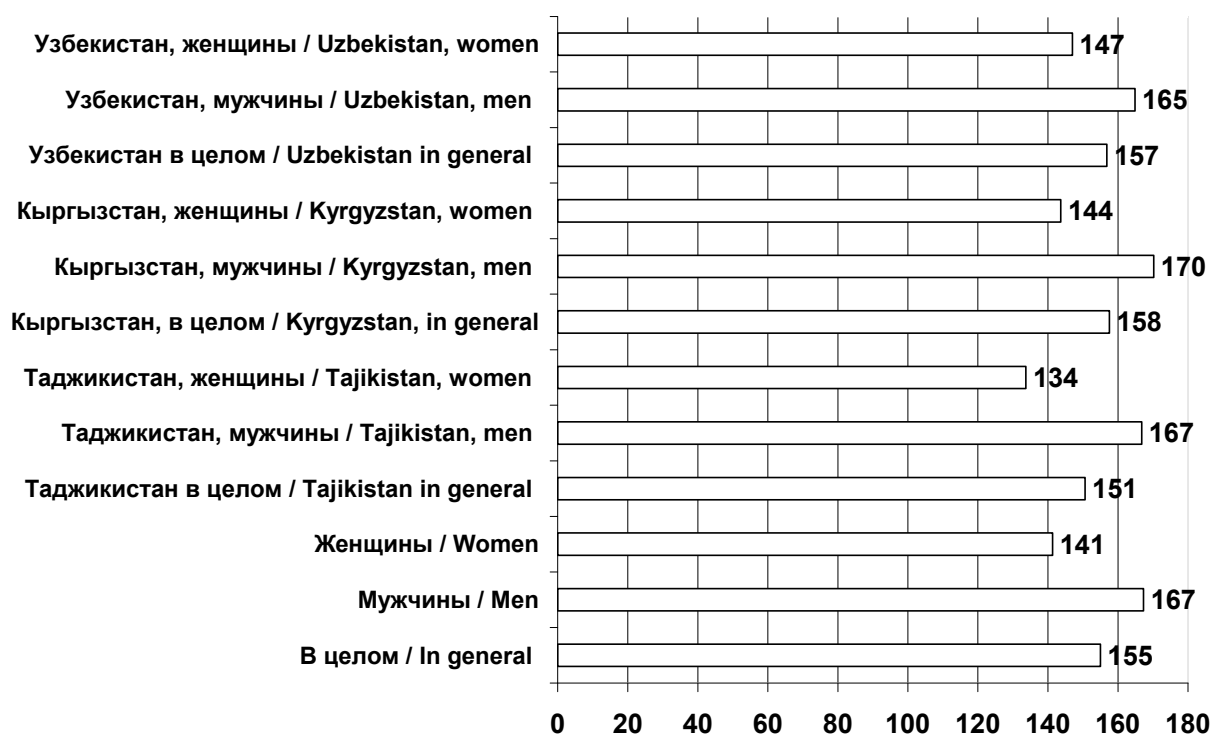

Рис. 13 / Fig. 13. Распределение респондентов по почасовой оплате труда в среднем за год, руб. /
Distribution of respondents by hourly wages on average per year, rubles

Примечание / Note: В расчете почасовой оплаты труда используется число рабочих дней в неделе и продолжительность рабочего дня, собранные по каждому респонденту в ходе опроса / The calculation of hourly wages uses the number of working days per week and the length of the working day collected for each respondent in the survey.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

В среднем рабочий день трудящихся-мигрантов из Средней Азии — 9,826 часа, а рабочая неделя — 5,771 дней. Мужской рабочий день (10,095 часов) и рабочая неделя (5,793 дней) немного больше, чем у женщин (9,544 часа и 5,748 дней). В целом по выборке почасовая оплата трудящихся-мигрантов из Средней Азии составляет 155 руб. в час (2,1 долл. США). Среди мужчин почасовая оплата в среднем составляет 167 руб. в час (2,3 долл. США), а среди женщин — 141 руб. в час (2 долл. США). В России минимальная почасовая ставка оплаты труда, исходя из действующего в 2020 г. минимального размера оплаты труда в 12 130 руб., — около 70 руб.²

Участие в формировании бюджета семьи на родине трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Среди опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии около половины являются основ-

ными кормильцами в семье (48% респондентов), а еще треть (35%) — обеспечивают семью совместно с другим членом семьи (рис. 16). Другой член семьи (неопрошенный респондент) в основном обеспечивает семью респондента в финансовом отношении в 17% случаев. Таким образом, финансовая поддержка от мигрантов из Средней Азии в России имеет критическое значение для двух третей (65%) их домохозяйств.

Основные кормильцы в семьях трудящихся-мигрантов из Средней Азии — мужчины. Они являются основными кормильцами в 65% случаев и в 28% случаев обеспечивают свою семью в финансовом отношении совместно с другим членом семьи, и только в 7% случаев основным кормильцем является другой член семьи. Роль женщин в финансовом обеспечении их семей тоже очень высока: 30% трудящихся-мигранток из Средней Азии являются основными кормильцами в семье, 42% обеспечивают свою семью в финансовом отношении вместе с другим членом семьи и только в 28% случаев другой член семьи является у них основным кормильцем. Как видим, женщины-мигрантки из Средней

² Новый почасовой МРОТ увеличит зарплату в два раза. URL: <https://www.glavbukh.ru/news/33090-novyyu-pochasovoy-mrot-uvelichit-zarplatu-v-dva-raza>.

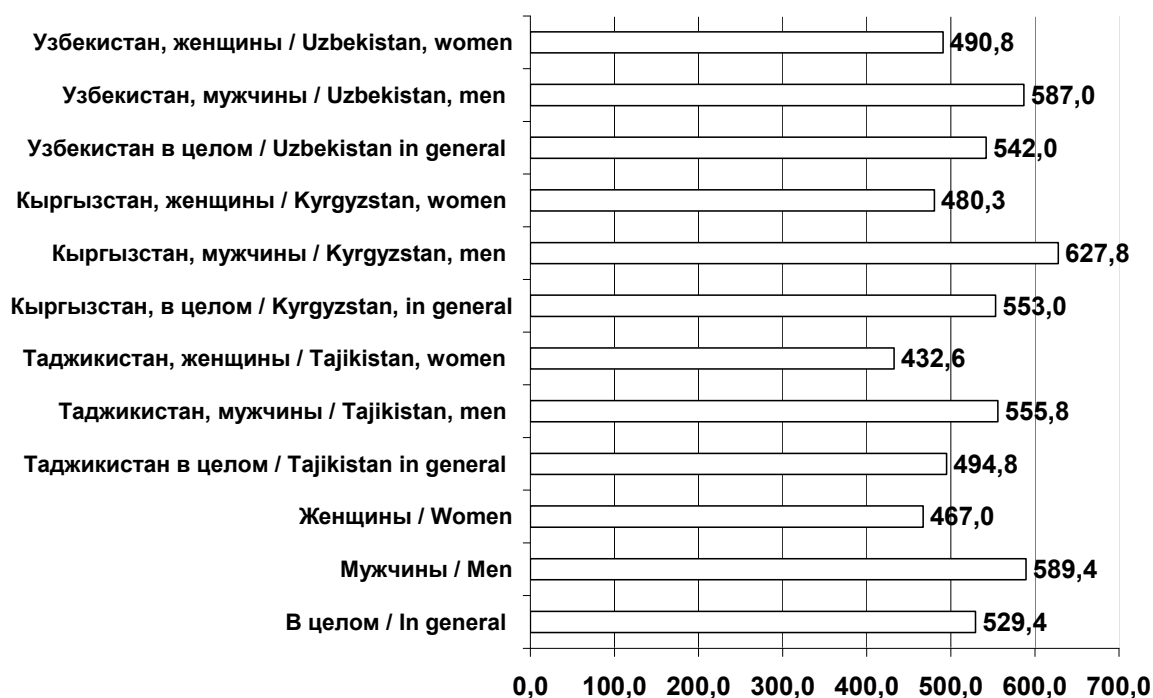

Рис. 14 / Fig. 14. Распределение респондентов по среднемесячной оплате труда в среднем за год, долл. США / Distribution of respondents by average monthly wages per year, USD

Примечание / Note: В расчетах используется средний курс 1 долл. США за 2020 г. равный 72,323 руб. / 72.323 rubles as the average rate of US\$ for 2020 was used in the calculations.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

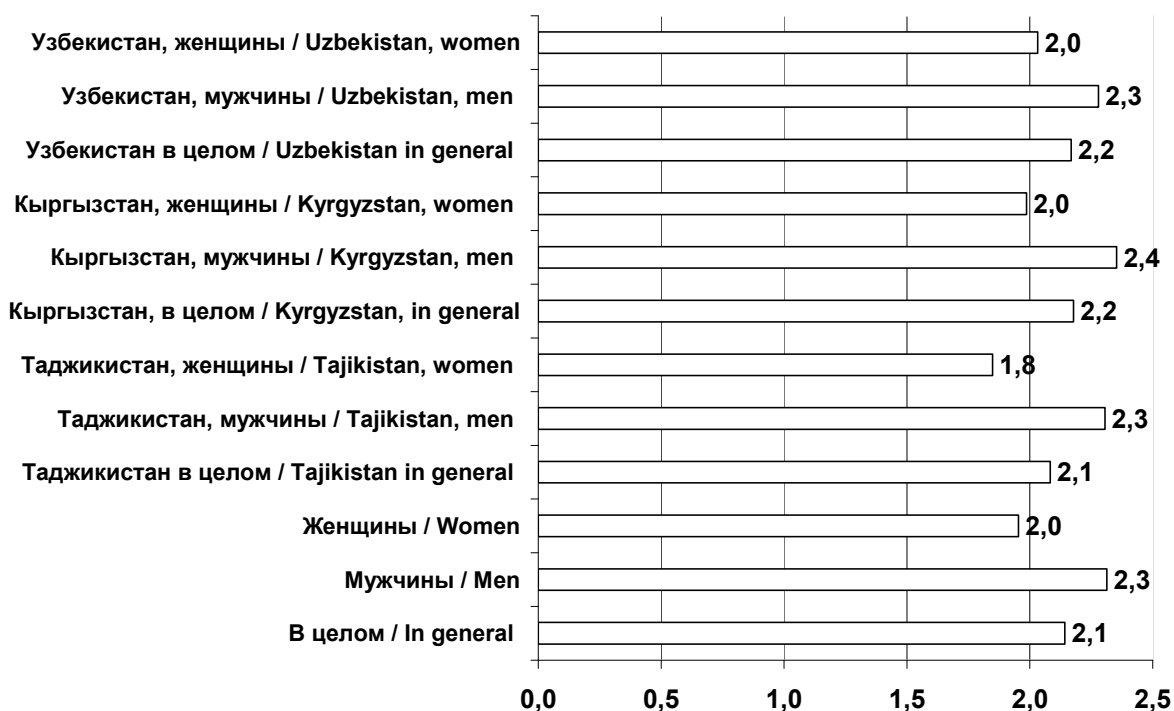

Рис. 15 / Fig. 15. Распределение респондентов по почасовой оплате труда в среднем за год*, долл. США / Distribution of respondents by hourly wages on average per year, US dollars

Примечание / Note: В расчете почасовой оплаты труда используется число рабочих дней в неделю и продолжительность рабочего дня, собранные по каждому респонденту в ходе опроса / The calculation of hourly wages uses the number of working days per week and the length of the working day collected for each respondent during the survey. * Используется средний курс 1 долл. США за 2020 г. равный 72,323 руб. / 72.323 rubles as the average rate of US\$ for 2020 was used in the calculations.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

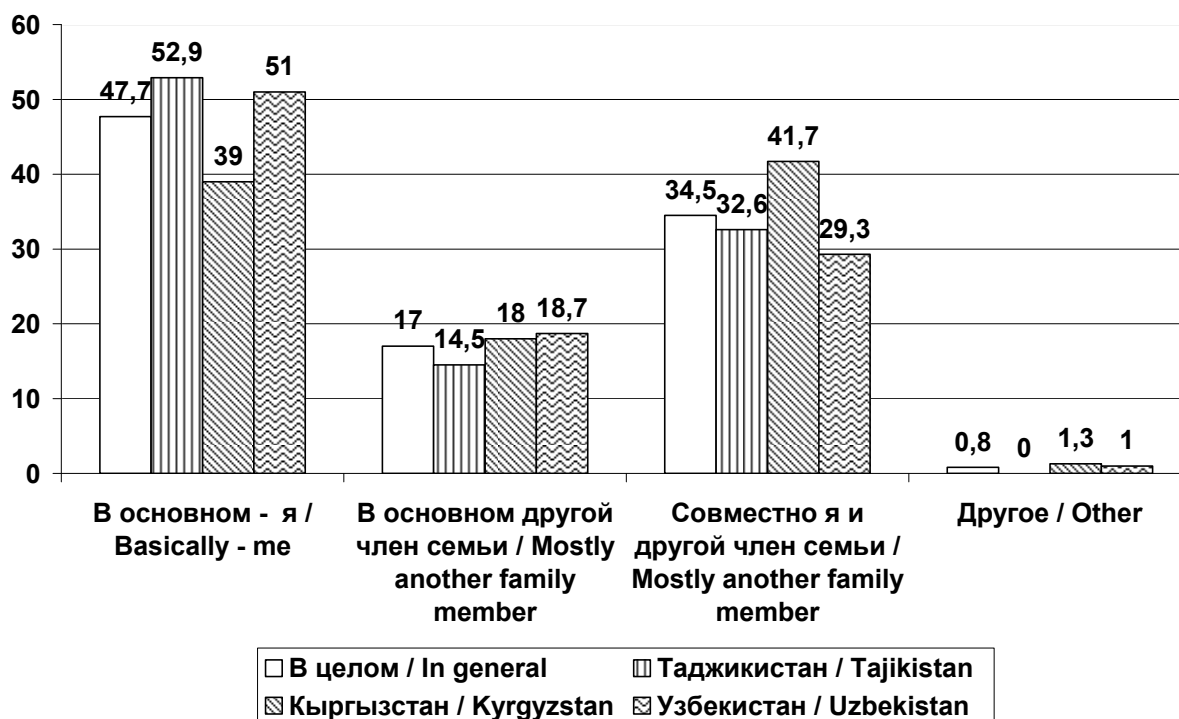

Рис. 16 / Fig. 16. Распределение респондентов по участию в формировании бюджета семьи (по странам), % / Distribution of respondents by participation in the formation of the family budget (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Азии являются в 72% случаев (!) очень важными работниками, от которых зависит выживание их семьи на родине.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования о том, что и в условиях пандемии трудовые мигранты из Средней Азии по-прежнему продолжают трудиться в «мигрантских» нишах российского рынка труда, подтверждаются и другими российскими исследователями, проводившими опросы в 2020 г. [1]. Это сфера услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах и прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги, строительство и оптовая и розничная торговля.

Поиск работы «через своих» по-прежнему лидирует среди трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России, но постепенный рост доли тех, кто ищет работу с помощью сети Интернет, коррелирует с теми усилиями, которые, например, прилагает в России Минтруд, продвигая электронный портал для трудоустройства «Работа в России», считая цифровизацию услуг для трудовых мигрантов в России приоритетной задачей, способствующей выводу

трудовых отношений из тени и постепенной легализации рынка иностранного труда в России. В последние годы появилось достаточно много цифровых инициатив, с помощью которых легализация трудящихся-мигрантов из Средней Азии и помощь в защите их трудовых прав более доступны³.

Согласно расчетам экспертов на основе официальной статистики, около 72% трудовых мигрантов, находящихся в России в I квартале 2021 г., имели право выйти на легальный рынок труда. Согласно данным нашего исследования, только 42% трудовых мигрантов из Средней Азии были легально заняты в России в конце 2020 г. И если в 2020 г. они составляли 75% от всех трудовых мигрантов в России [2], то можно прийти к неутешительному выводу, что в реальности возможность легальной занятости реализуется среди трудящихся-мигрантов из Средней Азии очень ограниченно.

Как показало исследование, анкетирование в условиях пандемии COVID-19 является труд-

³ Обзор интернет-ресурсов для мигрантов из Центральной Азии, пребывающих в Российской Федерации. URL: http://moscow.iom.int/sites/default/files/overview_internet_sources_2021.pdf

ным, но возможным делом, но респонденты становятся менее доступными, и их сложнее рекрутировать для анкетирования.

Исследование охватывало только работающих мигрантов, так как это позволило сосредоточиться на изучении тех ниш рынка труда, которые занимают мигранты из Средней Азии, их вовлеченности в российскую теневую экономику, их миграционных намерениях и уровне интеграции. В то же время в условиях пандемии COVID-19 исследование иных групп мигрантов из Средней Азии (иностранных студентов, детей-мигрантов, мигрантов пенсионного возраста, безработных и пр.) также

представляется важным и актуальным, так как все они имеют жизненные условия и стратегии интеграции и адаптации, значительно отличающиеся от занятых в экономике России трудящихся-мигрантов.

Кроме того, исследование не охватывало трудящихся-мигрантов из Средней Азии, имеющих, помимо гражданства своей страны, российское гражданство или вид на жительство в России. Наличие гражданства РФ или вида на жительство РФ значительно изменяет положение мигранта из Центральной Азии на российском рынке труда, и поэтому исследование этой категории мигрантов также представляется важным заданием на будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисенко М., Мукомель В. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии. *Демографическое обозрение*. 2020;7(3):84–107.
2. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 года. *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*. 2021;10(142).

REFERENCES

1. Denisenko M., Mukomel V. Labour migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demographic Review = Demograficheskoe obozrenie*. 2020;7(3):84–107. (In Russ.).
2. Mkrтчyan N.V., Florinskaya Yu.F. Migration: main trends in January-February 2021. *Monitoring the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development = Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya*. 2021;10(142). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Вячеславович Полетаев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия; директор, Центр миграционных исследований, Москва, Россия
dmitrypoletaev@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Poletaev — Cand. Sci (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Director, Center for Migration Studies, Moscow, Russia
dmitrypoletaev@yandex.ru

Статья поступила 08.07.2021; принята к публикации 30.07.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 08.07.2021; accepted for publication on 30.07.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-35-39
УДК 332.1(045)

Мировые подходы к оценке человеческого потенциала*

П.С. Селезнёв^а, Е.А. Кашин^б

Финансовый университет Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7752-4628>

АННОТАЦИЯ

Целью представленного исследования является выделение наиболее релевантной системы измерения человеческого потенциала с точки зрения задач по обеспечению экономического прорыва на национальном уровне с учетом специфики РФ. В статье проводится исследование разных подходов к определению человеческого потенциала. Авторами выделены международные и национальные методики расчета, которые позволяют сформировать наиболее полный и всеобъемлющий набор показателей для определения уровня человеческого потенциала. В работе был использован метод качественного анализа официальных отчетов и научных работ по заданной тематике, произведен анализ концепций отечественных и зарубежных исследователей относительно оценки человеческого потенциала, что позволило определить недостатки и преимущества подходов и позиции отдельных исследователей. Научная значимость результатов проведенного исследования заключается в предоставлении комплекса показателей для определения человеческого потенциала. Результаты статьи могут быть использованы при подготовке нормативных и методических документов развития человеческого потенциала, а также для дальнейших отечественных и зарубежных исследований данной тематики.

Ключевые слова: ИРЧП; ООН; ВВП; уровень жизни; уровень образования

Для цитирования: Селезнёв П.С., Кашин Е.А. Мировые подходы к оценке человеческого потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):35-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-35-39

ORIGINAL PAPER

World Approaches to Assessing Human Potential**

P.S. Seleznev^а, E.A. Kashin^б

Financial University Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7752-4628>

ABSTRACT

The purpose of the presented study is to highlight the most relevant system for measuring human potential in terms of tasks to ensure an economic breakthrough at the national level, taking into account the specifics of the Russian Federation. The article explores different approaches to the definition of human potential. The authors have identified international and national methods for calculating this indicator, which make it possible to form the most complete and comprehensive set of indicators for the qualitative determination of the level of human potential. In our work, we used qualitative analysis of official reports and scientific papers on a given topic. An analysis of the concepts of domestic and foreign researchers regarding the assessment of human potential was carried out, which made it possible to determine the disadvantages and advantages of the approaches and the position of individual researchers. The scientific significance of the study results is the provision of a set of indicators for determining human potential. The results of the article can be used to prepare regulatory and methodological documents for the development of human potential and further domestic and foreign research on this topic.

Keywords: HDI; UN; GDP; standard of living; level of education

For citation: Seleznev P.S., Kashin E.A. World approaches to assessing human potential. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):35-39. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-35-39

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Финансового университета при Правительстве РФ. Приказ от 30.11.2020 № 2257 «Об объявлении победителей Конкурса определения исполнителей научно-исследовательских работ среди обучающихся Финансового университета».

** The article was prepared with the financial support of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Order No. 2257 of November 30, 2020 "On the announcement of the competition winners for determining the performers of research work among students of the Financial University".

ВВЕДЕНИЕ

Структурный кризис мировой экономики 2008–2009 гг. поставил перед экспертным сообществом задачу поиска новых источников роста, которые могли бы обеспечить «перезапуск» глобальной хозяйственной системы вне контекста возможности ее фрагментации. В связи с этим возникла необходимость оценки человеческого потенциала на национальном, региональном и планетарном уровнях, что было осложнено отсутствием единой методологии. Однако попытки решения этой проблемы были.

Применение понятия «человеческий потенциал» интуитивно предполагает, что речь идет о ресурсах индивидуума и социальных групп разного уровня, позволяющих успешно развиваться в условиях конкретной внешней среды. Научные исследования в данной области стали проводиться в начале XX в.

Теоретический базис изучения человеческого потенциала был сформирован А. Маслоу и У. Джемсом. Первый ученый считается «отцом» психологического подхода к оценке человеческого потенциала. Он разработал концепцию «пиковых переживаний». Под этим термином подразумевается особое состояние человека, благодаря которому происходит активация заложенных в нем возможностей. Разработка данной объяснительной модели породила интерес к вопросу о человеческом потенциале и методах его оценки [1].

Концепция А. Маслоу во многом основывалась на результатах работ У. Джемса. Последний сформировал модель исследования потенциальных возможностей человека, делая акцент на стимулировании поиска методов повышения человеком своего потенциала и реализации уже имеющихся у него возможностей [2].

Идеи А. Маслоу и У. Джемса получили развитие в работах Д. Голина [3], А. Линда [4], Ф. Стюарта [5] и П. Горнели [6] и др., которые в своих исследованиях соотносили понятия «человеческий потенциал» и «качество жизни», выстраивая прямую зависимость между динамикой этих показателей. Д. Джейкобс [7], Р. Лукас [8] и П. Ромер [9] интерпретировали термин в ином ключе, акцентируя внимание на значимости такого внешнего фактора, как спонтанный обмен знаниями и опытом между людьми при пассивном участии государства. Следует отметить, что в зарубежной научной литературе региональному уровню измерения человеческого потенциала уделяется мало внимания, — интерес исследо-

вателей заостряется на особенностях подсчета показателя на национальном уровне и анализе разрыва между положением разных государств.

Изучению человеческого потенциала также посвящено множество научных работ российских исследователей. Вклад в развитие этого направления в России внесли С. И. Абрамян, А. А. Федотов [10], А. В. Бодак [11], А. В. Бровкова [12], Т. А. Иванова [13] и многие другие ученые. Для российских исследователей характерны интерес к динамике развития человеческого потенциала РФ и опора на применение экономико-статистических методов, которые отражают изменение ситуации на региональном уровне.

Вклад российских экспертов в развитие темы заключается в первую очередь в дополнении международного «Индекса развития человеческого потенциала», в частности в фокусировке внимания на таких показателях, как миграция, преступность, посещаемость музеев и театров, уровень заболеваемости, безработица, численность экономически активного населения, уровень потребления алкоголя, численность региональной научной элиты и т. д. В российских научных кругах не были выработаны единые показатели измерения человеческого потенциала, что говорит об актуальности дальнейшего поиска постоянных и, по возможности, наиболее универсальных критериев.

В целом степень изученности темы характеризует достаточно высокий уровень лакуарности и фрагментарности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

История измерения человеческого потенциала на глобальном уровне началась в 1990 г., когда этот показатель был закреплен в Программе развития ООН (ПРООН)¹. Именно в ней было введено понятие Human Development Index (HDI) — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). В расчете этого показателя используются такие компоненты? как:

- ожидаемая продолжительность жизни человека;
- уровень образования в стране;
- ВВП на душу населения.

Данные показатели дают общие представления о ситуации на территории конкретных

¹ Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development. URL: <http://www.hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990>.

государств, но они не позволяют раскрыть всю суть феномена из-за небольшого числа входящих в индекс переменных.

В попытке устранить указанный недостаток фондом «Новая экономика» (New Economics Foundation) в июле 2006 г. был предложен показатель «Международный индекс счастья», который объединил уровень состояния экологии страны и ожидаемую продолжительность жизни людей. Это делает оценку человеческого потенциала более полной.

В 2013 г. «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП) поменял название на «Индекс человеческого развития» (ИЧР), но в данном исследовании мы будем использовать понятие ИРЧП. Переименование носило преимущественно формальный характер, но привело к некоторым изменениям. Так, были введены 4 новых индикатора:

1. Индекс человеческого развития, скорректированный на неравенство (IHDI), учитывает уровень развития социальной сферы и способы распределения благ между гражданами.

2. Индекс гендерного развития (GDI) показывает соотношение мужчин и женщин в 3 аспектах: здоровье, образование и доступ к управлению экономическими ресурсами.

3. Индекс гендерного неравенства (GII) делает акцент на гендерное многообразие в 3 сферах: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей и рынке труда. Показатель определяет уровень равноправия мужчины и женщины.

4. Многомерный индекс бедности (MPI) определяет положение домашних хозяйств относительно базовых показателей уровня жизни, к числу которых относится доступность услуг в области образования и здравоохранения.

Данное нововведение опять же полностью не решило проблему репрезентативности индекса. В ходе анализа обновленного подхода было замечено важное упущение. Субиндексы ИЧР имеют широкий охват и не могут использоваться для оперативной оценки реализации новой политики, направленной на повышение человеческого потенциала. Принимая во внимание указанный акцент, авторами были взяты точечные показатели, которые могут отразить эффективность принятых мер.

Рассмотрим зарубежный опыт составления индекса, а также особенности его применения. Для более полной оценки разнообразия применения методик расчета ИРЧП в разных политических

и экономических условиях были выбраны страны в разных частях света.

1. *Китай*. Китайские исследователи составили Human Development Index, схожий с индексом ООН². Он включает 3 показателя:

1) индекс долголетия (ожидаемая продолжительность жизни);

2) индекс образования (численность граждан от 25 лет, продолжающих обучение, и длительность школьного образования);

3) индекс дохода (ввп/врп на душу населения).

Они также отдельно анализируют факультативные показатели, такие как индекс гендерного неравенства и многомерный индекс бедности. Индекс рассчитан за период с 1982 по 2017 г. Он показывает, что правительство Китая сосредоточило свое внимание не только на увеличении доходов, но и на росте качества образования. Эти показатели выросли за 40 лет в два раза.

2. *Аргентина*. Аргентинские исследователи также составили индекс, схожий с индексом ООН³. Он включает 3 показателя:

1) индекс долголетия (ожидаемая продолжительность жизни);

2) индекс образования (доля людей, которым доступно образование, необходимое для получения хорошей работы);

3) индекс дохода (доходы населения).

По аналогии с Китаем также анализируются близкие к человеческому потенциалу показатели, среди которых, например, международное научное сотрудничество или прямые иностранные инвестиции. Индекс рассчитан за период с 1996 по 2011 г. Он показывает стабильный, но незначительный рост, однако индекс дохода сильно опережает иные показатели по скорости роста.

3. *Европейский союз*. Европейские исследователи предложили использовать Regional Human Development Index, рассчитанный на основе следующих показателей⁴:

² China National Human Development Report Special Edition. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/national-human-development-report-2019-china#:~:text=This%20Special%20Edition%20of%20the,the%2020th%20anniversary%20of%20the>.

³ Informe Nacional sobre Desarrollo Humano 2013 Argentina en un mundo incierto: Asegurar el desarrollo humano en el siglo XXI. URL: https://www.ar.undp.org/content/argentina/es/home/library/human_development/informe-nacional-sobre-desarrollo-humano-2013-argentina-en-un-m.html.

⁴ The EU Regional Human Development Index. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC_90538.

1) индекс долголетия (младенческая смертность, ожидаемая продолжительность жизни);

2) индекс образования (% граждан в возрасте от 18 до 24 лет, не участвующих в дальнейшем образовании; % граждан в возрасте от 25 до 64 лет с высшим образованием);

3) индекс дохода (впр региона с поправкой на ввп страны; доля граждан, старше 15 лет, участвующих в трудовой деятельности).

Данный индекс не рассчитывается по годам, однако дает очень подробное описание регионов (макрообластей в стране — участнице ЕС), что позволяет лучше понять, на какие территории следует обратить внимание.

4. *США*. Американские исследователи сделали акцент на образовательной деятельности⁵. Их Human Development Index включает также 3 показателя:

1) индекс долголетия (ожидаемая продолжительность жизни);

2) индекс образования (% граждан, имеющих образование ниже средней школы; % граждан, имеющих среднее школьное образование; % граждан, имеющих образование уровня бакалавра; % граждан, имеющих степень магистра; % граждан, зачисленных в школу);

3) индекс дохода (среднедушевые доходы).

Исследователи обратили особое внимание на дифференциацию общества на расовой основе (белые, афроамериканцы, коренное население, представители Латинской Америки, представители Азии). Результаты показали, что ИРЧП

у представителей Азии больше, чем у других рас. Самое большое различие наблюдается в сфере образования: если у представителей Азии этот показатель равен 20,5, то у латиноамериканцев он составляет 4,1.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы пришли к выводу, что показатель ИРЧП имеет различные трактования и применение. К примеру, можно выбирать от небольшого числа переменных (не менее 3-х) до «бесконечности». Можно анализировать разные временные рамки (как это сделано в Китае и Аргентине), можно анализировать состояние ЧП в отдельных регионах в макрорегионе (ЕС), можно сконцентрировать внимание на расовых особенностях. Все это зависит от целей и взглядов исследователей. Общей составляющей является осознание необходимости индекса как некоего агрегирующего показателя, позволяющего понять состояние ЧП в стране. Также все индексы включают в себя субиндексы (индексы), среди которых: долголетие, образование, доход. Эти три составляющие являются базовыми, а вот их интерпретация — особенности каждого отдельного исследования.

После проведенного анализа зарубежной методологии был определен наиболее подходящий и применимый метод измерения ИРЧП — китайский. Он имеет широкий спектр показателей, которые позволяют, в том числе, выявлять динамику разных регионов, и в нем используются разные эмпирические данные за долгий временной промежуток, что соответствует потребностям российской системы управления.

⁵ American Human Development report the measure of America 2013–2014. URL: <http://www.measureofamerica.org/docs/MOA-III-June-18-FINAL.pdf>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Maslow A. H. Peak Experiences as Acute Identity Experiences. *American Journal of Psychoanalysis*. 1961;21(2):254–260.
2. James W. The Principles of Psychology. New York: Dover Publications; 1950. 720 p.
3. Gollin D. Getting Income Shares Right. *Journal of Political Economy*. 2002;(2):458–474.
4. Lind A. Power, gender, and development: Popular women's organizations and the politics of needs in Ecuador. Boulder: Westview Press; 1992.
5. Ranis G., Stewart F. Dynamic links between the economy and human development. New York: Department of Economic and Social Affairs (DESA), United Nations; 2005.
6. Gormely P.J. The Human Development Index in 1994: Impact of income on country rank. *Journal of Economic and Social Measurement*. 1995;(21):253–267.
7. Jacobs J. The Economy of Cities. New York: Vintage; 1969. 288 p.
8. Lucas R. Ideas and Growth. *Economica*. 2009;(301):1–19.
9. Romer P. Endogenous Technical Change. *Journal of Political Economy*. 1990;(5):71–102.

10. Абрамян С.И., Федотов А.А. Формы человеческого потенциала. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;(10–2):27–30.
Abramyan S. I., Fedotov A. A. Forms of human potential. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(10–2):27–30. (In Russ.).
11. Бодак А.В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества. Материалы XX окружных научных социальных чтений. (г. Сургут, 29–30 октября 2015 г.). Сургут: Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Методический центр развития социального обслуживания»; 2015.
Bodak A. V. Human potential as a basic model of the development of society. Materials of the XX district scientific, social readings. (Surgut, October 29–30, 2015). Surgut: Publishing house of the budgetary institution of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra “Methodological Center for the Development of Social Services”; 2015. (In Russ.).
12. Бровкова А.В. Типологизация регионов России в контексте развития человеческого потенциала. Саратов: Наука и общество; 2014.
Brovkova A. V. Typologization of Russian regions in the context of human development. Saratov: Science and Society; 2014. (In Russ.).
13. Иванова Т.А. Статистический анализ влияния основных причин смертности на ожидаемую продолжительность жизни в РФ. *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2014;2(1):230–234.
Ivanova TA Statistical analysis of the impact of the main causes of mortality on life expectancy in the Russian Federation. *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya = Actual problems of modern science, technology, and education*. 2014; 2 (1): 230–234. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Сергеевич Селезнёв — доктор политических наук, доцент, первый заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
PSeleznev@fa.ru

Егор Алексеевич Кашин — студент 4-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
egork136@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Pavel S. Seleznev — Dr Sci. (Political Sciences), Associate Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
PSeleznev@fa.ru

Egor A. Kashin — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
egork136@yandex.ru

Статья поступила 20.07.2021; принята к публикации 05.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.07.2021; accepted for publication on 05.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-40-49
УДК 327.5(045)

Военные опасности и угрозы для современной России

О.А. Рыжов^а, Н.Н. Кулакова^б

^а Академия военных наук РФ, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5518-4423>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена, во-первых, анализу методологических неточностей, допускаемых при определении сущности употребляемых понятий в официальных документах, которые в дальнейшем могут привести к недопониманию документа в целом. Этот анализ основан на рассмотрении содержания военной доктрины РФ и авторском определении (на основании проведенного исследования) реально существующих военных опасностей и угроз для современной России. Во-вторых, оценке международной военно-политической обстановки. В начале XXI в. однозначно очерченных сфер влияния нет ни у одной державы: идеологическое, политическое и экономическое соперничество с тенденцией к трансформации в вооруженный конфликт может возникнуть в любой точке мира. В меняющейся конфигурации международной безопасности России нелегко отстаивать свои национальные интересы, при этом позиция нашего государства в международном взаимодействии имеет важное значение для планеты. Эта исключительность связана не только с огромными масштабами территории страны, значительным числом населения, но и с тем фактом, что РФ располагает одним из самых больших арсеналов ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Статья предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами военной безопасности.

Ключевые слова: военный; военная безопасность; военная опасность; военная угроза; угрозы военной безопасности; НАТО; ядерное оружие; киберпространство; территориальные претензии

Для цитирования: Рыжов О.А., Кулакова Н.Н. Военные опасности и угрозы для современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):40-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-40-49

ORIGINAL PAPER

Military Dangers and Other Threats to Modern Russia

O.A. Ryzhov^a, N.N. Kulakova^b

^a Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Moscow, Russia;

^b Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0001-5518-4423>; ^b <https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

ABSTRACT

The article is devoted, firstly, to the analysis of methodological inaccuracies allowed in determining the essence of the concepts used in official documents, which in the future may lead to a misunderstanding of the document as a whole. We based our analysis on an examination of the content of the military doctrine of the Russian Federation and the author's definition (based on the study) of the real military dangers and threats to modern Russia. Third, an assessment of the international military-political situation. At the beginning of the XXI century. No power has unambiguously delineated spheres of influence: an ideological, political and economic rivalry with a tendency to transform into an armed conflict can arise anywhere in the world. In the changing configuration of international security, it is not easy for Russia to defend its national interests, while our state's position in international cooperation is of great importance for the planet. This exclusivity is associated with the huge scale of the country's territory, a significant population, and the Russian Federation possesses one of the largest arsenals of nuclear and other types of weapons of mass destruction. The article is intended for a wide range of readers interested in military security problems.

Keywords: military; military security; military danger; military threat; threats to military security; NATO; nuclear weapons; cyberspace; territorial claims

For citation: Ryzhov O.A., Kulakova N.N. Military dangers and other threats to modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):40-49. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-40-49

При прочтении названия статьи возникает вопрос: стоит ли говорить о том, что уже давно определено и закреплено в официальном государственном документе — Военной доктрине РФ?¹ Вопрос закономерен, но существуют и иные точки зрения по определению военных опасностей и угроз. Они, думается, также достойны внимания, но требуют для своего обоснования предварительных теоретических рассуждений. В данной статье авторы излагают свою точку зрения.

Небезызвестным является тот факт, что люди могут не понимать друг друга, если в одно и то же понятие или категорию вкладывают различный смысл. В быту это может привести лишь к размолвкам. Намного сложнее, если такая ситуация складывается, когда рассуждения ведутся на групповом, общественном, государственном уровнях. Поэтому правильно, что сейчас многие официальные документы начинаются с уяснения смысла и содержания понятий, употребляемых в дальнейшем их изложении. Вместе с тем анализ этих разъяснений порой приводит к еще большему недопониманию.

Так, ст. 8 новой редакции Военной доктрины РФ посвящена раскрытию основных понятий, используемых в документе. Мы же считаем, что трактовка некоторых из них приводит не только к противоречивости дальнейших рассуждений, но и к недопониманию содержания документа в целом. Думается, что главная причина этого — отсутствие уяснения сущности основополагающего понятия «военный», определяющего содержание всего документа.

Не впадая в структурно-организационные подробности военной организации, необходимо отметить, что важнейшим здесь является то, что это жестко централизованное объединение людей, нанимаемых государством, содержащихся за счет государства и служащих государству, главное предназначение которых — защита государственных интересов, государственной безопасности, как и национальной в целом.

В случае же отхода от этих положений военнослужащий перестает быть таковым. Он может еще какое-то время носить официальную военную форму и даже жить за счет государства, но, если он перестал ему служить, защищать его интересы (в данном случае не подразумевается уход воен-

нослужащего в запас, отставку), выступил против государственных конституционных основ, он уже не военный, а государственный преступник. Другими словами, если военнослужащий принял решение выступить против своего государства, то он уже не является военным с правовой точки зрения. Любые организации, состоящие из подобных граждан, могут называть себя как угодно, в том числе и военными, но с юридической точки зрения они не являются таковыми. Это относится и к всевозможным легитимным частным военным компаниям (ЧВК), которые в своей профессиональной деятельности используют оружие при защите сугубо частных интересов, не преследуя при этом антигосударственные цели.

В связи с вышеизложенным возникают вопросы к некоторым статьям Военной доктрины РФ.

Прочитируем ст. 8:

«Военная доктрина оперирует следующими основными терминами:

а) военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»².

Появляется закономерный вопрос: какие внутренние военные угрозы подразумевает приведенный ранее текст Доктрины? Исходя из этого абзаца, будет логично предположить, что военные, в силу своих профессиональных функций обязанные защищать государство и население, одновременно могут являться для них угрозой.

Схожие мысли появляются при прочтении содержания пунктов «б» и «в», разъясняющих понятия «военная опасность» и «военная угроза», приведенной ст. 8.

Например: «б) военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы;

в) военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью

¹ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

² Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)»³.

Очевидная разница между этими понятиями состоит в реальной или потенциальной возможности причинения вреда реализации национальных интересов государства. Однако в приведенном понятии вновь фигурируют внутригосударственные отношения, способствующие формированию как военных опасностей, так и военных угроз. Вопрос возникает прежний: может ли внутригосударственная обстановка сложиться так, что действия наших Вооруженных сил станут опасностью или угрозой для нас? Это, не принимая во внимание, что сепаратистские (террористические) организации могут применить военную силу.

Да, в истории, даже в XXI в., было немало случаев, когда обострение внутривосточных противоречий провоцировало внешнее военное вмешательство. Свидетельство тому — еще сравнительно недавние и текущие события в Ираке, Иране, Ливии, Афганистане, Сирии и в других странах. В США даже практикуется стратегия так называемых «контролируемых конфликтов». Согласно ей, в той или иной стране внешне провоцируется конфликтная ситуация, основывающаяся на действительно существующих или мнимых внутренних противоречиях и требующая в дальнейшем американского военного вмешательства для защиты «демократии», «прав человека» и т.п. (подобный сценарий развития событий наблюдается в современной Украине).

Но мы анализируем российскую Военную доктрину и, думается, что подобного развития событий у нас не предвидится. Более того, в современных условиях Запад больше беспокоят успехи России, чем ее внутренние противоречия.

Следующий пункт «г» данной статьи раскрывает сущность понятия «военный конфликт». Цитата: «военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)»⁴.

³ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

⁴ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

Вновь очевиден вопрос, задаваемый ранее: какие внутригосударственные противоречия могут решаться путем военного столкновения, т.е. вооруженного противоборства двух и более легитимных вооруженных сил? Напомним, что согласно международно-правовым нормам в рамках одной страны (территория плюс народ, населяющий эту территорию) может быть лишь одно государство как аппарат управления данным населением на данной территории. А в соответствии с этим получается, что одна из сторон предполагаемого «военного» столкновения является негосударственной, нелегитимной, а поэтому развернувшийся конфликт становится не военным, а вооруженным внутривосточным.

Да, в практике абсолютного большинства современных государств (Россия не является исключением) привлечение своих вооруженных сил, военной силы для разрешения внутренних противоречий считается нормой. Но это не означает, что разворачивается военный конфликт. В соответствии с этим сравнительно недавние и небезызвестные вооруженные столкновения в Чечне не квалифицируются как «военный конфликт». Так же как и продолжающиеся на сегодняшний день вооруженные столкновения на Ближнем Востоке не являются военным конфликтом. Там, с одной стороны, стоит коалиция легитимных военных сил нескольких государств, а, с другой — вооруженные формирования исламистов, самопровозгласивших себя государством (ИГИЛ, запрещенная в России террористическая организация), отвергаемым всем миром. Не могут, таким образом, квалифицироваться как военный конфликт и современные события в Украине.

Военный конфликт — это столкновение двух и более легитимных вооруженных сил. Он, в свою очередь, в соответствии с преднамеренностью и целями начала вооруженных действий, последствиями в ходе и после самого конфликта подразделяется на категории: «военный инцидент», «военная провокация», «военный конфликт» (в узком понимании) и «война».

В соответствии с вышеизложенным возникает опять-таки вопрос о расшифровке понятия «военный конфликт», приведенного в ст. 8 «г» Военной доктрины РФ. Согласно ей — это «...все виды вооруженного противоборства, включая...»⁵. Но в данном случае под это определение попадают,

⁵ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

например, вооруженные разборки мафиозных бандформирований и т.п.

Проанализированные выше методологические неточности привели, по мнению авторов, к определенной путанице в ст. 12, 13 и 14. В них перечисляются основные внешние и внутренние военные опасности и угрозы.

Обратим внимание на ст. 13, раскрывающую внутренние военные опасности.

«Основные внутренние военные опасности:

а) деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации;

б) деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества;

г) провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды»⁶.

Приведенный перечень военных опасностей является неоднозначным и неокончательным, он скорее стимулирует появление новых вопросов. Если это военные опасности, т.е. исходящие от военных, то получается, что наши военные ведут деятельность по насильственному свержению конституционного строя России, дестабилизируют внутривнутриполитическую обстановку (п. «а»); именно военные являются террористами (п. «б»); именно военные дезинформируют население России (п. «в»); именно они провоцируют межнациональную и социальную напряженность и т.д. (п. «г»).

Для ответа на данный вопрос необходимо уточнить смысл еще одного понятия, к сожалению, отсутствующего в ст. 8 Военной доктрины РФ. Это — «угроза военной безопасности», под которой понимается совокупность условий

и факторов, способствующих нанесению реального ущерба системе обеспечения военной безопасности. Они могут появляться как в результате действий внешних военных сил, которые и являются военной опасностью и угрозой, так и в результате деятельности всевозможных внешних и внутренних невоенных деструктивных сил. В соответствии с этим все, что перечислено в ст. 13, в действительности является угрозой военной безопасности России, а не военной опасностью для нее. При этом список существующих внутренних угроз системе обеспечения военной безопасности можно продолжить с довольно-таки большим количеством пунктов.

Таким образом, военная опасность, угроза могут исходить лишь от действий военной силы, легитимных вооруженных сил других государств. Действия же как внутренних, так и внешних невоенных деструктивных сил, направленных на подрыв обороноспособности страны, представляют собой не военную опасность и угрозу стране, государству, а угрозу системе обеспечения военной безопасности, как и национальной безопасности в целом.

Подобные рассуждения можно применить к анализу и других статей. В частности, согласно ст. 12 к основным *внешним военным опасностям* относятся:

а) наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока;

б) дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности;

в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую Федерацию;

г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара», намерение разместить оружие в космосе,

⁶ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

д) территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;

е) распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;

ж) нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;

з) применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, в нарушение Устава Организации Объединенных Наций (ООН) и других норм международного права;

и) наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

к) растущая угроза глобального экстремизма (терроризма) и его новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества, реальная угроза проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ, расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков⁷;

л) наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радиальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и экстремизма в отдельных регионах мира;

м) использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности;

н) установление режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федера-

ции, в приграничных государствах, в том числе в результате свержения легальной и легитимной государственной власти;

о) подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против Российской Федерации⁸.

По мнению авторов, из предложенного списка именно к военным опасностям можно отнести лишь п. «а», «в», «г», «е», «ж», «з», «и», да и то некоторые из них — с определенными оговорками.

В соответствии с рассматриваемым документом к *военным угрозам* относятся:

а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;

б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов⁹;

в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников;

г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или общей мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени¹⁰.

С точки зрения авторов, только к п. «а», «г» и «д» можно применить определение «военный». Да и то стоит задуматься: а в полной ли мере они соответствуют сущности понятия «угроза»?

В соответствии с вышеизложенным у авторов есть своя точка зрения по определению реально

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

⁷ Военная доктрина РФ. Российская газета. Федеральный выпуск. 30 декабря 2014 г.

существующих военных опасностей и угроз для нашей страны.

Думается, что на сегодняшний день существует одна реальная военная **угроза** как адресное, целенаправленное и оперативное намерение каких-либо сил нанести военными средствами ущерб национальным интересам страны. Это — *агрессивная антироссийская политика НАТО во главе с США*.

Эта политика проявляется следующим образом:

1. В постоянном наращивании силового потенциала НАТО. В соответствии с заявлением Генерального секретаря данной организации Й. Столтенберга расходы на оборону стран НАТО постоянно растут. Только за 2017 г. они выросли на 5,2%. Если в 2014 г. только три страны альянса тратили на военные расходы 2% своего ВВП, то в 2018 г. их стало уже восемь. Большинство союзников планирует выйти на 2%-ный уровень к 2024 г. Согласовав 2%-ный уровень оборонных расходов, лидеры стран данного альянса также планируют увеличить до 20% долю затрат на приобретение военной техники. Более того, администрация США вынашивает планы заставить страны Североатлантического альянса тратить 3% от бюджета страны на оборону (<https://svpressa.ru/persons/yens-stoltenberg/>).

2. В самонаделении НАТО глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права. Действующая стратегическая концепция Североатлантического альянса аргументирует необходимость и определяет направление процесса дальнейшей глобализации данного союза, обосновывает необходимость роста ее контроля над ситуацией во всем мире, включая районы исторически сложившегося влияния и интересов России.

В качестве аргументации необходимости глобализации функций НАТО указаны глобальные «опасности и угрозы» для государств — членов альянса, а также для ценностей западной демократии. Среди них: перспективы повышения военных возможностей других стран и коалиций (Китай, Индия); ограничение доступа стран Запада к сырьевым ресурсам, в первую очередь к источникам нефти и газа; разрушительные последствия возможного воздействия на информационные системы альянса в целях нарушения их функционирования и нейтрализации превосходства в традиционных видах вооружения и др. В отдельную проблему выделяется негативное

воздействие на сферу безопасности процессов глобализации, которые сопровождаются расширением масштабов обмена информацией, упрощением механизмов перемещения капиталов и товаров, усилением миграции населения [1].

Кроме того, угрозы своей безопасности в Евроатлантическом регионе альянс обосновывает нестабильностью обстановки и непредсказуемостью развития ее в перспективе. При этом в качестве источника угрозы рассматриваются возможные изменения, которые могут произойти в странах с переходной экономикой в случае провала реформ, процессы дезинтеграции и нарушение прав граждан.

Таким образом, НАТО, в обход общепринятым международным нормам, провозглашает своим правом вмешательство (в том числе и военное) в любые события, происходящие в мире, в том числе и в дела суверенных государств, если эти события, по мнению альянса, противоречат их национальным интересам и ценностям западной демократии.

3. В приближении военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам Российской Федерации посредством продолжающегося расширения альянса, роста количества военных баз, военнослужащих и военной техники в государствах, сопредельных с Россией и ее союзниками.

В период противостояния с СССР и функционирования Варшавского договора блок НАТО включал 16 стран-членов. В настоящее время, вопреки обещаниям и достигнутым договоренностям о нерасширении блока, в альянс вошли страны — бывшие члены Организации Варшавского договора, и их стало 29. Активно продолжается политика интеграции в состав НАТО постсоветских республик. Так, вслед за Эстонией, Латвией и Литвой туда стремятся вступить Грузия и Украина.

Вместо создания единого пространства европейской безопасности и предполагаемого вступления России в единую семью европейских народов происходит наращивание вооруженных сил НАТО на территории новых членов организации.

Кроме того, постоянно наращивается ротационное присутствие вооруженных сил НАТО в Европе. На сегодняшний день в Прибалтике, Польше, Румынии и Болгарии находятся более 7 тыс. военнослужащих и более 2,5 тыс. единиц боевой техники из США, Канады, Италии, Норвегии и других натовских стран. В прибалтийских странах размещены четыре тактические

батальонные группы, и создаются центры координации приема и развертывания военных сил. Аналогичные центры уже существуют в Болгарии, Польше и Румынии. На этой же территории активно увеличивается вооружение и количество военной техники.

Наращивание сил передового базирования НАТО происходит с опорой на военные аэродромы и порты, созданные в подавляющем большинстве Советским Союзом на территории восточноевропейских стран — членов Варшавского договора. Размещение отрядов быстрого реагирования и новых военных баз, на которые переправляются десятки танков и бронетранспортеров, происходит в Польше, а с 2016 г. — в Латвии и Литве. Возрастает военная активность США в пограничной зоне России. Так, самолеты — разведчики стран НАТО совершают многочасовые полеты у границ РФ, вдоль побережья Крыма, Калининградской и Ленинградской областей, американские военные корабли патрулируют акваторию Черного моря. Интенсивность учений стран НАТО вблизи российской территории превысила показатели активности периода холодной войны.

4. В создании и развертывании НАТО, и прежде всего США, систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также в развертывании стратегических неядерных систем высокоточного оружия. В частности, на сегодняшний день развернут и введен в эксплуатацию американский противоракетный комплекс «Иджис Эшор» в Румынии, антироссийская направленность которого более чем очевидна. Немаловажным в этом плане является уже давнее намерение США разместить оружие в космосе (в том числе, и ядерное).

Кроме перечисленных выше объективных фактов, подтверждающих агрессивную антироссийскую политику НАТО, необходимо учитывать и растущую антироссийскую, русофобскую пропаганду в западных (да и в восточноевропейских) странах. Ее смысл — внушить своим народам мысль о чуть ли не врожденной агрессивности жителей России, их постоянном стремлении к завоеванию других стран и народов. При этом западные политики не гнушаются явной фальсификацией истории, вплоть до обвинения СССР/России в развязывании Второй мировой войны.

В качестве же основного инструмента воздействия на Россию за ее «агрессивность», исходя из

своего опыта по отношению к другим странам, администрации западных стран используют нарастающее санкционное давление. Поводом для их введения используются, как правило, надуманные факты, не подтверждающиеся реальностью, но, с их точки зрения, подтверждающие агрессивность России, — хакерское вмешательство в президентские выборы в США, отравление Скрипалей, политическое преследование А. Навального, взрыв склада боеприпасов в Чехии и т.п.

Под **военными опасностями**, существующими в настоящее время для нашей страны, как и для всего мира в целом, следует понимать сложившуюся в современном мире военно-политическую обстановку, грозящую в своем развитии перерасти в военную угрозу.

Среди таковых в первую очередь, по мнению авторов, необходимо выделить *локальные вооруженные политические конфликты*, происходящие вблизи границ Российской Федерации и грозящие при определенных условиях перерасти в региональный и даже глобальный военный конфликт. В основе этих конфликтов лежат, как правило, межнациональные, межконфессиональные, территориальные противоречия, повлекшие за собой рост экстремизма в отдельных регионах мира.

Прежде всего, имеются в виду конфликты на территориях бывших республик и автономных областей СССР: Украины, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Нагорного Карабаха. Среди них особую опасность для Российской Федерации, безусловно, представляет уже затянувшийся вооруженный конфликт на востоке Украины. Он, зародившийся как сугубо внутривосточный, со временем перерос в международное противостояние, обусловившее, в той или иной мере, современную мировую политическую ситуацию. Здесь пришедшие в результате вооруженного правительства переворота силы взяли курс на евроинтеграцию и дальнейшее вхождение в НАТО. Но в качестве основных средств достижения цели были выбраны русофобия и провозглашение исключительности, величия украинской нации, украинского языка. Это, в свою очередь, вызвало отторжение такой политики со стороны многочисленного русскоязычного населения Украины. Развернувшееся же вооруженное противостояние между правительственными войсками Украины и ополченцами самопровозглашенных республик Донбасса, а также добровольный (в результате общенародного референдума) переход Крыма в состав Российской Федерации стали предме-

том нападков стран Запада на Россию, которая, по их мнению, виновна во всех происходящих там событиях.

Решения Минских соглашений, определивших дорожную карту по прекращению военных действий и реинтеграции отдельных районов Луганской и Донбасской областей, так и не реализовались. До сих пор продолжаются столкновения вооруженных сил Украины и добровольческих сил самопровозглашенных республик. Инициатива же по введению миротворческих сил, предложенная Россией и поддержанная Украиной, не реализовалась из-за разного видения решения проблем: куда их вводить и кто будет входить в эти силы.

Этот конфликт будет долго влиять не только на военно-политическое положение России, но и на международные отношения в целом, так как ситуация на востоке Украины во многом отражает мировую ситуацию, где происходит усиление противостояния между ведущими акторами. Такое положение выгодно Западу, который заинтересован в поддержании на рубежах России долговременного очага напряженности и становлении Украины как враждебного Российской Федерации государства. Для России же этот вооруженный конфликт опасен не только из-за близости к ее границам, но и потому, что он может служить поводом для введения новых санкций и прямого вмешательства наших вооруженных сил в происходящие события, влекущего за собой непредсказуемые последствия.

Сложная ситуация складывается в Приднестровской Молдавской Республике. Более того, она обострилась после того, как ЕС отказался от продления льгот для приднестровских экспортеров. Молдавская же сторона чинит всяческие препятствия обеспечению нормальной миротворческой деятельности группы российских войск в Приднестровье с целью их последующей замены на международную миссию под эгидой ОБСЕ.

Периодически обостряется обстановка в районе Нагорного Карабаха, где уже многие десятилетия Армения и Азербайджан противостоят друг другу. За последнее время здесь значительно увеличилось число взаимных вооруженных провокаций, в том числе и с применением тяжелой артиллерии. Развернувшиеся же в прошлом году открытые боевые действия вынудили Россию ввести в этот регион свои миротворческие силы.

Далек от своего разрешения затянувшийся конфликт Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Стремление Грузии к восстановлению своей тер-

риториальной целостности для входа в НАТО и ЕС может инициировать новый военный конфликт с практически неизбежным участием в нем Российской Федерации.

Вместе с тем одним из основных факторов, дестабилизирующим военно-политическую ситуацию в мире, а в соответствии с этим и военно-политическое положение России, является увеличение количества стран, на территории которых ведется многолетняя вооруженная борьба с международным экстремизмом: Сирия, Ирак, Йемен, Ливия и др. Основным фактором, оказывающим негативное влияние на обстановку в этом регионе, остается деятельность ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) и других экстремистских группировок. Кроме того, ситуацию усугубляет стремление некоторых ближневосточных государств использовать эти структуры для достижения своих целей в сирийском конфликте.

В частности, Турция, Саудовская Аравия, Катар, а также участвующие в борьбе с исламистским экстремизмом США и их союзники ведут деятельность, направленную на принуждение действующего президента САР Б. Асада к отставке в целях прихода к власти в стране прозападных оппозиционных сил. И даже сейчас, с одной стороны, западной коалицией дано согласие на сохранение Б. Асадом своего поста до очередных выборов, с другой, продолжаются провокации — сообщения о якобы совершенных химических ударах, наносимых сирийскими правительственными войсками и т.п., что, в свою очередь, дает коалиции право нанесения ответных ракетных ударов по их расположению.

Таким образом, эти страны чрезвычайно негативно восприняли эффективную помощь России, поддерживающей Б. Асада, в уничтожении экстремистских группировок. В интересах дискриминации роли России в Сирии американская администрация усиленно пытается сформировать в мире негативное отношение к нашим действиям в этой стране путем пропагандистского раскручивания заведомо ложных фактов и необоснованных обвинений российских военных в гибели мирного населения, уничтожении объектов гражданской инфраструктуры. В этих условиях можно представить степень военной опасности как для нашей страны, так и всего мира.

Следующей военной опасностью для России, по мнению авторов, являются *территориальные претензии к ней и ее союзникам*. Сами по себе

претензии не носят военный характер, однако возможный силовой метод решения этих проблем может обернуться военным конфликтом. Среди них территориальные притязания к нашей стране: Японии — по поводу Курильских островов: Итуруп, Кунашир, Шикотан и группе островов Хабомаи; Норвегии — на острова Франца-Иосифа; Латвии и Эстонии — на Пыталовский район Псковской области; Финляндии — на западные районы Карелии; Германии и Литвы — на Калининградскую область; КНДР — на остров Ноктундо. Есть несогласованные территории между Китаем и Россией и даже между Россией и США в Беринговом и Чукотском морях. Кроме того, к этому числу следует отнести и претензии Польши к нашему непосредственному союзнику — Белоруссии, предъявляемые к части Гродненской, Брестской и даже Минской областей.

Многие из этих претензий носят в большей степени гипотетический характер, но, учитывая то, что претендующие на наши территории страны являются либо членами НАТО, либо их союзниками, можно представить возможный военный ход развития событий.

Безусловной военной опасностью для РФ, как и для всего мира в целом, является *распространение и наращивание ядерного оружия*.

На сегодняшний день официальным статусом ядерной державы обладают пять государств мира — Россия, США, Великобритания, Франция и Китай. Вместе с тем, по данным СИПРИ (Stockholm International Peace Research Institute), по состоянию на 2017 г. ядерное оружие уже было у Индии, Пакистана, Израиля, Северной Кореи. В общей сложности в распоряжении девяти стран находилось 14 935 единиц ядерного оружия (93% из них приходится на долю России и США) (<http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122433/>).

Кроме того, существует обширный список так называемых «латентных ядерных держав». В него входят более полутора десятков государств, в прошлом проводивших работы по созданию оружия массового поражения, но потом остановивших исследования по различным причинам. По мнению бывшего главы МАГАТЭ Мохаммеда аль-Барадеи, порядка тридцати стран в ближайшее время могут завладеть технологиями, позволяющими получить ядерное оружие [2]. В современных условиях рынок атомной энергетики постоянно расширяется — более 80 стран мира высказывают пожелания создать на своей территории АЭС. Государство же, получающее до-

ступ к атомной энергетике, по сути, находится на полпути к созданию ядерного оружия. Так, один энергетический реактор мощностью 1000 МВт производит в год количество плутония, которого достаточно для изготовления 40–50 ядерных зарядов [3].

Само по себе распространение ядерного оружия еще не обозначает военную опасность. А вот завладение им неадекватными политическими силами в условиях его неконтролируемого распространения может привести к непредсказуемым для всего мира военно-политическим последствиям.

Военной опасностью в современном мире является и *милитаризация информационных и коммуникационных технологий*, направленных на подрыв суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международной безопасности, глобальной и региональной стабильности.

Введение этого пункта в разряд военных опасностей обосновывается тем, что использование информационных технологий в военных целях привело к тому, что в США, КНР, РФ созданы специальные кибервойска для информационных операций. Их основная задача — осуществлять кибернетическое и информационное противоборство в виртуальном пространстве, подрывая, таким образом, боеготовность вооруженных сил вероятного противника и снижая обороноспособность этой страны. В военном ведомстве США (Пентагон) киберпространство объявлено даже пятым театром военных действий, наряду с суши, океаном, воздухом и космосом. Политической же особенностью уже развернувшихся кибервойн является то, что в современном международном праве нет юридического регулирования этих отношений.

В качестве выводов по данной статье хотелось бы отметить, что представленные рассуждения не бесспорны. Одно лишь безусловно: четкая формулировка методологических основ любого документа является основой не только его правильного понимания, но и дальнейшего практического воплощения. Кроме того, сложившаяся современная военно-политическая обстановка в мире свидетельствует о наличии реальных военных опасностей и угроз современной России, которые обуславливают необходимость постоянного повышения уровня обороноспособности нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Штоль В.В. О новой стратегической концепции НАТО. *Обозреватель*. 2010;8(247):47–56
2. Волков К. Кто играет в «ядерное домино». *Российская газета* — Неделя. 30 марта 2017 г.
3. Рылов М.И., Тихонов М.Н. Ядерные энергетические установки: постижение реальности. *Экология промышленного производства*. 2008;(3):7–13.

REFERENCES

1. Shtol V.V. About the new strategic concept of NATO. *Obozrevatel' = Reviewer*. 2010;8(247):47–56. (In Russ.).
2. Volkov K. Who plays “nuclear domino”. *Rossiyskaya gazeta — Nedelya*. URL: <http://novorusmir.ru/archives/23127>. (In Russ.).
3. Rylov M. I., Tikhonov M. N. Nuclear Power Plants: Realization of Reality. *Ekologiya promyshlennogo proizvodstva*. 2008;(3):7–13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Олег Алексеевич Рыжов — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, Москва, Россия
rizhova@mail.ru

Нина Николаевна Кулакова — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
nina260169@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Ryzhov — Dr Sci. (Philosophy), Professor, a valid member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Moscow, Russia
rizhova@mail.ru

Nina N. Kulakova — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior lecturer at the Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
nina260169@rambler.ru

Статья поступила 20.05.2021; принята к публикации 15.07.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.05.2021; accepted for publication on 15.07.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Стратификационная трансформация российского общества: новые сословные модели стратификации*

И.А. Юрасов^а, В.А. Юдина^б, Е.В. Кузнецова^с

^а Финансовый университет, Пензенский филиал, Пензенский государственный университет, Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия;

^{б,с} Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-6863-1066>

АННОТАЦИЯ

Стратификационная трансформация российского общества, на которую влияют специфические социально-экономические процессы социальной и экономической архаизации, выражающиеся в развитии капиталистических отношений в нетипичных сферах и формах социальных практик, формирует новые специфические модели общественного устройства. Российское общество стратифицируется по архаичным сословным моделям, трансформируя прежнюю классовую социальную структуру в сословную. Новым российским сословиям свойственна внутренняя неоднородность, которая выражается в квазисоциализации и квазиинституционализации. Внутри каждого российского сословия формируется своя элита, свой немногочисленный средний класс и многочисленная группа теневого занятых и самозанятых, подверженная процессам маргинализации и прекарнизации. Теневое предпринимательство внутри маргинализированных нижних слоев каждого сословия становится фактором широкого развития прекарных социально-трудовых отношений во всех сферах российской жизни, которые псевдоинституционализируют архаичные социально-экономические практики, которые приводят к деградации всей социальной структуры российского общества. **Ключевые слова:** стратификация; социальная трансформация; сословный характер стратификации; архаизация; феодализация; квазисоциализация; квазиинституционализация; маргинальные социальные слои; прекариат

Для цитирования: Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Стратификационная трансформация российского общества: новые сословные модели стратификации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):50-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-50-56

Stratification Transformation of Russian Society: New Estate Models of Stratification**

I.A. Yurasov^а, V.A. Yudina^б, E.V. Kuznetsova^с

^а Financial University, Penza branch, Department of Public Administration and Sociology of the Region, Analytical Centre for Applied Research of the Institute of regional development of the Penza region, Penza, Russia;

^{б,с} Financial University, Penza branch, Penza, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-6863-1066>

ABSTRACT

The stratification transformation of Russian society, which is influenced by the specific socio-economic processes of social and economic archaisation, expresses itself in the development of capitalist relations in atypical areas and forms of social practices. It leads to the feudalisation of many forms of socio-economic life and forms new specific models of social structure. According to archaic class models, the Russian society is stratified, transforming the former class social structure into an estate one. The new Russian classes are characterised by internal heterogeneity, and both are expressed in quasi-socialisation and quasi-institutionalisation. Within each Russian class emerges its own elite, its own small middle class and a large group, shadow workers and self-employed. All of them are subject to processes of marginalisation and precarization.

* Публикация подготовлена по результатам выполнения исследования в рамках в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00310 на тему «Самозанятые работники физического и умственного труда России: исследование новейших тенденций социальной стратификации, социокультурный анализ жизненных стратегий прекариата».

** The publication was prepared based on the research results within the framework of the RFBR-supported scientific project No. 20-011-00310 on the topic "Self-employed workers of physical and mental labour in Russia: a study of the latest trends in social stratification, socio-cultural analysis of life strategies of the precariat".

Shadow entrepreneurship within the marginalised lower strata of each class becomes a factor in the overall development of excellent social and labour relations in all areas of Russian life. These processes pseudo-institutionalise archaic socio-economic practices that degrade the entire social structure of Russian society.

Keywords: stratification; social transformation; stratification of class character; archaization; feudalization; quasi-socialization; quasi-institutionalization; marginal social strata; precariate

For citation: Yurasov I.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. Stratification transformation of Russian society: New estate models of stratification. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):50-56. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-50-56

ВВЕДЕНИЕ

Социальная структура современных обществ во всем мире характеризуется сложной, непредсказуемой динамикой, которая влияет на стратификационные процессы, состояние экономики, динамику развития гражданского общества. Большинство мировых и отечественных исследователей едины в мысли, что в социальной структуре и общественной динамике в XXI в. происходят глубокие трансформационные процессы, меняющие сущностную социальную основу многих общественных групп в большинстве стран.

На положение всех социальных групп и социальных страт — от элиты до низших слоев общества — влияют мировые социально-экономические и социально-политические процессы, такие как: отказ большинства экономически развитых стран (так называемого «золотого миллиарда») от модели социального государства, слом устоявшихся систем медицинского и пенсионного обеспечения, трансформация структуры мирового рынка труда, рост социальной незащищенности, неформальной и теневой занятости, глобальные тенденции к прекаризации во всем мире, которая характеризуется увеличением теневых, неформальных, нерегулярных форм занятости, дискретными, непостоянными связями с официальным рынком труда, приводящими к чередованию этапов крайне напряженной работы, граничащей с самоэксплуатацией, с периодами безработицы и безденежья.

Рыночные реформы, начатые в 90-е гг. XX в., кардинальным образом изменили социальную структуру российского общества. Масштабной социальной трансформации подверглись базовые социальные институты, все без исключения социальные группы. В это время в Российской Федерации появились новые страты. В середине 90-х гг. XX в. стало ясно, что реформы не всегда идут так, как необходимо нашему обществу, и ведущие обществоведы стали задумываться о корректировке проводимых реформ.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования проводились в 2014–2021 гг. в Пензе, Саранске, Ульяновске, Тольятти, Сочи, Москве,

Калининграде, Оренбурге. Методы исследования: анализ научных публикаций, экспертный опрос ($n = 23$), включенное наблюдение, массовый опрос ($n = 483$). Выборка квотная. Возраст — от 28 до 82 лет. О репрезентативности выборки свидетельствует структура выборочной совокупности. Эти методы исследования дали многочисленные результаты, доказывающие развитие сословности среди работников умственного и физического труда, и выявили социально-экономическую дифференциацию внутри страт-сословий среди медиков, ученых, учителей, преподавателей, рабочих.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявляя причины и основы социальных трансформаций внутри современного российского общества, следует в первую очередь остановиться на теоретико-методологических предпосылках анализа стратификационных трансформаций, а именно на анализе классовых различий в социуме. Появление термина «классы» связано с марксистской методологией и распространением марксизма в XIX в. Такие работы К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Немецкая идеология», «Манифест коммунистической партии», «Капитал» дают развернутую трактовку идеи классового расслоения, где ведущее место принадлежит рабочему классу [1].

По определению В.И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [2].

В середине 60-х гг. XX в. в советской социологии меняется акцент в отношении классовой стратификации. Ряд исследователей, таких как А.Г. Здравомыслов, В.О. Рукавишников, М.Н. Руткевич, О.И. Шкаратан, Ф.Р. Филиппов, В.А. Ядов и др., рассматривая изменения в социальной структуре

советского общества, пришли к выводу о сложности и неоднородности элементов социальной структуры СССР, включая внутреннюю неоднородность группы рабочих. В исследованиях, посвященных рабочему классу, говорилось об образовании различных слоев внутри рабочего класса, что было подкреплено конкретными социологическими исследованиями [3–7].

Официально до 1990 г. все советские граждане относились к рабочему классу, крестьянству и интеллигенции. Эта традиция берет начало с заявления И.В. Сталина в 1936 г. [8, 9]. Но она имела мало общего с реальной стратификацией советского общества и отражала ее лишь в общих чертах, и чем дальше шло развитие социалистического общества, тем более явным было несоответствие формулы реалиям, что отмечали ведущие социологи.

По мнению О.А. Кармадонова, социальная стратификация в современной России обладает статусной консистентностью лишь на верхних этажах — внутри элит и субэлит, — в то время как остальные слои общества (за исключением люмпенов) представляют собой некую смесь из статусных позиций. Так, например, учителя, обладая высоким образовательным уровнем, не могут похвастаться соответствующим имущественным, а следовательно, и символическим положениям [10].

Таким образом, уже сама эволюция теоретико-методологических подходов позволяет сделать вывод о том, что стратификационное деление населения советской и современной России за последние время претерпело серьезные изменения. Новые подходы к социальным стратам делают неактуальными марксистские теории и выявляют факт мифологизации реального состояния советского и российского общества.

Структурные социальные изменения, потребительское поведение глобальных национальных и региональных элит привели к изменениям в социальных структурах многих стран, которые выразились в массовых процессах деградации, маргинализации и прекаризации.

Либеральные и либертарианские рыночные реформы в России и во всем мире, псевдонаучные, идеологически ангажированные социально-экономические теории, предполагавшие тотальную деиндустриализацию Российской Федерации, привели к существенному снижению количества рабочих, занятых в промышленности, изменили мотивацию к труду, трансформировали стратегии выживания и саму страту рабочих и стали причинами глубоких маргинализационных процессов в большинстве социальных страт российского общества. Эти про-

цессы привели к укоренению сословной структуры российского общества, к появлению прекариата, к трансформациям традиционных социально-профессиональных групп, к появлению страт в форме сословий ученых-предпринимателей, преподавателей-предпринимателей, медиков, юристов, консультантов-предпринимателей.

Основная методологическая ошибка в анализе проблем стратификации, социальных трансформаций, связанных с современным рынком труда в России и мире, заключается, по мнению авторов, в самом использовании терминов «класс», «страта», «социальный кластер», что не может точно отразить всю специфику общественных изменений в мире. Используя работы В.Л. Маркова, С.Г. Кордонского, О.Э. Бессоновой и В.Т. Третьякова о сословном характере социальной структуры современного российского общества, попытаемся представить российское общество как совокупность социальных сословий [11–14].

Основу теории сословности составляет точка зрения А.П. Прохорова о стабильных и нестабильных фазах экономического развития России. В своей позиции он опирается на фазы Н.Д. Кондратьева. Замеченная А.П. Прохоровым смена стабильных и нестабильных фаз регулярно происходит в нашей стране. В стабильной фазе основу социальной системы России составляют сословия [15]. При этом государственные функции сословий в России не отделены от экономических.

Исходя из сословных признаков, обозначенных Б.Н. Мироновым [16], можно выделить в советском обществе пять групп сословного типа: номенклатура; рабочие как квазипривилегированное сословие; специалисты и служащие; крестьянство; маргинальные группы.

Анализ вторичной социально-политической и социально-экономической научной информации, контент-анализ СМИ однозначно доказали наличие пяти из шести признаков сословного устройства советского общества в 30–80 гг. XX в. Однозначно все вышеперечисленные сословия обладали специфическим сознанием и внешними признаками сословной принадлежности, которые особенно ярко выразились в жизни и быту партийно-хозяйственной номенклатуры, маргинальных групп и крестьянства.

Социальные признаки наследственности и безусловности права присутствовали у всех сословий времен СССР и продолжают активно функционировать в современной России, когда не только заводы, фабрики, фирмы, рестораны и церковные приходы передаются по наследству по семейной линии, но

объектами наследственного права также становятся вузовские кафедры, научные секторы и отделы. Таким образом в обществе ограничивается социальная мобильность и блокируются социальные лифты, что приводит к росту теневых форм занятости в экономике. Остальные сословные признаки, такие как сословные организации, — несколько формальные, но, безусловно, ярко выражены неформально. Неформальное сословное самоуправление (в науке, образовании, транспортной, строительной сферах, в сферах красоты, фитнеса, физической культуры) и сословное сознание, сословный менталитет были представлены в социальной системе СССР и остаются в социальной системе современной Российской Федерации. В эпоху нестабильных 90-х гг. XX в. сословная советская структура была сильно деформирована. Начали проявляться признаки классовой структуры: формирование основ рыночной экономики, общества потребления, правового государства; появление «новых» богатых и бедных; модернизированная неустойчивая социальная структура; труд как источник заработка.

Но подобная вестернизированная социальная структура никак не вписывалась в рамки традиционного русского менталитета, привычной социальной системы и модели управления.

На современном этапе развития российской экономики (стабильном) развитие классовой структуры стало тормозиться, и снова возник крен в сторону сословного общества. В.Т. Третьяков, известный российский политолог, журналист и общественный деятель, видит в российском обществе следующие сословия:

- крестьянское (сельхозпроизводители);
- рабочее (наемные работники сферы материального производства);
- врачебно-медицинское;
- учительско-преподавательское;
- научное (те, кто изучает гуманитарные и естественные науки);
- информационное (но не журналистское, у которого и так есть «трибуна»);
- духовное (от традиционных религий);
- военное;
- управленческое (политическое);
- частнособственническое (владельческое);
- женское;
- опекаемых и поднадзорных (дети-сироты, старики, инвалиды, бездомные, заключенные) [14].

Основные признаки современного сословного российского общества:

- труд как служение;

- вознаграждение за труд (не заработная плата, а жалование, «получка», сословная рента);
- традиционное и неформальное неравенство сословий перед законом;
- распределительная экономика;
- богатство и бедность по сословному статусу (стремление к богатству, не соответствующему сословному статусу, — аморально, публичная демонстрация богатства — аморальна);
- коррупция (форма сословной ренты);
- привилегированность сословия зависит от важности задач, решаемых сословием [7, 11, 12, 14, 16].

ТЕНДЕНЦИИ

Согласно этой парадигме российские ученые, медики, преподаватели, учителя, блогеры (информационное сословие), занятые активно в теневой экономике, представляют собой специфическое социальное образование — социальную страту, имеющую признаки сословия и класса. Важным экономическим критерием сословности является наличие своих «богатых» и «бедных» внутри каждой сословной касты: ректор крупного вуза, директор отраслевого института РАН, квалифицированный строитель, шеф-повар, кондитер — как верхушка («новая» верхняя социальная страта) и ассистент, старший преподаватель, обычный повар — как элементы низшей социальной страты общества. По данным первичных и вторичных социологических исследований внутри социальной группы, занятой как умственным так и физическим трудом, существуют свои богатые и бедные. Верхний уровень дохода высококвалифицированных рабочих, ученых, преподавателей, тренеров может быть от 250 тыс. до 1,5 млн руб. в месяц (данные на февраль 2020 г.). В то время как уровень дохода средней по уровню материального достатка страты может составлять от 35 до 50 тыс. руб. Бедные едва достигают уровня от 15 до 35 тыс. руб. в месяц.

Экономический и промышленный спад 90-х гг. XX в., разрушение традиционных производств и производственных отраслей, непродуманные шоковые реформы привели к существенным деформациям в социальной структуре российского общества. Основные деформационные процессы можно определить как:

- сокращение численности людей, занятых физическим трудом в промышленном и сельскохозяйственном производстве;
- увеличение форм теневой, неформальной занятости во всех сферах российской экономики;

- трансформация классовой социальной структуры в сословную;
- отсутствие внятной промышленной, экономической, научной политики и, как следствие, — важных социальных задач, стоящих перед научным, ученым, рабочим и другими сословиями;
- возникновение специфичных сословий: рабочих, ученых, врачей, юристов, экономистов, преподавателей-предпринимателей;
- социальная, экономическая, политическая невостребованность старых традиционных социально-профессиональных групп, как следствие, специфического потребительского поведения российской элиты;
- непрестижность традиционных рабочих и интеллигентских профессий и, как следствие, снижение значимости самого сословия и задач, стоящих перед ним, и одновременно повышение престижа рабочих-ученых, врачей, педагогов-предпринимателей;
- социально-экономическая дифференциация внутри традиционных сословий, вычленение «новых богатых», «новой элиты» и «новых бедных» внутри каждого сословия;
- появление «новых богатых», «новой элиты» внутри врачебно-медицинского, научного, учительско-преподавательского сословия как следствие теневой занятости;
- «новые богатые» внутри врачебно-медицинского, научного, учительско-преподавательского сословий характеризуются высоким уровнем социальной мобильности, самоорганизации, сословной гордостью, высокой квалификацией, высоким уровнем дохода и предпринимательской мотивацией;
- специфическая сословная вертикальная мобильность за счет использования теневых неформальных форм занятости и за счет обслуживания потребностей российской элиты.

Сословный характер стратификационных процессов, формирование новых сословий — ученых-предпринимателей, врачей-предпринимателей, рабочих-предпринимателей, преподавателей-предпринимателей и т.п., смешение старых и новых сословий, распространение предпринимательских компетенций и мотиваций на несвойственные им общественные группы — все это размывает границы традиционных социально-профессиональных групп, создает новые социальные образования (функционирование которых в настоящее время активно представлено в теневых секторах российской и мировой экономики), квазисословия, ква-

зисоциально-профессиональные группы, которые подвергаются специфическому процессу псевдоинституционализации.

В процессе обычной институционализации любые социальные отношения обретают форму с установленными сводами правил, законов и санкций. Такая форма называется «социальный институт», а все правила и нормы могут быть оформлены как в письменном, так и в устном виде. А в процессе псевдоинституционализации, особенно в теневой трудовой занятости, многие неформальные социальные отношения приобретают форму законов, правил в «социально-параллельном» мире, закрепляются устно, почти так, как это происходит с уголовными понятиями в криминальном сообществе. Псевдоинституционализация является устной формой закрепления теневых, скрытых общественных практик в виде неформальных институтов.

Социальные установки, нормы, правила поведения, проходя через различного рода криминальные или полуправовые теневые практики, становятся неписаными законами, нарушать которые категорически запрещено людям определенных социальных групп: новых страт, совмещающих умственный и физический труд с предпринимательством, и формаций (например, сообщества репетиторов, теневигов, уголовников).

Так же происходит и с правилами поведения и нормами взаимоотношений на теневом рынке академического предпринимательства, медицинских, образовательных, строительных, транспортных и других услуг. Информация о разных группах людей, коллективах или отдельных специалистах, оказывающих теневые услуги на неформальном рынке труда, распространяется только по устным закоспирированным каналам, закрытым телеграмм-каналам. Настоящие специалисты, как правило, клиентов сами не ищут. Они известны в академической, рабочей, медицинской и преподавательской среде, в которой существует особая этика поведения. Условия их работы можно охарактеризовать так: 30% — предплата за труд или оплата по факту выполнения работы с поручительством хороших знакомых, коллег; высокий уровень доверия друг к другу; табу на распространение определенного типа информации, запрет на продажу товаров и услуг с заведомо известным плохим качеством и т.п.

Неформальная самозанятость, связанная с теневым предпринимательством, не только является источником новых социальных трансформаций, причиной развития новых социальных страт, но и формирует новый тип социальной солидарности

в Российской Федерации. Кризис солидарности в современной российской реальности объясняется распространением ее не на все общество, а только на определенные социальные страты, особенно связанные с теневой экономикой, с теневой предпринимательской деятельностью. Солидарность усиливается там, где высокий уровень взаимопомощи и доверия между людьми, именно это наблюдается в закрытых теневых профессиональных группах. Современное чувство солидарности в экономике самозанятых, семантизируемое ре-

спондентами, определяется как социальное чувство «быть вместе», «чувствовать вместе», «действовать вместе», благодаря которому коллектив и формы коллективной работы трактуются как важная социальная ценность.

Таким образом, основная специфика социальной трансформации современной России состоит в отмирании старых традиционных социальных страт, в формировании архаичной социальной структуры общества, социально-профессиональных сословий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Немецкая идеология: Сочинения М.: Госполитиздат; 1954.
2. Ленин В.И. Великий почин. М.: Госполитиздат; 1970.
3. Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика М.: Наука; 2008. 382 с.
4. Руткевич Н.М. Социальная структура. М.: Альфа-М; 2004. 272 с.
5. Шкаратан О.И. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. *Мир России*. 2007; XVI(3):42–67.
6. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2012. 526 с.
7. Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность. *Социологические обозрения*. 2011;10(3):4–20.
8. Самыгин С.И. Рыночные отношения и рабочий класс (сравнительный анализ российского и болгарского опыта многоукладного развития). Дис. ... д-ра социол. наук. СПб.; 1992. 419 с.
9. Смоленская С.В. Проблемы и перспективы развития рынка труда в Российской Федерации. *Вестник Ул ГТУ*. 2018;(4):56–59.
10. Кармадонов О.А. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та; 2009. 175 с.
11. Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори; 2001. 176 с.
12. Кордонский С.Г. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования. *Мир России*. 2012;21(2):62–102.
13. Крухмалев А.Е. Социальная структура развитого социалистического общества. М.: Знание; 1975. 212 с.
14. Третьяков В.Т. Партийность или сословность. Известия. 26 ноября 2009 г.
15. Прохоров А.А. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт»; 2002.
16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства URL: <http://bmironov.spb.ru/book.php?mn=6&lm=1&lc=nn>.

REFERENCES

1. Marx K. German ideology. Works. Moscow: Gospolitizdat; 1954. (In Russ.).
2. Lenin V.I. A Great Beginning. Moscow: Gospolitizdat; 1970. (In Russ.).
3. Zdravomyslov A.G. Sociology: theory, history, practice. Moscow: Nauka; 2008. 382 p. (In Russ.).
4. Rutkevich N.M. Social structure. Moscow: Alpha-M; 2004. 272 p. (In Russ.).
5. Shkaratan O.I. The social and professional structure of the population of Russia. Theoretical premises, methods, and some results of repeated surveys in 1994, 2002, 2006. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2007; XVI(3):42–67. (In Russ.).
6. Shkaratan O.I. Sociology of inequality. Theory and reality. Moscow: Higher School of Economics; 2012. 526 p. (In Russ.).
7. Filippov A.F. Mobility and solidarity. *Sotsiologicheskiye obozreniye = Sociological Review*. 2011;10(3):4–20. (In Russ.).
8. Samygin S.I. Market relations and the working class (comparative analysis of the Russian and Bulgarian experience of multi-structured development). Dis. ... Dr of sociology. St. Petersburg; 1992. 419 p. (In Russ.).
9. Smolenskaya S.V. Problems and prospects for the development of the labour market in the Russian Federation. *Vestnik Ul GTU = Vestnik Ul GTU*. 2018;(4):56–59. (In Russ.).

10. Karmadonov O.A. Transformation and adaptation: strategies for survival in a crisis society. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State University; 2009. 175 p. (In Russ.).
11. Kordonsky S.G. Activity cycles and ideal objects. Moscow: Pantori; 2001. 176 p. (In Russ.).
12. Kordonsky S.G. Estate components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and an attempt at modelling. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2012;21(2):62–102. (In Russ.).
13. Krukhmalev A.E. The social structure of a developed socialist society. Moscow: Znanie; 1975. 212 p. (In Russ.).
14. Tretyakov V.T. Party or social class. *Novosti = News*. November 26, 2009. (In Russ.).
15. Prokhorov A.A. Russian model of management. Moscow: ZAO “Expert Journal”; 2002. (In Russ.).
16. Mironov B.N. Social history of Russia during the period of the empire (XVIII — early XX centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society, and the rule of law. URL: <http://bmironov.spb.ru/book.php?mn=6&lm=1&lc=nn>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игорь Алексеевич Юрасов — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал; профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет; директор аналитического центра прикладных исследований, Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия

jurassow@yandex.ru

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

vayudina@fa.ru

Елена Викторовна Кузнецова — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

elena_myaskina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Yurasov — Dr Sci (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch; Professor of the Department of Public Administration and Sociology of the Region; Director of the Analytical Centre for Applied Research of the Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza, Russia

jurassow@yandex.ru

Vera A. Yudina — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

vayudina@fa.ru

Elena V. Kuznetsova — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

elena_myaskina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И.А. Юрасов — разработка общей концепции статьи.

В.А. Юдина — теоретико-методологическое обоснование.

Е.В. Кузнецова — анализ социологических данных.

Declared authors' contribution:

I.A. Yurasov — development of a general concept.

V.A. Yudina — theoretical and methodological substantiation.

E.V. Kuznetsova — analysis of sociological data.

Статья поступила 30.05.2021; принята к публикации 15.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.05.2021; accepted for publication on 15.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-57-63
УДК 378(045)

Гуманитарное образование в современной России: проблемы и пути их преодоления*

Н.О. Воскресенская^а, Е.М. Скворцова^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-2014-6790>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2965-7415>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемные ситуации в сфере высшего гуманитарного образования, снижающие качество подготовки специалистов. Основное внимание уделяется ведущим российским вузам финансово-экономического профиля. В исследовании используются профильные аналитические материалы, интернет-ресурсы, материалы СМИ. Показано, что проблемы в сфере высшего гуманитарного образования многообразны, носят комплексный характер, связаны с общественными предпочтениями, текущей ситуацией в стране и общим вектором государственной политики. На основе проведенного анализа предлагаются возможные пути преодоления выявленных проблем. Для совершенствования высшего гуманитарного образования психология участников образовательного процесса должна быть постоянно в центре внимания исследователей, тренинги и командная проектная работа должны стать обязательным элементом образовательного процесса.

Ключевые слова: гуманитарное образование; проблема; критическое мышление; проектная работа; пандемия; дистанционные образовательные технологии

Для цитирования: Воскресенская Н.О., Скворцова Е.М. Гуманитарное образование в современной России: проблемы и пути их преодоления. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):57-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-57-63

ORIGINAL PAPER

Humanitarian Education in Modern Russia: Problems and Ways to Overcome Them**

N.O. Voskresenskaya^а, E.M. Skvortsova^б

Financial University Moscow

^а <https://orcid.org/0000-0002-2014-6790>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2965-7415>

ABSTRACT

The article deals with problematic situations in the field of higher humanitarian education, which reduce the quality of training of specialists. We paid primary attention to the leading Russian universities of the financial and economic profile. We based our research on Internet resources and media materials. We have shown that the problems in the field of higher education in the humanities are diverse, complex, associated with social preferences, the current situation in the country and the general vector of state policy. Based on the analysis, we proposed possible ways of overcoming the identified problems. To improve higher education in the humanities, the psychology of the participants in the educational process should constantly be at the centre of the attention of researchers. Also, training and team project work should become an obligatory element of the educational process.

Keywords: humanitarian education; problem; critical thinking; project work; pandemic; distance learning technologies

For citation: Voskresenskaya N.O., Skvortsova E.M. Humanitarian education in modern Russia: Problems and ways to overcome them. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):57-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-57-63

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of the Scientific Fund of the Financial University.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА. АКТУАЛЬНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Функционирование любого государства в современном мире, уровень его экономического, политического, культурного развития, степень влияния на мировой арене напрямую зависят от состояния национальной системы образования. Гуманитарное образование играет особую роль в жизни страны: влияя на мировоззрение обучающихся и, следовательно, на общественные настроения, оно определяет не только интеллектуальный, но и нравственный потенциал населения. Именно правильно выстроенное гуманитарное образование способно заложить в сознание гражданина стремление строить деловые и личностные контакты на принципах сотрудничества, равенства, диалога и взаимного уважения — условия, необходимые для успешного развития всех отраслей народного хозяйства. Для подготовки не просто «узких специалистов», но воспитания личности — человека, знающего историю своей страны, понимающего процессы, происходящие в настоящем, способного предвидеть возможные векторы будущего развития, необходимо именно гуманитарное образование. Уровень преподавания гуманитарных дисциплин, таким образом, является вопросом первостепенной важности для российского общества и государства. Цель данной научной работы — выявить основные проблемы, снижающие качество гуманитарного образования в российских вузах, и определить возможные пути их устранения.

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ

В работе используются методы аналитического исследования: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный. В круг источников профильной информации вошли монографии, статьи в научных журналах, сборники материалов конференций по проблемам образования, материалы об организации учебного процесса по преподаванию гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях России, размещенные на их официальных сайтах. На процесс в области гуманитарного образования наиболее негативное воздействие оказывают проблемы «истинные», причины которых — в самих участниках процесса, и «масштабные», охватывающие все стороны. Они и являются предметом данного научного анализа; проблемы «точечные» и «случайные», характерные для отдельных вузов, не входящих в группу лидеров российского образования, в статье не рассматриваются.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Гуманитарное образование в современной российской высшей школе, построенное на тех же основаниях, что и многие десятилетия назад, по ряду важных параметров отстает от модернизационных процессов, происходящих в обществе. Современная ситуация рядом экспертов оценивается не просто как проблемная, но как кризисная [1]. Одна из причин такого положения вещей кроется в общественных настроениях и, как следствие, в государственных образовательных стратегиях, когда в обществе превалирует технократический подход в оценке приоритетов в образовании: гуманитарные специальности отодвигаются на второй план; ведутся разговоры о том, что в стране готовятся «избыточные количества гуманитариев» (в том числе экономистов и юристов); идет устойчивое сокращение числа бюджетных мест в вузах по таким фундаментальным гуманитарным направлениям подготовки, как «философия» и «история». В ряде вузов число бюджетных мест за последние 10–15 лет сократилось в 2–4 раза [2]. Подобные сдвиги влекут за собой структурные перестройки вузов, когда вместо специализированных факультетов и кафедр создаются укрупненные синтетические учебно-научные подразделения, обучение студентов осуществляется в формате общего профиля, подготовка уникальных, «штучных» специалистов становится трудновыполнимой задачей, а утрата редких научных специальностей — неизбежной реальностью. Зафиксируем эти негативные тенденции как проблемы макроуровня и по сути своей организационного характера. Выход из положения возможен путем взаимодействия педагогической общественности с государственными структурами. Точное установление потребностей национальной экономики в специалистах гуманитарного профиля позволило бы снять многие спорные вопросы.

Условием, необходимым для обеспечения высокого уровня подготовки специалистов гуманитарного профиля, является готовность и способность студентов эффективно участвовать в образовательном процессе. Однако за последние два десятилетия уровень пороговых знаний абитуриентов снизился, а их навыки аналитического анализа нередко оказываются недостаточно высокими. Одна из причин — «клиповое сознание», присущее многим представителям молодежи: студенты часто проявляют лишь кратковременный интерес и лишь к отдельным

темам, обсуждаемым на лекциях и семинарах, и для поддержания их интереса подача материала должна вестись в яркой мультимедийной форме, с неожиданными поворотами и интерпретациями. Предпочтение игрового формата и незаинтересованность в проведении тщательного научного анализа свидетельствуют о том, что не все студенты обладают качествами, нужными для успешного освоения дисциплин гуманитарного цикла, — речь идет о критическом мышлении [3].

Человек, не обладающий критическим мышлением, вряд ли способен видеть закономерности, случайности, противоречия в развитии анализируемых систем, определять факторы, под влиянием которых происходят те или иные изменения, выстраивать внутренне цепочки доказательств. Актуальность задачи по выработке критического мышления была осознана педагогическим сообществом [4], в ряде российских вузов в последние годы стали читать учебные курсы, призванные сформировать критическое мышление студентов. Очевидны сложности на пути решения данной проблемной ситуации — существуют разночтения в понимании сущности феномена мышления как такового и неясности в определении содержания различных видов мышления, когда, предлагая различать мышление критическое, логическое и творческое, исследователи часто расходятся в раскрытии их характеристик [5]. Отметим и крайнюю скудость [3] научной и учебно-методической литературы по данной теме. Для выработки критического мышления у студентов недостаточно занятий, проводимых в традиционной манере, нужны специальные тренинги, разработка которых, в свою очередь, представляет значительные сложности [6]. Было бы целесообразно предлагать студентам такие курсы, как «Философия науки и техники», «Ценности современного мира»; знакомить студентов с различными формами мировоззрения — научным и вненаучным, так как для полноценного гуманитарного образования важно понимать особенности их диалога и взаимосвязи [7]. В случае одобрения такого подхода потребуются перестройка учебных планов, разработка новых рабочих программ и соответствующих комплектов оценочных средств для проверки сформированных навыков логического, критического и творческого мышления студентов.

Разработка комплектов оценочных средств для текущего и промежуточного контроля с целью оценки мыслительных стратегий обучающихся

является сложной научной и методической задачей [8]. К традиционно используемым для таких проверок тестам многие преподаватели относятся с сомнением, — тесты в данном случае должны проверять не просто знание фактов, а умение мыслить. Для проверки уровня сформированности у студентов навыков критического мышления (т.е. способности выбирать определенный, а именно оптимальный алгоритм действий в конкретной ситуации) авторы предлагают погрузить обучающего в «ситуацию критического мышления», предоставив ему свободу выбора действий [3]. Так как правильных вариантов действий может быть несколько, результаты тестов и их трактовки будут носить неоднозначный характер. Устранение этой неоднозначности также является сложной методологической проблемой.

Сформированность навыков критического мышления может быть проверена и в публичных дискуссиях, которые должны быть обязательным элементом практических занятий. Важно, однако, что победителями в них нередко оказываются не те студенты, которые действительно обладают сформированным рациональным и критическим мышлением, а те, кто обладает даром публичных выступлений, знанием пиар-технологий, способностью манипулировать общественным мнением; студенты, наделенные определенными чертами характера — настойчивостью, решительностью, склонностью к доминированию. Данная проблема носит междисциплинарный характер и требует от преподавателей знания психологии. Для ее устранения студентов следует учить приемам межличностной коммуникации с целью распознавания и противодействия манипулятивным коммуникационным приемам. Важной является и проблема инклюзивного образования [9].

Выстраивание правильных коммуникативных стратегий — обязательное условие успешной групповой работы студентов и подготовки ими групповых проектов [10]. Групповая проектная работа исключительно важна для выработки критического мышления. Хорошие результаты может дать аналитическая работа в группах для разбора кейсов, групповые дебаты с заранее распределенными ролями, ролевые игры. Однако некоторые студенты не склонны включаться в процесс подготовки групповых проектов, предпочитая оставаться «на периферии»; кто-то из участников может быть слишком критически настроен по отношению к коллегам или же, напротив, — некритически воспринимать дейст-

вия партнеров по команде. Итогом становятся тупиковые коммуникативные ситуации, при которых члены команды оказываются не в состоянии договориться о совместных действиях, и командная работа останавливается. Развивая у студентов навыки критического мышления путем сопоставления и оценивания различных точек зрения партнеров по команде по одному и тому же вопросу, важно также развивать терпимость к инакомыслию и умение с уважением относиться к другим мнениям и мирно решать проблемы [11]. Разработка учебных курсов для формирования интеллектуальных и нравственных качеств студентов, а также необходимых коммуникативных навыков и умений — одна из самых значимых задач высшего гуманитарного образования.

Огромную роль в успехе образовательного процесса в высшей школе играет качество информации, предоставляемой студенческой аудитории. В современном научно-информационном обществе, в условиях, когда объем информации стремительно растет, часть информации, сообщаемой студентам, имеет свойство быстро устаревать. Соответственно теряют актуальность и многие учебные материалы, но часто не сами факты, а их трактовки и подходы к анализу. В новых условиях причинно-следственные связи между явлениями и процессами могут видаться иначе. Задача обновления и учебного материала, и аналитических инструментов представляется очевидной. Следует, однако, учитывать, что значительная часть исторической и философской информации в принципе не подвержена процессам старения. Данная проблема связана с подготовкой учебных и учебно-методических материалов, — они должны соответствовать новейшему уровню развития науки, и их постоянное обновление представляется обязательным, так как использование устаревших учебников, практикумов, рабочих учебных программ, упор на традиционные материалы и игнорирование материалов новейших способны затруднить подготовку высококлассных специалистов гуманитарного профиля.

Устаревший контент и неактуальные учебно-методические материалы подводят нас к еще одной масштабной проблеме гуманитарного образования, — обозначим ее как «фактор преподавателя». Значимы все элементы образовательного процесса: содержание учебных курсов, способы подачи информации, коммуникационные технологии, используемые преподавателем

для связи со студентами, система контроля знаний студентов. Если преподаватель не склонен совершенствоваться в своем предмете, и его роль сводится преимущественно к простому информированию студентов, которым предоставляются «вчерашние истины» в форме догматов, то результативность образовательного процесса вряд ли может быть высокой. Это не означает, однако, что от всех элементов традиционной — классической — школы следует отказаться, — лучшей стратегией будет реформирование «устаревших элементов» при тщательном сохранении элементов «работающих».

Еще одна проблемная ситуация — работа вузов в чрезвычайных условиях, к которым может быть отнесена и современная пандемия. Отметим мгновенную реакцию преподавательской общественности на эту проблему — появились научные работы, в которых текущая проблемная ситуация была комплексно проанализирована [12]. Подобные эпидемиологические ситуации не могут быть исключены в дальнейшем, и механизм, способный обеспечить быстрый и успешный перевод образовательного процесса из очной формы в дистанционный цифровой формат, представляет значительный интерес. Анализ работы российских вузов с использованием дистанционных образовательных технологий в условиях пандемии 2020–2021 гг. показал, что вузы подошли к ней с разной степенью готовности, хотя вопросы использования цифровых технологий в российском образовательном пространстве активно обсуждались уже с 1990-х гг., и в распоряжении вузовских администраций было значительное количество эффективных инструментов для проведения дистанционных занятий со студентами. Среди наиболее значимых выводов касательно применения цифровых технологий в гуманитарном образовании (как в чрезвычайных условиях пандемии, так и в «мирное» время) выделим необходимость максимального расширения поля цифровизации, которую следует рассматривать как важнейший и все усиливающийся тренд в деле организации учебного процесса, следование которому способно повысить эффективность образовательного процесса в целом [13].

Курс на цифровизацию полностью соответствует тенденциям развития образовательных практик ведущих университетов мира [14]: онлайн-технологии активно развиваются на различных образовательных платформах по

всем дисциплинам [15, 16], будущее высшего гуманитарного образования неминусом связано с цифровыми технологиями и дистанционным обучением¹. Дистанционное образование позволяет многократно расширить информационную базу, увеличить скорость обработки и получения информации, дополнить возможности виртуального восприятия изучаемых процессов и явлений, преумножить число контактов с профильными специалистами. Отметим, что в России реализация образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий закреплена на законодательном уровне (ст. 16 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании», ред. от 01.03.2020). Активная разработка онлайн-курсов ведется и в Финансовом университете при Правительстве РФ.

Многие преподаватели оценили возможности дистанционных образовательных технологий как качественно новый и более эффективный уровень взаимодействия со студентами, однако часть профессорско-преподавательского состава остается скептически настроенной в отношении данных инноваций. Очевидно, что дистанционная форма обучения поставит перед преподавателями задачу по переработке учебно-методических материалов, пересмотру традиционных способов их подачи на лекционных и семинарских занятиях, выработке новых подходов при контроле и оценке знаний студентов. Наиболее востребованными станут преподаватели, способные быстро создавать и актуализировать эффективные в педагогическом отношении онлайн-курсы. Весьма вероятна ситуация, что сработает «механизм естественного отбора», и преимущество останется за теми, кто освоит новейшие цифровые образовательные технологии, а от услуг части преподавателей вузы будут вынуждены отказаться [17].

Еще одной проблемой высшего гуманитарного образования, решение которой необходимо для оптимизации учебного процесса, является задача по выработке индивидуальных образовательных траекторий студентов. Многие вузы успешно работают в этом направлении, а некоторые откладывают перевод студентов на индивидуальные учебные планы, предлагая им элективные курсы с очень узким кругом дисциплин. Ограничение возможности студентов выбрать те дисциплины,

которые они считают нужными и интересными для себя, является явной проблемой высшего гуманитарного образования. Вместе с тем, очевидно, что ни один вуз не способен удовлетворить все учебные запросы студентов только своими силами, — это невозможно ни в научно-теоретическом, но в организационном отношении. Выходом из данной ситуации может быть информирование студентов о доступных профильных курсах в других университетах, преподаваемых как в очном, так и в дистанционном формате: дистанционные технологии позволяют прослушать интересующие студентов курсы онлайн, без перемещения во времени и пространстве.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Проведенный анализ показывает, что наша страна, нуждаясь в специалистах гуманитарного профиля, сталкивается с серьезными проблемами в сфере высшего гуманитарного образования, решение которых есть обязательное условие устойчивого развития современной России. Для оптимизации образовательного процесса в сфере преподавания гуманитарных дисциплин в Финансовом университете целесообразно:

1. Признать приоритетность задач по развитию и внедрению дистанционных технологий в образовательный процесс и последовательно развивать цифровую инфраструктуру Финансового университета; разработать модели организации учебной работы в Финансовом университете в цифровом формате.

2. Создать виртуальные 3D- и 4D-лаборатории для проведения на их основе практических занятий со студентами с целью формирования более полных и точных представлений об изучаемых процессах и явлениях.

4. Актуализировать учебно-методические материалы по гуманитарным дисциплинам, в том числе рабочие программы дисциплин, методические рекомендации и задания для самостоятельной и проектной работы, подготовить комплекты кейсов и тестовых заданий с учетом использования возможностей цифровых технологий.

5. Сформировать блок элективных дисциплин гуманитарного цикла для предоставления студентам Финансового университета возможности формировать индивидуальные образовательные траектории на уровне бакалавриата и магистратуры.

6. Определить задачу по выработке навыков критического мышления у студентов в качестве

¹ Online Humanities Courses. Harvard University. URL: <https://online-learning.harvard.edu/subject/humanities>; Online Courses in Humanities Studies in USA 2021. URL: <https://www.onlinestudies.com/Courses/Humanities-Studies/USA/>.

приоритетной и разработать методики и тренинги для их формирования.

7. Определить задачу по выработке навыков межличностных коммуникаций у студентов при-

оритетной; разработать методики для их формирования. Тренинги и командная проектная работа должны стать обязательным элементом образовательного процесса в Финансовом университете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чурилова Н. А. Проблемы современного образования. URL: <https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2020/08/23/problemu-sovremennogo-obrazovaniya-0>.
2. Ковтун Е. Н., Бородкин Л. И., Кротов А. А. Гуманитарная катастрофа. *Аккредитация в образовании*. 2013;(62):48–51.
3. Луньков А. С. Развитие навыков критического мышления»: Опыт внедрения курса. URL: <http://www.pmedu.ru>. DOI: 10.31862/2218–8711–2020–6–16–22.
4. Суханова Н. П. «Логика и критическое мышление»: установки кампусного курса. *Проблемы современного образования*. 2019;(6):15–20.
5. Шалак О. М. Понятие и сущность критического мышления в сфере делового общения. *Вестник Псковского гос. университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2017;(5):81–91.
6. Мельникова Е. П. Критерии и показатели оценки сформированности у студентов критического мышления. *Среднее профессиональное образование*. 2009;(12):55–58.
7. Воробьева Т. П. Ценностно-смысловые ориентиры содержания обучения и стратегия развития отечественной системы образования. *Молодой ученый*. 2015;18(98):441–444.
8. Жогова И. Г., Кузина Е. В. Развитие критического мышления в контексте профессионально-ориентированного обучения студентов высшей школы. *Язык и культура*. 2017;(38):227–239.
9. Ореховская Н. А., Воеводина Е. В., Серегина Т. Н., Райдугин Д. С. Инклюзивное образование: социальные проблемы. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(1):11–21.
10. Gantasala V. P. Team Work in Higher Education: an exploratory study in an UAE University. URL: https://www.researchgate.net/publication/316738669_Team_Work_in_Higher_Education_an_exploratory_study_in_an_UAE_University. DOI:10.15640/smq.v4n1a2.
11. Parker G. *Team Players and Teamwork: New Strategies for Developing Successful Collaboration*. San Francisco: Jossey-Bass; 2008.
12. Kurshan B. The Pandemic & Higher Education: Old Problems, New Opportunities. URL: <https://www.forbes.com/sites/barbarakurshan/2020/06/15/the-pandemic-higher-education-old-problems-new-opportunities/?sh=50864b86d676>.
13. Кущева Н. Б., Терехова В. И. Современная цифровая образовательная среда в высшем образовании России. *Проблемы современной экономики*. 2018;1(65):191–194.
14. Kaplan A. M., Haenlein M. Higher Education and the Digital Revolution: About MOOCs, SPOCs, Social Media, and the Cookie Monster. *Business Horizons*. 2016;59(4):441–450.
15. Kellogg S., Edelman A. Massively Open Online Course for Educators (MOOC-Ed) Network Dataset. *British Journal of Educational Technology*. 2015;46(5):977–983.
16. Fu J. S. ICT in Education: A Critical Literature Review and Its Implications. *International Journal of Education and Development using Information and Communication Technology (IJEDICT)*. 2013;9(1):112–125.
17. Игнатъев В. П., Архангельская Е. А. Инновационные технологии в образовании. *Проблемы современного образования. Использование дистанционных образовательных технологий в вузе*. 2020;(6):148–160. DOI: 10.31862 / 2218–8711–2020–6–148–160

REFERENCES

1. Churilova N. A. Problems of modern education. URL: <https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2020/08/23/problemu-sovremennogo-obrazovaniya-0> (accessed on 01.03.2021). (In Russ.).
2. Kovtun E. N., Borodkin L. I., Krotov A. A. Humanitarian disaster. *Akkreditatsiya v obrazovanii = Accreditation in Education*. 2013;(62):48–51. (In Russ.).
3. Lunkov A. S. Development of critical thinking skills: Experience of course implementation. URL: <http://www.pmedu.ru>. (In Russ.). DOI: 10.31862/2218–8711–2020–6–16–22
4. Sukhanova N. P. Logic and critical thinking: campus course settings. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2019;(6):15–20. (In Russ.).

5. Shalak O.M. The concept and essence of critical thinking in the sphere of business communication. *Vestnik Pskovskogo gosudarstviennogo. universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskiye nauki = Bulletin of the Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences*. 2017;(5):81–91. (In Russ.).
6. Melnikova E.P. Criteria and indicators for assessing the formation of students of critical thinking. *Sredneye professional'noye obrazovaniye = Secondary vocational education*. 2009;(12):55–58. (In Russ.).
7. Vorobyova T.P. Value-semantic guidelines for education content and the development strategy of the domestic education system. *Molodoy uchenyy = Young Scientist*. 2015;18(98):441–444. (In Russ.).
8. Zhogova I.G., Kuzina E.V. Development of critical thinking in the context of professionally oriented teaching of higher education students. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*. 2017;(38):227–239. (In Russ.).
9. Orekhovskaya N.A., Voevodina E.V., Seregina T.N., Raidugin D.S. Inclusive Education: Social Issues. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(1):11–21. (In Russ.).
10. Gantasala V.P. Team Work in Higher Education: an exploratory study in an UAE University. URL: https://www.researchgate.net/publication/316738669_Team_Work_in_Higher_Education_an_exploratory_study_in_an_UAE_University. DOI:10.15640/smq.v4n1a2.
11. Parker G. Team Players and Teamwork: New Strategies for Developing Successful Collaboration. San Francisco: Jossey-Bass; 2008.
12. Kurshan B. The Pandemic & Higher Education: Old Problems, New Opportunities. URL: <https://www.forbes.com/sites/barbarakurshan/2020/06/15/the-pandemic-higher-education-old-problems-new-opportunities/?sh=50864b86d676>.
13. Kushcheva N.B., Terekhova V.I. Modern digital educational environment in higher education in Russia. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of modern economy*. 2018;1(65):191–194. (In Russ.).
14. Kaplan A.M., Haenlein M. Higher Education and the Digital Revolution: About MOOCs, SPOCs, Social Media, and the Cookie Monster. *Business Horizons*. 2016;59(4):441–450.
15. Kellogg S., Edelman A. Massively Open Online Course for Educators (MOOC-Ed) Network Dataset. *British Journal of Educational Technology*. 2015;46(5):977–983.
16. Fu J.S. ICT in Education: A Critical Literature Review and Its Implications. *International Journal of Education and Development using Information and Communication Technology (IJEDICT)*. 2013;(9):112–125.
17. Ignatiev V.P., Arkhangel'skaya E.A. Innovative technologies in education. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2020;(6):148–160. (In Russ.). DOI: 10.31862/2218-8711-2020-6-148-160

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нина Олеговна Воскресенская — кандидат исторических наук, доцент, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
novoskresenskaya@fa.ru

Елена Михайловна Скворцова — кандидат исторических наук, доцент, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
EMSkvortsova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nina O. Voskresenskaya — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
novoskresenskaya@fa.ru

Elena M. Skvortsova — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
EMSkvortsova@fa.ru

Статья поступила 20.04.2021; принята к публикации 15.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.04.2021; accepted for publication on 15.06.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-64-71
УДК 14(045)

Диалектика объективности онтологии общества в эпистемологии*

Т.М. Махаматов^а, О.П. Кобзева^б, Т.Т. Махаматов^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия;

^б Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, Ташкент, Узбекистан;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-8065-2759>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

АННОТАЦИЯ

Основной целью и задачей исследования является выявление существенных изменений в общественной онтологии под влиянием процесса цифровизации. Критический анализ показывает, что в последнее время категории онтологии общества исследуются в экономической теории, политологии, исторических науках, прикладной социологии. Однако при этом не обращается внимание на философское содержание онтологических категорий общества, что актуализирует исследование динамики онтологии общества с позиции метафизики, т.е. философской онтологии. В ходе исследования авторы использовали сравнительный анализ, теоретический синтез, герменевтический метод и такие принципы диалектической логики, как историзм и конкретность. В результате исследования, отталкиваясь от концепций Э. Пикеринга, Л. Дастона, П. Галисона, М. Деланды, Э. Ильенкова и других авторов, авторы раскрыли существенные изменения понятия объективности онтологии общества.

Ключевые слова: онтология общества; цифровизация; материальность; объективность; объективность идеального; истина; необходимость

Для цитирования: Махаматов Т.М., Кобзева О.П., Махаматов Т.Т. Диалектика объективности онтологии общества в эпистемологии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):64-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-64-71

Dialectics of Objectivity of the Ontology of Society in Epistemology**

T.M. Makhamatov^a, O.P. Kobzeva^b, T.T. Makhamatov^c

^a Financial University, Moscow, Russia; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia;

^b The National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan;

^c Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-8065-2759>;

^c <https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

ABSTRACT

The primary purpose and objective of the study are to identify significant changes in social ontology under the influence of the digitalization process. A critical analysis shows that the categories of society's ontology have been studied in economic theory, political science, historical sciences, and applied sociology. However, they ignore the philosophical content of the ontological categories of society, which actualizes the study of the dynamics of the ontology of society from the position of metaphysics, i.e., philosophical ontology. The study's authors used a comparative analysis, theoretical synthesis, the hermeneutic method, and the principles of dialectical logic as the historical concreteness. As a result of the

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

study, starting from the concepts of E. Pickering, L. Duston, P. Galison, M. DeLanda, Ilyenkov, and other authors, significant changes in the concept of objectivity of the ontology of society were revealed.

Keywords: ontology of society; digitalization; materiality; objectivity; the objectivity of the ideal; truth; necessity

For citation: Makhamatov T.M., Kobzeva O.P., Makhamatov T.T. Dialectics of objectivity of the ontology of society in epistemology. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):64-71. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-64-71

ВВЕДЕНИЕ

Под влиянием ускоренного и широкомасштабного проникновения современных информационных и цифровых технологий во все отрасли экономики, социальную, политическую и духовную сферы общества, в результате появления виртуальных торгово-экономических, финансовых, образовательных и иных форм деятельности усиливается переплетение объективных и субъективных факторов, истинных и ложных информации. В такой ситуации постижение достоверного знания об общественных явлениях и процессах, обоснование объективности достигнутых знаний и построенных теорий становится сложной и наиболее актуальной проблемой современной социальной эпистемологии.

Следует учесть, что проблемы объективности в социальных науках обусловлены не только сложностью и неоднозначностью онтологии общественного бытия с точки зрения материализма и идеализма, но и *формированием виртуальной реальности, связанной с ускоренным развитием цифровизации*. В отличие от онтологии объектов естественных наук, исключая взаимопереплетение материального и идеального, объективного и субъективного, в онтологии общества (как объекте социальных наук) исследователь сталкивается с диалектическим единством, взаимопереходом объективного и субъективного, материального и идеального, невещественной реальностью в социальном бытии.

Одна из центральных онтологических категорий социальной философии «общественное бытие» включает в свое содержание исторически сложившиеся отношения людей. Специфика этих отношений заключается в их объективности, хотя они формируются, проходя через осознанные частные интересы индивидов, которые наделены, как пишет М. Деланда, «ограниченной рациональностью» [1, с. 48; 2]. Однако вышеназванные отношения формируются и осуществляются независимо от их воли

и желания, проявляющихся в рамках этих отношений. Именно эти материальные, но невещественные отношения составляют основную часть общественного бытия, т.е. общественную онтологию, определяют ее объективность. Однако материальность и объективность не тождественны, что следует обосновать.

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОНТОЛОГИИ

Авторы представленной работы проводили сравнительный понятийный и герменевтический анализ современных исследований, методологическую помощь оказал анализ современного дискурса по проблеме объективности онтологии общества.

Онтология социальной реальности и ее категории до сих пор недостаточно исследованы и разработаны в современной социальной философии и в других обществоведческих науках, в том числе и в экономической теории. В последнее время это отмечается в российских [3, 4] и зарубежных научных публикациях по философии [5–8], социологии и экономической теории [9–12].

В статьях Дж. Р. Мельвина, Е. Г. Попковой и др. анализ онтологии экономического бытия общества сводится лишь к исследованиям особенностей экономического пространства и времени [11, 12], однако редко затрагиваются основания объективности этих и других онтологических форм социальной материи.

По этому поводу известный американский политический философ Иэн Шапиро отмечает, что из-за сложности определения объективности онтологии общества происходит своеобразное «бегство» социально-гуманитарных наук от независимого исследования социальных процессов [8]. Тем самым вопрос об объективности результатов исследования теряется в туманных рассуждениях. Действительно, только решение вопроса об объективности в познании, согласно Эндрю Пикерингу,

позволяет обнаружить реальное бытие в его временном становлении [7].

На вопрос «что такое объективность?» Л. Дастон и П. Галисон отвечают, что «быть объективным — значит стремиться к знанию, не отмеченному предрассудком или умением, фантазией или суждением, желанием или стремлением» [6]. Однако данное определение этих авторов, с которым лишь отчасти можно согласиться, неполно, ибо не охватывает особенности онтологии общества. Особенность понимания ими объективности обусловлена тем, что они исследуют вопрос об объективности в естественно-научном познании. Но ценность их работы заключается в исследовании объективности как самостоятельной и важной научно-философской проблемы. Они еще раз демонстрируют, что исследование проблем онтологии, объективности истины, особенностей познавательного процесса — задача философии. То же самое применительно к наукам об обществе, и, как утверждает М. Деланда, только «философы могут помочь прояснить онтологические основания каждой отдельной теории общества» [1, с. 36].

М. Деланда в своей философии онтологии придерживается антиэссенциализма, критически относится к общим, универсальным категориям метафизики и является сторонником умеренного номинализма. Он утверждает, что *социальная онтология* — это, прежде всего, *индивиды, социально-экономические институты и города* и только затем — *результаты их взаимодействия*. Однако эти результаты не пассивны; обладая реальным социальным бытием, они оказывают обратное влияние на основания своих возникновений. Результаты взаимодействия вышеназванных онтологических факторов сами тоже становятся объективными факторами, «плоской» (как он считает) онтологией общества. «Плоская онтология» позволяет рассматривать «индивидуальных сущих» и результаты их взаимодействий как объективные явления онтологии общества [1, с. 43].

ИДЕАЛЬНОЕ КАК ВТОРИЧНОЕ ОБЪЕКТИВНОЕ В ОНТОЛОГИИ ОБЩЕСТВА

Проблема онтологии общества заключается не только в сложности ее структуры, но и в том, что в ее структуре имеет место идеальное как

вторичное объективное по отношению к общественному бытию, социальному пространству и времени. Как известно, основоположники марксистской философии на основе категории общественного бытия создали концепцию материалистического понимания общества в его историческом изменении. В этой концепции категории практики предшествует категория общественного бытия как более абстрактная и широкая. Она рассматривается в начале как категория для материалистического решения взаимоотношения материально составляющего фактора в обществе с сознанием людей как с идеальным фактором. Затем, уже с позиции материализма, поэтапно раскрывается содержание категории практики как общественно-исторической и материально-преобразующей деятельности людей.

На основе принципиально нового и более широкого понимания бытия (не только как природного, вещественного, но и как объективно-необходимых исторически сложившихся отношений людей) они создают более совершенную и последовательную форму материалистической философии, исходящую от материалистического понимания истории. В их диалектическом материализме познание общества и его истории исходит из нового осмысления онтологических понятий бытия и сознания.

В социальную философию марксистская философия вводит новое онтологическое понятие «общественное бытие», которое понимается как система исторически складывающихся отношений людей в сфере материального производства и в других сферах общественной жизни, независимо от их воли и желаний. К. Маркс обосновывает их как объективные и детерминирующие субстанциальные отношения [13]. Следовательно, согласно новому материализму бытие в природе и в обществе выступает как первичное по отношению к сознанию, мышлению и идеальному. В марксистском материализме содержания понятий бытия, объективности и материальности существенно обогащаются, и преодолевается ограниченность, узость естественно-научного понимания бытия и материального как вещественного.

В диалектико-материалистическом понимании идеального более четко проявляется глубокое изменение содержания понятия объективности в социальной реальности. Согласно

диалектическому материализму и материалистически ориентированной психологической науке понятие идеального отражает философскую сущность сознания и одну из существенных особенностей онтологии общества [14, 15].

Согласно психологии и эпистемологии идеальное первоначально формируется в человеческом сознании как субъективная, интегрированная реальность и закрепляется в понятиях как мысль.

Однако формы существования идеального гораздо шире и богаче бытия сознания. Ведь идеальное, будучи продуктом функционирования сознания, мыслительной деятельности человека, имеет место и вне сознания. Идеальное выступает так же и как отчужденная от сознания, следовательно, существующая вне сознания индивида не-субъективная, но общественная реальность.

Общественная форма реальности идеального проявляется, во-первых, в языке, письменности; во-вторых, в общественном информационном пространстве, которое все больше расширяется и активизируется с развитием информационных технологий и цифровизации [10]. В-третьих, проявлением идеального являются формы, приданные человеком природным предметам, и способы соединения различных по качеству природных образований и процессов в ходе его материальной преобразующей деятельности.

Философская концепция идеального как объективированной формы бытия содержания человеческого сознания, его интеллектуального богатства, креативности была разработана Э.В. Ильенковым [16]. Он на основании философии Гегеля и учения К. Маркса о материальной форме проявления сознания раскрыл, что идеальное — есть проявление общественной сущности человеческого разума, и потому оно существует вне сознания человека, имеет место только в общественном пространстве и представляет собой обобществленную, объективированную и отчужденную от индивида форму содержания его мышления. Если выразиться языком Фихте, объективное идеальное — есть Не-Я индивида.

«Идеальность» вообще, — писал Э.В. Ильенков, — и есть в исторически сложившемся языке философии характеристика таких, вещественно зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных)

образов общественно-человеческой культуры, то есть исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей как особая “сверх-природная” объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с действительностью, как находящейся с нею в одном и том же пространстве (и именно поэтому часто с нею путаемый)» [16, с. 249]. Объективное вне индивидуально-го сознания проявление идеального не стоит сводить к его материальному носителю. Дерево, металл, камень, вода, песок, нефть и т.п. — суть лишь необходимые средства приобретения мыслью материализованной формы своего бытия вне человеческого сознания. Необходимым основанием объективирования мысли человека, образования объективной формы существования идеального является общественно-историческая сущность человека, коллективный характер его трудовой деятельности.

Объективное бытие идеального не тождественно материальности. Оно объективно как существующая вне сознания, «отчужденная» от своего творца и «застывшая» в материальном носителе мысль, оно является *вторичной объективностью*. Идеальное всегда остается зависимым и производным от материального.

Объективированное идеальное вторично еще потому, писал Э.В. Ильенков, что оно «есть только там, где есть индивид, совершающий свою деятельность в формах, заданных ему предшествующим развитием человечества» [16, с. 223]. Следовательно, можно сказать, что *объективность идеального как элемента онтологии общества* конкретизирует философские категории общественного бытия и объективной реальности.

Объективность идеального как элемента онтологии общества порождает интересную философскую проблему, на которую следует обратить внимание. В условиях расширения сфер цифровизации (и особенно активизации социальных сетей) остро встает проблема истинности «отчужденного» от сознания индивида. Ведь в классическом определении истиной считается соответствие содержания сознания объективной реальности. Что, если этой объективной реальностью является объективная форма идеального в виде информации в интернете, средствах массовой информации? По отношению к объективности идеального как

формы материально-культурной составляющей общественной онтологии вопрос об истинности решить не так сложно. Однако проблема истинности содержания объективированного идеального — вопрос сложный и неоднозначный. Здесь проблема истины касается не отношения содержания сознания индивида к объекту познания, речь идет об отношении содержания информационной формы объективного идеального — СМИ, информации в социальных сетях т.п. — к тому, как объективированное идеальное получило в социальных сетях свое отражение. Для этого необходима система методов научного анализа — герменевтика, генетический и синергетический подходы, сравнительный анализ и т.д.

Таким образом, «объективность» как онтологическая категория общества сложнее, чем материальность. Если последняя отрицает субъективность, то категория объективности на примере объективного идеального включает в себя объективное и субъективное, истину и заблуждение.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ОНТОЛОГИИ ОБЩЕСТВА

Проведенное нами исследование показывает, что важнейшая онтологическая категория объективности по своему содержанию гораздо шире, чем материальность. Поэтому категория общественного бытия более объемна, чем понятие физической реальности, вещественности, так как общественное бытие включает в себя естественно сформировавшиеся объективные и необходимые отношения людей. Объективность этих отношений ни в коем случае не исключает роль сознания в реализацию этих отношений. Как пишет М. Деланда, субъекты, которые имеют собственный онтологический статус и участвуют во взаимодействиях, «наделены ограниченной рациональностью, позволяющей им в определенных пределах преследовать свои собственные интересы» [1, с. 48].

Однако реальное состояние онтологии общества, т.е. достижения общественно-исторической реальности, как Спинозовская необходимость, определяет объективное содержание и границы интересов индивидов. В этом смысле прав Спиноза, считая, что свобода — есть познанная необходимость. Лишь на поверхности желания частные интересы, выбор индивидов выступают как нечто чисто субъективное. Здесь

можно привести высказывания К. Маркса: «Характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений...», «...отношение людей в общественном процессе производства принимают вещный характер, независимый от их контроля и сознательной деятельности» [13].

Процесс цифровизации, формирование виртуальной реальности вносит существенные дополнения в особенности объективности онтологии общества. В результате углубления цифровизации, с одной стороны, происходит упрощение и ускорение многих финансово-экономических, научно-исследовательских и иных операций. Существенно изменяются, как показал в своем исследовании Джеймс Р. Мелвин, пространственно-временные характеристики экономической сферы общества [11]. Но, с другой стороны, постепенно «отмирают» многие профессии, быстро устаревают знания, широко распространяется практика приема на работу по договору на определенный срок, после которого проводится конкурс. Кто-то сможет пройти конкурсный отбор, а кто-то не сможет. Таким образом, многие работники становятся фактически специалистами, работающими по договору временно, ибо нет гарантии, что с ними продлят контракт. К тому же требования к работнику также быстро изменяются. Рынок труда становится гибким, динамичным, т.е. неопределенным и нестабильным. Формируется огромная социальная группа относительно молодых людей, не имеющих стабильной работы, социально-экономическое положение которых нестабильно. Г. Стендинг определяет их как «прекариат» [17, с. 36]. В то же время цифровизация порождает новые специальности, отрасли производства и социальных услуг. Формируется своеобразный «креативный класс», определяющий появление новых технологий, как для производства, так и для других сфер общественной жизни [18, с. 22]. Их творческая и креативная деятельность, как отмечает известный американский социолог и философ Ричард Флорида, приводит к тому, что «в обществе возникают новые принципы структурирования времени — и не только в рамках повседневной занятости, но и в течение жизни в целом» [18, с. 29].

Динамичное изменение социальной структуры общества, формирование все больше увеличивающегося класса «для себя», прекариата

и «креативного класса» и исчезновение других социальных групп существенно видоизменяют и усложняют характер объективности онтологии общественного бытия.

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что объективность онтологических факторов общества, во-первых, означает независимость социально-экономических и политических отношений людей от их воли и субъективных желаний. Во-вторых, объективность заключается в материальных результатах практической жизнедеятельности людей, которые, как верно заметил М. Деланда, оказывают обратное влияние на своих создателей, т.е. на сознание, психологию людей [1, с. 47]. В-третьих, объективными рассматриваются материализованные формы результатов умственного труда, т.е. объективированное идеальное как *вторичная объективность*, информационные содержания которой могут быть как истинными, так и ложными.

ВЫВОДЫ

Как свидетельствует современный дискурс, объективность онтологии общественного бытия в условиях широкого внедрения процесса цифровизации в общественную жизнь становится одной из актуальных проблем современных социально-гуманитарных наук. На основании проведенного нами исследования можно сделать следующие заключения. Основу содержания и особенностей объективности онтологических категорий социальной философии составляет, прежде всего, то, что объектом этих

категорий является жизнедеятельность людей, объективно необходимым образом складывающиеся отношения между ними, хотя они осознают, оценивают свои и чужие поступки и действия. Специфика общественной онтологии определяется также многоуровневым характером факторов общественной жизни, детерминирующих систему отношений людей, общественную психологию, влияющих на разные аспекты онтологии общества и способствующих ее историческому изменению.

Современная цифровизация, создавая виртуальное интернет-пространство, скоростное информационное поле обостряет проблему истинности объективированного идеального, что оказывает огромное влияние на социальную психологию и вносит существенные изменения и усложнения в онтологию общества. Цифровизация посредством совершенствования технологий способствует также ускорению или же замедлению экономического времени и временных характеристик бытия различных сфер общества.

Ценность представленного исследования заключается еще и в том, что в нем раскрываются объективные основания необходимой изменчивости онтологии общества и обосновывается необходимость по-новому взглянуть на динамичную природу общественной онтологии, раскрыть современную противоречивую природу ее объективности, что будет гарантией достижения конкретных понятий о сущности динамично изменяющегося общественного бытия и общества в его целостности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Деланда М. Новая онтология для социальных наук. *Логос*. 2017;27(3):35–56.
2. DeLanda M.A. *New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum; 2006.
3. Васюков В.Л. *Формальная онтология и когнитивные исследования. Когнитивный подход. Монография*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»; 2008.
4. Махаматов Т.М., Махаматова С.Т. Проблемы методологии социально-гуманитарного познания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(3):32–39.
5. Брассье Р. Понятия и объекты. *Логос*. 2017;27(3):227–258.
6. Дастон Л., Галисон П. *Объективность*. Пер. с англ. М.: Новая литература; 2018.
7. Пикеринг Э. Новые онтологии. *Логос*. 2017;27(3):154–174.
8. Шапиро И. *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2011.
9. Махаматов Т.М., Накова А. Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2020;10(1):57–62.
10. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019;9(4):63–69.

11. Melvin, James R. (1990). Time and Space in economic analyses. University of Waterloo. *Revue Canadienne d'Economique*. 1990; XXIII(4):725–747.
12. Popkova E. The Theory of Time in Economy and Perspectives of its Application to Studying Modern Russia's Economic System. In: System analysis in economics. In: System analysis in economics — 2018. Proceedings of the V International research and practice conference-biennale; 2018.
13. Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Политиздат; 1973.
14. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во «МОДЭК»; 2003.
15. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат; 1977.
16. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат; 1991.
17. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; 2014.
18. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. М.: Изд. дом «Классика-XXI»; 2011.

REFERENCES

1. DeLanda M. A new ontology for the social sciences. *Logos*, 2017;27(3):35–56. (In Russ.).
2. DeLanda M. A. New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. London; Continuum; 2006.
3. Vasyukov V. L. Formal ontology and cognitive research. Cognitive approach. Scientific monograph. Moscow: “Kanon+”, “Reabilitaciya”; 2008. (In Russ.).
4. Makhamatov T. M., Makhamatova S. T. Problems of the methodology of social and humanitarian knowledge. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(3):32–39. (In Russ.).
5. Brassier R. Concepts and objects. *Logos*. 2017;27(3):227–258. (In Russ.).
6. Duston L., Galison P. Objectivity. Transl. from Eng. Moscow: Novaya literature; 2018. (In Russ.).
7. Pickering E. New ontologies. *Logos*. 2017;27(3):154–174. (In Russ.).
8. Shapiro I. The Flight from reality in the Humanities. Transl. from Eng. Moscow: Vysshaja shkola ehkonomiki; 2011. (In Russ.).
9. Makhamatov T. M., Nakov A. Objective bases of national and ethnic identity, ethnic identity. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):57–62. (In Russ.).
10. Pyrma R. V. Influence of digital communications on political participation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):63–69. (In Russ.).
11. Melvin, James R. (1990). Time and Space in economic analyses. University of Waterloo. *Revue Canadienne d'Economique*. 1990; XXIII(4):725–747.
12. Popkova E. The Theory of Time in Economy and Perspectives of its Application to Studying Modern Russia's Economic System. In: System analysis in economics — 2018. Proceedings of the V International research and practice conference-biennale; 2018. (In Russ.).
13. Marx K. Capital. Vol. I. Moscow: Politizdat; 1973. (In Russ.).
14. Halperin P. Ya. Psychology as an objective science. Moscow: -Izdatelstvo moskovskogo psihologo-socialnogo instituta; Voronezh: MODEK; 2003. (In Russ.).
15. Leontiev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat; 1977. (In Russ.).
16. Ilyenkov E. V. Philosophy and culture. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.).
17. Standing G. Precariat: a new dangerous class. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. (In Russ.).
18. Florida R. Creative class: people who change the future. Transl. from Eng. Moscow: “Klassika-XXI”; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия
makhamatov.tair@mail.ru

Ольга Петровна Кобзева — доктор исторических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, Ташкент, Узбекистан
okobzeva75@mail.ru

Тимур Таирович Махаматов — кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
Timour.makhamatov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Tair M. Makhamatov — Dr Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia; Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
makhamatov.tair@mail.ru

Olga P. Kobzeva — Dr Sci. (Historical Sciences), Professor, The National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan
okobzeva75@mail.ru

Timur T. Makhamatov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
Timour.makhamatov@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Т.М. Махаматов — разработка общей концепции исследования.

О.П. Кобзева — обзор литературы.

Т.Т. Махаматов — обзор иностранной литературы.

Authors' declared contribution

T. M. Makhamatov — development of a general research concept.

O. P. Kobzeva — a review of the literature.

T. T. Makhamatov — a review of foreign literature.

Статья поступила 09.04.2021; принята к публикации 20.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 09.04.2021; accepted for publication on 20.06.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-72-77
УДК 327.8(045)

Актуализация инструментов инвестирования в Российской Федерации и странах ЕС: государственно-политический дискурс

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

В настоящее время новой глобальной проблемой является распространение коронавирусной инфекции COVID-19 и вызванные ею рецессия, кризис уязвимых отраслей экономики и банковской сферы, социальная напряженность и внутривнутриполитические конфликты. Для государств с высоким уровнем нестабильности (социальной, экономической, политической) в условиях пандемии еще более актуализировалась задача повышения роста объема инвестиций и повышения их качества. Наряду с экономическими на инвестиционный процесс оказывают влияние сопутствующие социальные и политические факторы, а также эффективность управленческого механизма. В этой связи в статье проведен государственно-политический анализ проектного финансирования и реализации инвестиционных проектов в России и странах ЕС. Рассмотрены модели инвестиционных проектов с учетом факторов их формирования. Сформулированы проблемы современного инвестиционного процесса в Российской Федерации и странах ЕС и предложены пути их преодоления, а также выделены направления развития проектного финансирования и моделей инвестиционных проектов.

Ключевые слова: проектное финансирование; модели инвестиционной политики; экономическая иммиграция; финансово-кредитная политика

Для цитирования: Галас М.Л. Актуализация инструментов инвестирования в Российской Федерации и странах ЕС: государственно-политический дискурс. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):72-77. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-72-77

ORIGINAL PAPER

The Actualization of Investment Instruments in the Russian Federation and EU Countries: State and Political Discourse

M.L. Galas

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

A new global problem has been the spread of COVID-19 coronavirus infection and the resulting recession, the crisis of vulnerable sectors of the economy and banking sector, social tensions, and internal political conflicts. For states with high levels of instability (social, economic, political) in the COVID-19 period, the task of increasing investment growth and improving their quality has become even more relevant. In addition to economic factors, the investment process is influenced by related social, political factors and the effectiveness of the regulatory and management mechanism and the legal framework. In this connection, the article conducted a comparative analysis of project financing and implementation of investment projects in Russia and the EU countries. The author considered the theoretical paradigms of investment project models and identified factors affecting the development of financing investment projects. In conclusion, the author proposed ways to overcome problems in constructing the project financing mechanism and developing a model of investment projects.

Keywords: project financing; investment policy models; economic immigration; financial and credit policy

For citation: Galas M.L. The actualization of investment instruments in the Russian Federation and EU countries: State and political discourse. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):72-77. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-72-77

На современном этапе одна из наиболее актуальных задач в регулировании инвестиционного процесса — социально-экономическая инклюзия уязвимых категорий населения (включая иммигрантов и беженцев).

Экономически развитыми странами — реципиентами Центральной и Северной Европы разрабатываются программы для привлечения инвестиций иммигрантов и иностранных предпринимателей путем предоставления преференций по выдаче разрешений на временное проживание, вида на жительство, гражданства, а также специальных банковских программ, налоговых льгот и особых условий кредитования.

Для Российской Федерации актуализировалась задача включения в инвестиционную политику финансового потенциала иммигрантов из постсоветских стран. Для этих целей можно использовать разнообразные инструменты: количественной и качественной оценки потенциала денежных переводов иммигрантов; определения сфер применения денежных переводов иностранных работников; рассмотрения текущих трансферов в качестве составляющей ВВП, а динамику капиталов — источника ВВП.

Разработанный Европейской комиссией механизм функционирования Чрезвычайного трастового фонда по стабильности и адресной помощи в связи с проблемами мигрантов и беженцев в странах Африки в своей основе содержит перспективные для применения в странах-реципиентах (в том числе и в России) направления: а) улучшение качества управления потоками миграции путем содействия экономическому, социальному, культурному развитию в странах формирования нежелательных миграционных потоков с высоким уровнем напряженности; б) открытие в таких странах в целях снижения уровня безработицы новых рабочих мест; в) совершенствование в них социальной инфраструктуры; г) повышение эффективности госуправления и уровня безопасности.

Действующий Европейский план внешних инвестиций Европейского союза (далее — Европейский план) — глобальная инвестиционная программа для нестабильных стран Африки¹. Финансирование Европейского плана осуществляет Европейский фонд устойчивого развития, привлекая дополнительное финансирование². Европейский план

считает «инвестиционные окна» перспективным инструментом социально-экономической инклюзии уязвимых групп населения и предприятий ЕС и стран-партнеров³.

Правовой механизм Европейского плана основан на: использовании нового поколения финансовых инструментов (гарантий, технологий распределения риска, комбинаций грантов и займов для проектов устойчивого развития); оказании технической поддержки малым и средним предприятиям, социальному предпринимательству, микрофинансовым структурам; политическом диалоге со странами-партнерами.

Правительством Российской Федерации поставлена задача на период до 2024 г. повысить качество инвестиций в основной капитал и добиться роста их объема до 25%-ной доли в ВВП⁴. Государственная политика России по созданию благоприятного инвестиционного климата проводится по ряду направлений: оптимизации процессуальных правил регистрации предприятий, прав собственности, открытия бизнеса; улучшения качества налогового администрирования; введения публичного реестра проверок; снижения степени неопределенности внедрения практики оценки эффективности регулятивного эффекта федеральных и региональных нормативных правовых актов.

Один из основных инструментов, используемых для стимулирования инклюзивного экономического развития, — прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Как известно, в 2019 г. ПИИ в мировом сообществе сократились на 1,4% по сравнению с предшествующим годом. Специалисты Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) выявили устойчивое снижение ПИИ с 2016 г. Согласно исследованию, проведенному в 2018 г. Всемирным Банком, Международным валютным фондом, UNCTAD⁵ размер ПИИ в экономике стран ЕС (по рейтингу уровня ПИИ в млрд долл. США): в ФРГ — 105,3, Ирландии — 64,5, Франции — 59,9, Испании — 44,7, Италии — 30,9. В Российскую Федерацию ПИИ

Брюссель. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/MEMO_17_3484.

³ The European Union's External Investment Plan: green light for the first five investment areas.— The website of European Union law. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_4884.

⁴ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (29 сентября 2018). Раздел 1, п. 6. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/>.

⁵ The World Bank: Foreign Direct Investment 2019. URL: <https://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info>.

¹ На сегодняшний день в Африку направляется 4% мировых прямых внешних инвестиций.

² Вопросы и ответы по Европейскому плану внешних инвестиций. Информационный бюллетень. 23 ноября 2017,

Динамика прямых инвестиций в Российской Федерации (сальдо операций платежного баланса РФ; млн долл. США) / Dynamics of direct investments in the Russian Federation (balance of payments of the Russian Federation; USD million)

Год	2010	2015	2016	2017	2018	2019
За границу	52 616	22 085	22 314	36 757	31 377	21 923
В Россию	43 168	6 853	32 539	28 557	8 785	31 975

Источник / Source: Статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат; 2020 / Statistical collection. Federal State Statistics Service. Moscow: Rosstat; 2020.

в 2018 г., по рейтингу данного исследования и Росстата, составили 8,8 млрд долл. США⁶.

ПИИ в Российской Федерации имеют структурные особенности: прямые инвестиции за границу превышают их импорт в Россию (табл. 1).

Среди лидеров ПИИ в ЕС в 2019 г. были Франция (52 млрд долл. США) и ФРГ (40 млрд долл. США). В 2019 г. значительно возрос объем ПИИ в Российскую Федерацию и составил более 30 млрд долл. США. В то же время наблюдалось сокращение объемов ПИИ в страны ЕС на 15% (но и при таком снижении они были выше в 10 раз по сравнению с Российской Федерацией и составили 305 млрд долл. США). Стабильным оставался в 2019 г.: по сравнению с 2018 г. ПИИ в развивающиеся страны составили 695 млрд долл. США⁷.

По методике МВФ, иностранные инвестиции могут быть отнесены к ПИИ, когда иностранный инвестор приобрел не менее 10% доли в уставном капитале коммерческого предприятия на территории страны — инвестиционного реципиента, и при этом инвестору либо его представителю дают возможность стратегически воздействовать на инвестируемые им структуры. Поэтому ПИИ ограничиваются законодательством государств — импортеров инвестиций и контролируются их органами государственной власти.

Не каждый банк России имеет возможность предоставить долгосрочный кредит для реализации крупных проектов⁸. В структуре направленных в Россию ПИИ значительную долю составляет финансовая деятельность, торговля, добыча топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов⁹.

⁶ Статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат; 2020. 686 с.

⁷ Самые привлекательные для инвестиций страны в мире — 2019. Сайт global-finances.ru. URL: <http://global-finances.ru/pryamye-inostrannye-investitsii-2019>.

⁸ Такие проекты инвестируют Сбербанк, Россельхозбанк, Альфа-Банк, Газпромбанк, ВТБ.

⁹ Например, международным консорциумом (Швейцария, Катар) в 2016 г. приобретено 20% акций «Роснефти».

Сравнение объемов инвестиционных активов и обязательств Российской Федерации и отдельных стран ЕС (табл. 2) позволяет оценить их инвестиционную позицию в период мирового экономического роста как целеполагательно сбалансированную, направленную как на достижение высокой доходности вложений капитала, так и на решение социальных и политических задач. По типу инвестиций очевидны страновые различия¹⁰. Для характеристики выбран 2017 г., когда, по оценкам Всемирного банка, мировая экономика росла быстрее относительно предшествующего года и рост ВВП ускорится как в экономически развитых странах, так и в странах — сырьевых экспортерах, в том числе в России.

По объемам инвестиционных активов ФРГ (на 76%) и Нидерланды (на 87%) значительно превосходят Россию. Не менее значительна разница в объемах инвестиционных активов по отношению к Франции. Общий объем инвестиционных обязательств ФРГ и Нидерландов намного ниже инвестиционных активов в этих странах (на 78,8 и 89,8% соответственно). Проектное финансирование (далее — ПФ) позволяет инициаторам реализо-

¹⁰ Доля ПИИ (за границу) в общем объеме инвестиционных активов в России составляла 35%, в ФРГ — 23,1%, в Нидерландах — 63,6%, во Франции — 23,4%. Объем портфельных инвестиций за границу составил: в России — 5,5% (преимущественно в форме участия в долговых ценных бумагах); в ФРГ — 35,1% (преимущественно участие в долговых ценных бумагах); в Нидерландах — 19,4% (без существенного различия между участием в долговых ценных бумагах и в капитале); во Франции — 36,9% (преобладание участия в долговых ценных бумагах и в капитале). Резервные инвестиционные активы составили: в России — 32,3%, в ФРГ — 1,9%, в Нидерландах — 0,04%, во Франции — 2%. Доля инвестиционных обязательств доля ПИИ в страну в общем объеме инвестиционных активов составляла: в России — 49,6%, в ФРГ — 21%, в Нидерландах — 55,2%, во Франции — 15,1%. Объем портфельных инвестиций (в страну) — в России 21,6% (с преобладанием участия в капитале); в ФРГ — 38,8% (с преобладанием участия в участии в долговых ценных бумагах); в Нидерландах — 29,7% (с преобладанием участия в долговых ценных бумагах); во Франции — 45% (с преобладанием участия в долговых ценных бумагах).

Таблица 2 / Table 2

**Международная инвестиционная позиция отдельных стран в 2017 г., млрд долл. США /
International investment position of selected countries in 2017 (USD billion)**

Страны	Всего	ПИИ (за границу)	Портфель- ные инвестиции (за границу)	Из портфельных инве- стиций (за границу)		Производ- ные фи- нансовые инстру- менты	Прочие инвести- ции за границу	Резер- вные активы
				Участие в капитале	Участие в долговых ценных бумагах			
Активы								
Россия	1339,00	468,57	73,95	4,65	69,30	4,85	358,90	432,73
ФРГ	10021,93	2310,34	3518,95	1287,32	2231,63	570,33	3422,22	200,09
Нидерланды	10392,71	6609,88	2017,44	1004,60	1012,84	371,89	1355,41	38,09
Франция	7929,58	1855,24	2928,27	962,30	1965,97	729,38	2260,29	156,40
Обязательства								
	Всего	ПИИ (в страну)	Портфель- ные инвестиции (в страну)	Из числа портфельных инвестиций (в страну)		Произ- водные финан- совые инстру- менты	Прочие инвестиции за границу	
				участие в капитале	участие в долговых ценных бумагах			
Россия	1067,01	529,64	230,80	160,18	70,62	4,51	302,07	
ФРГ	7897,49	1655,05	3060,73	891,40	2169,33	587,98	2593,73	
Нидерланды	9865,31	5440,40	2778,17	1093,36	1684,81	285,22	1361,52	
Франция	8483,06	1278,09	3817,06	1077,77	2739,29	812,37	2575,53	

Источник / Source: Balance of Payments Statistics Yearbook 2018. IMF, Washington, 2018; база данных МВФ, Росстат / Balance of Payments Statistics Yearbook 2018. IMF, Washington, 2018; Database of the IMF, Rosstat.

вать инвестиционные проекты (далее — ИП) даже при недостаточности финансирования, осложнении рисками за счет разделения затрат, рисков и премий между участниками проекта.

Основными инструментами на стадии реализации проекта являются: контрактные соглашения и гарантии, резервные фонды и кредитные источники, механизмы возмещения риска (табл. 3); производные финансовые инструменты, страхование, контроль денежных средств [1].

Актуальна в периоды экономических кризисов и рецессии модель смешанных (государственно-частных) ИП, которая применяется во Франции, Великобритании, Канаде, ФРГ: частное финансирование, государственный заказ, софинансирование, долговые обязательства государства и предоставление государственных преференций. При государственном финансировании используются заемные средства по заниженной процентной ставке, поступающие путем кредитования заемщика. В России по аналогичной модели могут работать

Инвестиционный фонд, Государственная корпорация Внешэкономбанк России, особые экономические зоны.

Для финансирования субъектов малого бизнеса в России осваивается венчурное финансирование¹¹. Новой формой ПФ крупных проектов является краудфандинг. В последние годы осваивается финансирование ИП с привлечением экспортно-кредитных агентств, которые предоставляют кредиты под страховое покрытие стран-экспортеров.

Новация предложенной Минфином России в 2018 г. и закрепленной законодателем модели защиты и поощрения капиталовложений состоит

¹¹ Проект Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.10.2018). На основе проекта принят Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73726576/>.

в применении комплекса современных инструментов: стабилизационной оговорки, государственной поддержки¹², территориального режима, порога вхождения в ИП¹³.

В отчете Всемирного банка содержится вывод, что COVID-19 привел к наиболее глубокому за последние десятилетия глобальному экономическому шоку. Мировой ВВП сократился в 2020 г. на 4,2%, в еврозоне — на 7,5%. Этот процесс сопровождался рецессией в большинстве стран. Во II квартале 2020 г. в годовом выражении ВВП сократился: в Испании на 22%, в Великобритании — на 21,7, во Франции — на 19, в Италии — на 17, в ФРГ — на 11, в Российской Федерации — на 8,5%. В целом в ЕС ВВП во II квартале 2020 г. снизился на 14,4% в годовом выражении.

Сокращение экономики России во II квартале этого года составило 9,5–10%. В России за период апрель-июнь 2020 г. наблюдалось снижение показателей в базовых отраслях на 8,5–9%. ВВП Российской Федерации в III квартале 2020 г., по данным Росстата, снизился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 3,4%, в ноябре — на 3,6%, а за период январь-сентябрь 2020 г. — на 3,4%¹⁴.

Прогнозировалось снижение экономической активности и в связи с ограничением частного потребления инвестиций: в Центральной Европе — на 5%; Западных Балканах — на 3,2%; Восточной Европе — на 3,6%¹⁵.

По оценке Всемирного банка, в 2020 г. произошло снижение на 2,9% экономической активности в Европе и Центральной Азии. Существует риск, что не будет пятилетнего прироста дохода на душу населения в 1/5 части региона и возрастет число бедного населения, относимого к инклюзивной группе. Под такой группой понимаются социально уязвимые лица вследствие воздействия на их производственную и хозяйственную деятельность неблагоприятных факторов, а также лица с нарушениями здоровья (со стойким расстройством функций организма, приводящим к ограничению жизнедеятельности и вызывающим необходимость

¹² Налоговые преференции, компенсация затрат по оплате процентов по кредитам, купонных платежей по облигационным займам; финансирование.

¹³ Доработанный проект закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минфином России 23.11.2018). URL: <https://base.garant.ru/56778955/>.

¹⁴ URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/12/2020/5fd39d689a79474e8331192a>.

¹⁵ The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>.

Таблица 3 / Table 3

Распределение рисков между участниками проектного финансирования / Distribution of risks between participants in project financing

Фактор риска	Принимающая сторона
Завершение стадии реализации	Подрядчики, спонсоры
Операционный	Кредитор
Отсутствие поставки сырья	Кредитор, спонсор, поставщик сырья
Платежный	Кредитор
Рыночный	Кредитор, покупатель продукции, спонсор
Валютный	Спонсор, кредитор
Форс-мажор	Спонсор, покупатель, страховщик
Политический	Спонсор, кредитор
Технологический	Спонсор
Экологический	Спонсор, кредитор, местные органы власти

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

социальной защиты), нуждающиеся в повышении уровня их защищенности и качества жизни при равном доступе к материальным и нематериальным благам на принципах социальной справедливости, защиты прав человека и гражданина, недопустимости социальной дискриминации¹⁶. Индикаторы инклюзивности: коэффициент расслоения социума по уровню дохода; уровень бедности; коэффициент расслоения социума по распределению богатства; доход¹⁷.

Как прогнозируется, в 2021 г. рост ВВП замедлится и составит не более 3,3%. В 2022 г. рост ВВП составит около 3,9% в зависимости от течения пандемии, восстановления инвестиций, торговли, туризма и других отраслей, которые стали наиболее уязвимыми в период пандемии. Но в целом перспективы неопределенные.

Экономическая опасность пандемии — финансовый стресс. Политические мероприятия должны

¹⁶ Разработано и впервые введено в научный оборот М.Л. Галас.

¹⁷ Предложены на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2018 г. URL: <http://www.economynews.ru/mirovaja-jekonomika/524-indeks-inkluzivnogo-razvitiya-2018-vsemirnyj.html>.

быть направлены на сбалансированность рисков, связанных с возрастанием долговой нагрузки, с ужесточением бюджетно-налоговой системы, с устойчивостью здравоохранения и образования, актуализацией методов и моделей управления. Важны институциональные реформы для предупреждения пандемических, экономических и социальных рисков для стимулирования экономического роста, диверсификации бизнеса, увеличения вложений в человеческий капитал.

В целях привлечения инвесторов к развитию национальных проектов возможно предоставить преференции проектам для территорий опережающего развития; установить статус регионального инвестиционного проекта, позволяющий определять требования к ИП; практиковать специальный инвестиционный контракт, устанавливающий обязательство инициатора проекта по модернизации или освоению производства промышленной продукции, а с другой стороны — обязательство государства или его субъекта по гарантии стабильности налоговых и административных условий¹⁸.

¹⁸ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ».

Экономические санкции не позволяют России использовать европейскую практику привлечения международных капиталов. ПФ проводится посредством использования государственных средств в форме гарантий и налоговых преференций, государственных субсидий и кредитов. Банковский рынок ПФ поддерживается государством в области социальной инфраструктуры и возобновляемой энергетики.

В европейском ПФ получил распространение институт посредничества, когда заемщик направляет заявку на получение финансирования через третье лицо, которое оценивает проектную документацию. Кредитование могут осуществлять банки, коммерческие компании, частные лица. В России такая институция могла бы использоваться для капитализации доходов трудовой иммиграции.

В условиях пандемии COVID-19 России и странам ЕС предстоит диверсифицировать источники финансирования ИП. Развитие получит механизм проектного финансирования. Государственная поддержка ИП будет оставаться в России, как и в странах ЕС, важным источником инвестиции в основной капитал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Галас М.Л. Перспективы инвестиционной миграции в России как фактор предупреждения социальных и экономических рисков и угроз. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):106–112. DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–5–106–112
Galas M.L. Prospects for investment migration in Russia as a factor in preventing social and economic risks and threats. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5): 106–112. DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–5–106–112

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — Dr Sci. (History.), Chief Researcher, Finance University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 19.05.2021; принята к публикации 20.08.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.05.2021; accepted for publication on 20.08.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-78-91

УДК 330,347.77(045)

JEL O32, O35

Гуманитарные аспекты оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности*

Н.М. Абдикеев^а, Е.Л. Морева^б, С.Р. Бекулова^с

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5999-0542>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6355-7808>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-1384-4694>

АННОТАЦИЯ

В работе проведен анализ экономических и гуманитарных аспектов оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности в России и за рубежом. Актуальность проведения исследования определяется возрастающей значимостью интеллектуальных ресурсов в социально-экономическом развитии хозяйствующих субъектов. Показаны гуманитарные аспекты интеллектуальной деятельности, которые необходимо учитывать при организации и управлении интеллектуальной деятельностью. Выявлены проблемы развития института интеллектуальной собственности в России. Показано значение эффективности организации оценки и управления интеллектуальной деятельностью в обеспечении долгосрочного социально-экономического развития и национальной безопасности. На основе анализа и обобщения международного и отечественного опыта оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности разработаны предложения по совершенствованию данных процессов в России.

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность; результат интеллектуальной деятельности; РИД; интеллектуальная собственность; оценка; управление; инновационная деятельность; интеллектуально-инновационная деятельность

Для цитирования: Абдикеев Н.М., Морева Е.Л., Бекулова С.Р. Гуманитарные аспекты оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):78-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-78-91

ORIGINAL PAPER

Humanitarian Aspects of Assessment and Management of the Intellectual Activity**

N.M. Abdikeev^а, E.L. Moreva^б, S.R. Bekulova^с

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5999-0542>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6355-7808>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-1384-4694>

ABSTRACT

The paper analyses the economic and humanitarian aspects of assessing and managing the results of intellectual activity in Russia and abroad. The study's relevance is determined by the increasing importance of intellectual resources in the socio-economic development of business entities. Shows the humanitarian aspects of intellectual activity, which must be considered when organising and managing intellectual activity. We revealed the problems of the development of the institution of intellectual property in Russia. Also, we showed the importance of the effectiveness of the organisation of assessment and management of intellectual activity in ensuring long-term socio-economic development and national security. Based on the analysis and generalisation of international and domestic experience in assessing and managing the results of intellectual activity, we developed proposals to improve these processes in Russia.

Keywords: intellectual activity; the result of intellectual activity; RIA; intellectual property; grade; control; innovative activity; intellectual and innovative activity

For citation: Abdikeev N.M., Moreva E.L., Bekulova S.R. Humanitarian aspects of assessment and management of the intellectual activity. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):78-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-78-91

* Статья подготовлена по результатам исследований, проведенных за счет бюджетных средств по государственному заказу Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state order of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях одним из ключевых ресурсов экономического роста являются интеллектуальные ресурсы — новейшие знания и технологии, которые играют определяющую роль в экономическом развитии как отдельных предприятий, так и государства. В то же время интеллектуальный ресурс как продукт усилий человека представляет собой результат не только и не столько экономической усилий человека, но сколько его гуманитарных устремлений.

Гуманитарный аспект интеллектуальной деятельности состоит в том, что творцом интеллектуальных ресурсов является человек. Поэтому качество и безопасность использования этих ресурсов определяется качествами самого человека. В то же время использование этих ресурсов отражается на качестве жизни человека, общества и окружающей среды. В связи с этим организация интеллектуальной деятельности, оценка и управление ее результатами определяются не только экономическими и правовыми нормами, но и гуманитарными основаниями.

Вопросам оценки управления результатами интеллектуальной деятельности посвящено большое количество публикаций, в которых рассмотрены различные аспекты этой проблемы: управление интеллектуальным капиталом организации и его оценка [1–3]; учет, анализ и аудит интеллектуального капитала [4]; оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности [5–11]; обеспечение прав интеллектуальной собственности [12–14].

Актуальность проведения междисциплинарных исследований проблем оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности определяется слабым развитием института интеллектуальной собственности в России. Так, один из опросов ВЦИОМ подтверждает: россияне считают, что могут использовать в личных целях информацию, опубликованную в интернете. Причем недостаточный уровень самосознания отмечается не только у обывателей, но и специалистов¹.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОЦЕНКИ И УПРАВЛЕНИЯ РИД

Проблемы управления и оценки результатов интеллектуальной деятельности (РИД) вот уже

несколько десятилетий стоят в качестве первоочередных на повестке дня хозяйственной деятельности в международном сообществе. По мере перехода и консолидации открытых инновационных систем эти проблемы решаются в рамках более широкого комплекса вопросов технологического трансферта. В США, одной из первых стран, освоивших открытые инновации и активно работающих с РИД, под технологическим трансфертом принято понимать процесс, с помощью которого знания, способности и оборудование, созданные в определенном месте и с определенной целью, используют в другом для решения аналогичных или иных задач.

В настоящее время технологический трансферт, как правило, осуществляется двумя способами: путем открытого распространения (например, в открытых научных публикациях) и посредством рыночных сделок. Актуальным инструментом в этом случае является защита РИД с помощью интеллектуальной собственности. Общая структура операций с РИД представлена в *табл. 1*.

Основными способами трансфера технологий являются следующие:

- в овеществленном виде (экспорт, бартер, строительные контракты, лизинг и др.);
- непосредственно в виде РИД (при подрядах на осуществление НИОКР, проектно-исследовательских работ; договорах на отчуждение исключительных прав, разного рода лицензионные и опционные соглашения, при оказании инжиниринговых и консалтинговых услуг, заключении инвестиционного договора и т.д.).

Операции с возникающими по поводу таких операций правами широко распространены в современном мировой хозяйстве и демонстрируют тенденции неуклонного роста².

При этом принято выделять три типа субъектов: академический сектор, бизнес и государство, где первый специализируется на производстве знаний, второй — на их освоении, а государство задает общие инфраструктурные и экосистемные условия, а также нередко предоставляет значительную часть ресурсного обеспечения для производства знаний [16]. В последнем случае значительная часть полученных знаний предназначается для достижения общественных целей — безопасности, обороны и т.д.

¹ Персональные данные в интернете: возможности и риски. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401>.

² WIPO IP Statistics Data Center. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/keyBarChart>.

Общая структура типов операций с РИД / The general structure of types of transactions with RIA

Некоммерческий обмен	Коммерческий обмен
Научно-техническая информация: <ul style="list-style-type: none"> • НТ публикации; • выставки, ярмарки; • центры НТ информации; • визиты, личные контакты; • миграция специалистов; • техническое образование; • обзор НТ сведений 	Закупка техники и оборудования: <ul style="list-style-type: none"> • приобретение образцов; • приобретение оборудования
	Лицензионная торговля: <ul style="list-style-type: none"> • уступка патентов; • торговля лицензиями; • франчайзинг; • лизинг
Научно-техническое сотрудничество: <ul style="list-style-type: none"> • совместная разработка НТ-проблем; • сотрудничество в рамках программ; • оказание технической помощи; • международные организации по передаче технологий 	Инжиниринг
	Совместная деятельность: <ul style="list-style-type: none"> • проведение совместных НИОКР; • строительство «под ключ»; • промышленная кооперация; • совместные предприятия

Источник / Source: составлено авторами по [15] / compiled by the authors from [15].

Характерной чертой такого рода производств и использования РИД становится их все более высокая сложность и дороговизна. Это заставляет участников трансферта технологий искать способы оптимизации своих усилий. Эффективным направлением такого рода поисков стали тесная интеграция деятельности трех указанных субъектов, осуществление трансферта в форме государственно-частного партнерства, целенаправленное стимулирование государством и его структурами развития производств двойного назначения.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ И УПРАВЛЕНИЯ РИД ОРГАНИЗАЦИЯМИ ЧАСТНОГО СЕКТОРА

В России интеллектуальная собственность зачастую не рассматривается как источник дохода. Получение доходов от владения объектами интеллектуальной собственности не получило широкого распространения даже на внутреннем рынке. Согласно данным Роспатента, в стране отсутствует положительная динамика договорной деятельности в области интеллектуальной собственности. Данная статистика свидетельствует о низком масштабе процессов внедрения новых технических ре-

шений в производство, который отрицательно сказывается на формировании инновационной экономики³.

Россия отстает от технологических лидеров в области регистрации и использования прав на результаты и разработки. В 2018 г. количество патентных заявок на изобретения составило: в США — 515 180, Японии — 460 369, Южной Кореи — 232 020, России — 30 289 (на 20% ниже значения 2017 г.)⁴. Поступления от экспорта технологий за 2017 г. составили (тыс. долл.): в США — 136 271,0; Японии — 34 549,4; Южной Кореи — 6845,7; России — 1654,7⁵. С целью сокращения отставания от мировых лидеров в инновационном развитии научно-техническая политика Российской Федерации нацелена на интенсификацию инновационной деятельности. Для сокращения отставания от лидеров инновационного развития научно-техническая по-

³ Отчет о деятельности Роспатента за 2019 год. URL: <https://rupto.ru/content/uploadfiles/otchet-2019-ru.pdf>

⁴ Гохберг Л.М., Дитковский К.А., Евневич Е.И. и др. Наука. Технологии. Инновации: 2020. Краткий статистический сборник; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ; 2020. 88 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/340117242.pdf>.

⁵ Там же.

литика России нацелена на интенсификацию инновационной деятельности.

Одной из первых компаний в России, активно развивающих систему управления интеллектуальной собственностью, стало информационное агентство ТАСС. Была принята соответствующая концепция, в рамках которой разработаны политика и регламенты, где подробно описаны все бизнес-процессы. Проведена инвентаризация объектов интеллектуальной собственности, созданных за несколько десятилетий, проведена масштабная работа по оценке наличия прав на РИД с целью избежать случаи использования РИД, не принадлежащих агентству, выстроены определенные процессы, отвечающие за управление интеллектуальной собственностью. Работа по выстраиванию этой системы до сих пор продолжается. Разрабатываются специальные продукты для хранения определенным образом объектов интеллектуальной собственности. В компании имеются конструкторы документов для приобретения РИД, специальный сервис электронного согласия, позволяющий оперативно получать от правообладателей разрешение на созданный им РИД, в том числе для перепродажи⁶.

Вектор развития в области управления правами РИД дал документ «Рекомендации по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности в организациях», утвержденный Министерством экономического развития Российской Федерации в 2017 г.⁷

С учетом этих рекомендаций была подготовлена и утверждена в 2019 г. Стратегия управления интеллектуальной собственностью ОАО «РЖД»⁸. Управление интеллектуальной собственностью относится к инструментам инновационного развития компании. ОАО «РЖД» по объемам расходов на НИОКР стоит в одном ряду с ведущими мировыми корпорациями и способен реализовать полный цикл внедрения инновационных проектов: от выбора стра-

тегических направлений и целевых показателей развития до разработки нового продукта и оценки результативности от его внедрения. Ядром инновационного процесса является интеллектуальная собственность. Инновационная деятельность невозможна без соответствующего юридического сопровождения вопросов создания и передачи РИД, а также закрепления исключительных прав на них.

ОАО «РЖД» является одним из лидеров по объему портфеля интеллектуальной собственности среди компаний с государственным участием. На конец 2019 г. портфель состоял из 3568 объектов учета, из которых 55% пришлось на программы для ЭВМ и базы данных, 35% — на объекты патентных прав, 2% — на товарные знаки и 8% — прочие⁹.

Наращивание портфеля интеллектуальной собственности компании происходит в том числе путем патентования за рубежом. Например, по заказу ОАО «РЖД» были запатентованы ключевые технологические решения магистрального газотурбовоза в Индии. Компания формирует портфель интеллектуальной собственности с учетом потребности в обеспечении правовой охраны технологий и компетенций, определяющих технологические процессы перевозки. В связи с этим РИД, входящие в портфель интеллектуальной собственности, очень разнообразны и насчитывают около 1 тыс. объектов учета, из которых: 41% — программы для ЭВМ и базы данных, 50% — объекты патентных прав, 6% — товарные знаки и 3% — секреты производства (ноу-хау)¹⁰.

За последнее десятилетие расширились география и перечень услуг деятельности. Компания столкнулась с потребностью в разработке и приобретении технологий на внутреннем и внешнем рынках, участилась практика сотрудничества с малыми инновационными предприятиями. Многие нормативные правовые акты компании в области управления интеллектуальной собственностью были разработаны еще в начале 2010-х гг., ключевым из которых является Патентная стратегия ОАО «РЖД» до 2030 года,

⁶ Управление интеллектуальной собственностью: опыт крупных компаний. URL: <https://lftacademy.ru/sphere/post/upravlenie-intellektualnoi-sobstvennostyu-opyt-krupnyh-kompanii>.

⁷ Рекомендации по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности в организациях (утв. Министерством экономического развития РФ 3 октября 2017 г.).

⁸ Управление интеллектуальной собственностью как инструмент развития инновационной компании. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1461199&archive=2019.04.15>.

⁹ Сводные данные о нематериальных активах, владельцем которых является ОАО «РЖД». Официальный сайт ОАО «РЖД». URL: <https://test-company.rzd.ru/ru/9991/page/103290?id=18225>.

¹⁰ Управление интеллектуальной собственностью как инструмент развития инновационной компании. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1461199&archive=2019.04.15>.

утвержденная в 2010 г. (например, Патентная стратегия ОАО «РЖД», утверждена в 2010 г.)¹¹. В связи с этим стало необходимо разработать и утвердить в 2019 г. новый основополагающий документ в области управления интеллектуальной собственностью — Стратегию управления интеллектуальной собственностью.

Анализ системы управления интеллектуальной собственностью, проведенный внутри холдинга, показал, что в ОАО «РЖД» функционирует целостная система управления правами на РИД, но она не обеспечивает в полной мере координацию деятельности в рамках холдинга и эффективный трансфер технологий (в том числе внутрикорпоративный).

Целью Стратегии управления интеллектуальной собственностью является создание единой системы управления интеллектуальной собственностью компании, способствующей повышению конкурентоспособности и созданию условий устойчивого развития холдинга. Основная задача Стратегии заключается в формировании эффективного механизма управления интеллектуальной собственностью ОАО «РЖД» на каждой стадии жизненного цикла РИД. В результате чего за счет вывода на рынок перспективных технологий и продуктов и обеспечения им надеждой правовой охраной ожидается достичь технологического лидерства по основным направлениям деятельности холдинга. Планируется создание системы эффективного обмена технологиями «внутри» и «вовне» холдинга с ведущими центрами компетенций. Следующая важная задача состоит в повышении ценности РИД в научно-технической сфере (обеспечение технологической зрелости, вклада РИД в уровень техники, высокий уровень правовой охраны)¹².

Формируемая система управления интеллектуальной собственностью включает в себя механизмы и подходы в части выявления и обеспечения правовой охраны РИД, внедрения и коммерциализации РИД, защиты исключительных прав ОАО «РЖД».

Для выявления перспективных РИД Стратегия предусматривает проведение инвентаризации интеллектуальной собственности холдинга.

Особое внимание отводится проблеме повышения технического уровня создаваемых РИД. Проблему планируется решать путем использования результатов патентных исследований при планировании НИОКР, совершенствования механизмов стимулирования к созданию прорывных РИД. Отмечается важность обеспечения эффективного трансфера технологий путем продажи (в том числе за рубежом) и приобретения результатов НИОКР, а также исключения дублирования НИОКР и создания тождественных РИД.

Будут внедряться инструменты анализа патентной информации. В 2018 г. по заказу ОАО «РЖД» разработаны отраслевые патенты по приоритетным технологическим направлениям развития компании.

Патентная аналитика используется для определения потенциала коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, а также как инструмент реализации стратегических программных документов.

Главными задачами проведения патентной аналитики являются: анализ патентного портфеля холдинга; выявление ключевых тенденций технологического развития в сфере деятельности холдинга; выявление технических решений, имеющих высокий потенциал для дальнейшего использования; оценка возможностей повышения их правовой охраны, выбор оптимальных способов с учетом сложившихся условий; оценка перспектив тиражирования и коммерциализации ценных технических решений.

В рамках Стратегии в холдинге будет создана система трансфера технологий, благодаря которой доведение результатов НИОКР ОАО «РЖД» до стадии промышленного применения может быть поручено иным организациям, например малым инновационным компаниям. И наоборот, для экономии времени и ресурсов холдинг может приобретать исключительные права на перспективные направления. Описанная деятельность может осуществляться на основе различных механизмов распоряжения исключительными правами на РИД, например совместного правообладания, в рамках договоров открытой лицензии и приобретения исключительных прав на РИД и конструкторскую документацию, а также «приобретением» команд разработчиков, создающих стартап-проекты, и малых инновационных предприятий.

Формируется система совместного правообладания РИД, в том числе на основе договоров

¹¹ Распоряжение ОАО «РЖД» от 20.01.2010 № 74р «Об утверждении патентной стратегии ОАО «РЖД» до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.

¹² Управление интеллектуальной собственностью, как инструмент развития инновационной компании. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1461199&archive=2019.04.15>.

открытой лицензии. Система предполагает частичную уступку исключительных прав на РИД, правообладателем которых является сам холдинг. Включение нескольких производителей в состав правообладателей обеспечит конкуренцию, повысит качество и снизит цены на закупаемые холдингом образцы техники. Предусматривается исключение из этой системы производителей, допускающих систематическое невыполнение требований к качеству продукции.

С развитием цифровизации повышается актуальность средств индивидуализации оказываемых услуг (товарные знаки и знаки обслуживания).

Ожидается, что реализация Стратегии позволит сформировать к 2025 г. сбалансированный, оптимальный по составу портфель интеллектуальной собственности, который обеспечит правовую защиту базовых технических компетенций компании, а также даст возможность использовать их без нарушения исключительных прав третьих лиц. Все эти мероприятия повысят конкурентоспособность, обеспечат устойчивое развитие холдинга, позволят увеличить стоимость и востребованность активов компании, повысят технический уровень производимых объектов техники¹⁵.

Одной из первых стран, в которых осуществление трансферта в форме государственно-частного партнерства приобрело широкое распространение, стали США.

В настоящее время актуальность оценки РИД для осуществления в США хозяйственной деятельности нашла отражение в появлении многочисленных и многообразных наработок по вопросам оценки так называемых нематериальных объектов/активов (intangibles).

В целом при их оценке американские консалтинговые компании рекомендуют следовать следующим алгоритмам:

- определить цель работы;
- идентифицировать объект оценки;
- уточнить правовой контекст, в котором проводится оценка;
- определить существенные условия, которые следует принимать во внимание при проведении оценки;
- составлять отчет в письменном виде.

При этом целесообразно учитывать следующие обстоятельства:

- историю создания и использования РИД как актива;
- учесть, кто является его собственником или пользователем;
- определить его лицензиара и лицензиата;
- выяснить, как объект используется в хозяйственной деятельности и на каких ценовых условиях;
- установить конкурентное окружение;
- выявить наличие сопоставимых объектов (объектов-аналогов), расходы на их производство и поддержку.

При оценке объекта РИД принято использовать три типа подходов — рыночный, доходный и затратный.

В первом случае, несмотря на проблемы обоснования сопоставимости оцениваемого объекта с его рыночным аналогом, информация на рынках считается репрезентативной для определения ставок роялти и коэффициентов дисконтирования. Также непосредственно взятая с рынка информация признается показательной для оценки доменных имен, прав на выбросы углерода и лицензий федерального комитета по коммуникациям (например, для радиостанций).

При оценке рыночным способом рекомендуется следовать следующей последовательности действий:

- 1) подбор информации о ценах продаж или лицензий;
- 2) выделение сопоставимых качественных и временных параметров;
- 3) выбор корректирующих коэффициентов и/или ценовых мультипликаторов;
- 4) подбор подходящих ставок роялти.

Оценка доходным методом наиболее подходит в случаях, когда возможно определить денежный поток от использования объекта оценки. При расчетах этим методом обычно встает проблема выбора между капитализацией потоков за разные периоды и дисконтированием будущих потоков. Ее решение требует хорошего обоснования, в том числе в части использования WACC (средневзвешенная стоимость капитала), WARA (средневзвешенная доходность активов) или IRR (внутренняя ставка доходности). Наиболее широко используемым методом в рамках данного подхода является метод освобождения от роялти.

¹⁵ Управление интеллектуальной собственностью как инструмент развития инновационной компании. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1461199&archive=2019.04.15>.

Доходный подход рекомендуется использовать при оценке клиентской базы, торговых марок и незавершенных контрактов. При оценке доходным способом рекомендуется следовать следующей последовательности действий:

- 1) разделить потоки доходов и затрат;
- 2) определить полезный срок жизни актива;
- 3) установить альтернативные объемы доходов;
- 4) рассчитать операционные доходы от объема оценки;
- 5) определить возможную ставку роялти;
- 6) капитализировать потоки и установить остаточную стоимость;
- 7) выбрать и применить коэффициент дисконтирования;
- 8) проверить результат альтернативными способами, в том числе методом реальных опционов (Монте-Карло и др.);
- 9) возможно, учесть выгоды от налоговой амортизации.

При оценке затратным способом не принято учитывать объемные и временные параметры, а также сроки получения экономических выгод и рисков операций в конкурентной среде. Исторические затраты отражают преимущественно фактические издержки по созданию РИД.

Затратный подход чаще всего используется при оценке работников на конвейере, чертежей, дизайна, разработанного в компании программного обеспечения, для которого трудно определить дополнительные денежные потоки.

При оценке затратным способом рекомендуется следовать следующей последовательности действий:

- 1) учесть понесенные о вещественные и неовещественные издержки;
- 2) определить единицу измерения издержек;
- 3) рассчитать воспроизводственную стоимость дубликата;
- 4) рассчитать стоимость замещения прежнего объекта новым;
- 5) определить моральный и материальный износ объекта;
- 6) вычесть из стоимости замещения размер обесценения.

Представление о последовательности проведения оценки разными способами и их сопоставлении дает *табл. 2*.

Указанными подходами широко пользуются при управлении РИД как для коммерческого

использования, так и при некоммерческих операциях, в том числе при разработке технологий двойного назначения.

С начала 90-х гг. XX в. их применяют при реализации национальной Стратегии в области технологий двойного назначения различными государственными структурами, в том числе министерством обороны, министерством по защите национальной безопасности и еще рядом департаментов.

Отечественный и международный опыт оценки и управления РИД в секторе госуправления

В настоящее время большинство отечественных технологий, которые имеют потенциальный спрос на внешнем и внутреннем рынках, принадлежат государственным структурам и сосредоточены в ОПК. Уровень технологической оснащенности гражданской промышленности значительно отстает от уровня оборонной промышленности. Поэтому научно-технический потенциал, созданный в оборонном комплексе (перспективные технологии военного и двойного назначения), может стать основой инновационного развития России. Это может быть обеспечено трансфером технологий двойного назначения, составляющих 90% от общего числа высоких промышленных технологий.

По состоянию на 31 декабря 2019 г. наибольшее количество РИД зарегистрировано на Минобороны России (17 597), Роскосмос (6465), Минпромторг России (3925), Росатом (3347) и Службу внешней разведки России (1328)¹⁴.

Постановлением Правительства РФ от 22.03.2012 № 233¹⁵ утверждены Правила осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения. Согласно данному постановлению управление правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) включает в себя:

- осуществление мероприятий по оформлению прав Российской Федерации на результа-

¹⁴ Отчет о деятельности Роспатента за 2019 год. URL: <https://rupto.ru/content/uploadfiles/otchet-2019-ru.pdf>.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 22.03.2012 № 233 (ред. от 30.03.2019) «Об утверждении Правил осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения» // СПС КонсультантПлюс.

Таблица 2 / Table 2

Последовательность применения разных методов оценки РИД и иных объектов интеллектуальной собственности / The sequence of application of different methods of assessing RIA and other objects of intellectual property

Объект	1	2	3
Патенты	Доходный	Рыночный	Затратный
Технологии	Доходный	Рыночный	Затратный
Авторские права	Доходный	Рыночный	Затратный
Рабочая сила на конвейере	Затратный	Доходный	Рыночный
Программное обеспечение, созданное в компании	Затратный	Рыночный	Доходный
Бренды	Доходный	Рыночный	Затратный
Клиентская база (отношения с клиентами)	Доходный	Затратный	Рыночный

Источник / Source: составлено авторами по данным международной ассоциации профессиональных оценщиков недвижимости / compiled by the authors from data of Appraisal Institute*.

* Guide Notes to the Standards of Professional Practice of the Appraisal Institute, USA, Appraisal Institute, 2018; American Society of Appraisers. URL: <https://www.appraisers.org/About/contact-asa>.

ты интеллектуальной деятельности, используемые и (или) созданные при выполнении государственных контрактов;

- государственный учет результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского, военного, специального и двойного назначения;

- организацию работ по оценке стоимости и принятие на бухгалтерский учет прав на результаты интеллектуальной деятельности;

- распоряжение правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности;

- организацию использования результатов интеллектуальной деятельности.

Государственный оборонный заказ (ГОЗ) представляет собой обособленную сферу производственно-экономической деятельности, направленную на обеспечение безопасности государства, строго регламентированную правовыми актами федерального и ведомственного уровня. Управление всеми процессами, происходящими в рамках ГОЗ, в том числе управление интеллектуально-инновационной деятельностью (ИИД), осуществляется с применением свойственных государственному управлению административных методов и носит исполнительно-распорядительный характер, что определяет особенности финансирования и нормативно-методического обеспечения управления ИИД при выполнении

ГОЗ, а также состав субъектов и объектов управления, характерный только для данного вида деятельности [17].

Ключевыми особенностями ИИД в рамках ГОЗ являются:

1. Специфика ГОЗ:

- цель функционирования — обеспечение безопасности государства;

- среда функционирования — система вооружения и военной техники;

- финансирование ГОЗ — средства федерального бюджета;

- состав ГОЗ: НИР, ОКР, поставки продукции военного назначения;

- результаты выполнения ГОЗ: продукция военного назначения и РИД военного, специального и двойного назначения.

2. Управление ИИД при выполнении ГОЗ:

- тип управления ИИД — система государственного регулирования социально-экономических отношений;

- субъекты управления ИИД — федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ), предприятия военного и гражданского сектора экономики, авторы РИД;

- объекты управления ИИД — РИД военного, специального и двойного назначения.

3. Специфика управления ИИД при выполнении ГОЗ:

- характер управления: исполнительно-распорядительный (разработка ФОИВ управ-

ленческих решений, мониторинг и контроль эффективности их исполнения);

- приоритеты: требования законодательных и нормативных актов;
- способы управления: административно-правовые акты федерального и ведомственного уровня; организационно-методическое обеспечение ИИД [17].

В состав РИД входят:

1) технологии военного, специального и двойного назначения (основная часть РИД);

2) изобретения, полезные модели, базы данных, программы для ЭВМ, топологии ИМС и другие РИД, охраняемые частью IV ГК РФ.

Доступность сведений о РИД делится на следующие категории: секретно, ДСП, коммерческая тайна (КТ) и не ограничен. Преимущественными сферами применения РИД являются оборонная промышленность и военно-техническое сотрудничество.

Роль органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по управлению ИИД при выполнении ГОЗ (госзаказчики), состоит в реализации требований действующего законодательства по управлению ИИД при выполнении ГОЗ, а роль предприятий ОПК и гражданского сектора производства — в эффективном использовании РИД в своей научной и производственной деятельности с целью повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции [17].

Анализ развития тенденций управления РИД в США. Анализ динамики производства РИД и соответствующих объектов интеллектуальной собственности, созданных под эгидой ряда американских министерств (департаментов), показывает неустойчивую динамику производства разного рода РИД, финансируемых в рамках разных американских департаментов¹⁶. Во многом это было связано с развитием национальной технологической политики, в том числе в части производства технологий двойного назначения.

Восходящая к мерам, предпринятым еще в начале 90-х гг., она ориентировала основные правительственные структуры на оптимизацию расходов на производство специальных военных и иных сходных технологий, стимулировала формирование адекватных этим задачам видов государственно-частного партнерства,

¹⁶ National Science Board, National Science Foundation. 2020. Invention, Knowledge Transfer, and Innovation. Science and Engineering Indicators 2020. NSB-2020-4. Alexandria, VA. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20204/>.

взаимоотношений по поводу прав собственности и организации специальных команд для технологического трансферта, объединяющих представителей заинтересованных ведомств, бизнеса, технологических брокеров, венчурных структур и других заинтересованных лиц. Постепенно, с принятием все новых программ (Критически значимых технологий, Реинвестирования технологий, Двойного использования и др.), фрагментарный характер усилий такого рода сменил системный подход.

В стране фактически сложился своеобразный кластер технологий, «определенный во времени и пространстве» и нацеленный не только на непосредственную разработку и передачу специальных технологий (прежде всего, военного назначения), но и на распространение стоящих за ними знаний, организационно-управленческих наработок, производственного опыта и др. Участниками такого кластера является крупный и мелкий бизнес, стартапы и спин-оффы, а также государственные и академические структуры. Формирование такого объединения фактически рассматривалось как создание новых практик и культуры взаимодействия между представителями разных частей американской социально-экономической структуры в целях производства коммерчески привлекательных технологий, которые в случае необходимости государство в лице своих уполномоченных органов могло довольно просто найти и использовать по приемлемым ценам.

Новый этап развития такого рода структур и работы по созданию и использованию технологий двойного назначения начался в середине 10-х гг. XXI в., когда была выдвинута новая «Инновационная инициатива в военной области» и Стратегия третьего офсета^{17, 18}. Они были нацелены на обеспечение эффективных разработок и освоение цифровых технологий как технологий двойного назначения, призванных обеспечить США глобальное лидерство как в области обороны, так и международной экономической конкурентоспособности. При этом речь шла об адаптации уже отлаженных структур к новым мировым реалиям, активизации

¹⁷ Ch. Hagel Reagan National Defense Forum Keynote NOV. 15, 2014. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Speeches/Speech/Article/606635/>.

¹⁸ Ch. Hagel Who's afraid of America? The Economist, Jun 13th 2015. URL: <https://www.economist.com/international/2015/06/13/whos-afraid-of-america>.

связей не просто с американским бизнесом, но с наиболее инновационными компаниями мира; обновленных формах сотрудничества с коммерческими структурами, в том числе на путях долгосрочного взаимодействия и в виде специальных организаций по типу «Экспериментального подразделения оборонных инноваций» с привлечением компаний из Силиконовой долины и других продвинутых инновационных организаций, в том числе из США и нет.

Некоторые из этих наработок сегодня применяются Департаментом национальной безопасности, функции которого в некоторой части схожи с функциями российского МЧС. Среди многообразия структурных элементов департамента наиболее близким функционалу МЧС является Федеральное агентство по вопросам чрезвычайных ситуаций, FEMA¹⁹.

FEMA органически встроено в Департамент, в том числе и в части управления знаниями и технологиями. Ими занимается специальный директорат по вопросам науки и технологий. Он является главным подразделением по управлению научными исследованиями и технологическими разработками, а также их адаптации к новым возникающим потребностям, а также требованиям оперативной работы структурных подразделений департамента, обеспечивает необходимую для работы с ними подготовку персонала. Ее разветвленный вид указывает на комплексную, многофункциональную направленность работы директората²⁰. Тем не менее, судя по информации сайта директората, в настоящее время основные направления его работы сосредоточены на научно-технологическом обеспечении эффективного ответа на возникновение чрезвычайных ситуаций, предотвращении природных и иных катастроф, защите населения и объектов инфраструктуры от внезапных разрушений, обеспечении кибербезопасности, химической и биологической защиты, а также безопасности морских и сухопутных границ.

Работы по этим направлениям предполагают обеспечение интересов не только разных подразделений департамента, но и других субъектов федерального уровня, штатов и местного уровня. В этих целях под эгидой директората проводятся фундаментальные и прикладные исследования,

разработки, тестирования и оценка получаемых при этом результатов (на предмет соответствия потребностям Департамента).

Для этого под руководством директората работают два финансируемых из федерального бюджета центра НИОКР. Они обеспечивают инженерную экспертизу всех основных направлений деятельности Департамента. Интеллектуальная работа их сотрудников, как и других сотрудников Департамента, а также полученные при этом результаты учитываются на основании целенаправленно разрабатываемой и реализуемой организационной политики и программ технологического трансферта и интеллектуальной собственности. Кроме того, такая политика предусматривает также нормы взаимоотношений при работе по типу подрядной в рамках специальных соглашений о финансировании по линии Департамента, а также с патентами, авторскими правами, торговыми марками и другими правами интеллектуальной собственности.

Важным направлением работы Директората является сотрудничество с другими государственными исследовательскими центрами (федеральными и нет), университетами и частными структурами. Для сотрудничества с университетами и колледжами и трансферта знаний в структуре Директората специально выделен офис университетских программ. Эта работа проводится посредством центров совершенствования (в их рамках разрабатываются новые, нужные Департаменту критические технологии, ведутся аналитические работы по вопросам безопасности, проводятся образовательные программы и тренинги), инициатив профессионального развития и подготовки для работы в специализированном центре Департамента (обеспечивается подготовка перспективных исследователей и инженеров за счет средств Департамента).

Результатом таких совместных усилий стали разработка более 100 разнообразных РИД для 11 подразделений Департамента и 5 других федеральных агентств, которые инвестировали в них свыше 140 млн долл. США и дополнительно привлекли к финансированию 420 млн долл. из внешних источников; привлечение к исследовательской работе по темам Департамента почти 500 студентов (на условиях летней интернатуры); предоставление 63 целевых грантов на профессиональную подготовку сотрудников университетов и другим лицам.

¹⁹ URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/19_1205_dhs-organizational-chart.pdf.

²⁰ URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/Organizational_Chart_External_10-01-18.pdf.

Отработка при этом технологий взаимодействия с заинтересованными сторонами дает основания ожидать в будущем более высокого результата усилий офиса, Директората и Департамента.

Анализ развития тенденций управления РИД в Китае. Эволюция подходов к управлению РИД в Китае тесно связана с формированием системы технологического трансфера. С началом китайских реформ в конце 70-х гг. XX в. в стране стали искать возможности оптимизации военных производств с ограниченным использованием коммерческих начал, а спустя десятилетие политику соединения военного и гражданского производств провозгласили государственной стратегией развития. В результате уже к середине 90-х гг. на военных предприятиях создавали свыше 15 тыс. видов экспортной гражданской продукции.

В конце этого десятилетия военный сектор был серьезно реорганизован: изменены принципы его управления и структура, системы информационного обеспечения и защиты технических секретов. Это привело к расширению сотрудничества военных с гражданскими партнерами из Китая и других стран, в течение 4-х лет военная промышленность стала рентабельной, а акции некоторых ее корпораций котируются на биржах²¹.

При этом государство сохраняло за собой собственность на военные производства. Но это не мешало ему и дальше совершенствовать управление ими и повышать их устойчивость вместе с экономической эффективностью. Во второй половине 2000-х гг. в военный сектор допустили частный бизнес, заявили о равенстве прав государственных и частных организаций при их поддержке государством.

К середине 10-х гг. на повестку дня развития военного сектора были поставлены вопросы обеспечения соответствия принципов их деятельности коммерческим требованиям, оптимизации размеров военных производств при сохранении в гражданских отраслях возможностей их своевременной мобилизации в военных целях, интенсификации трансфера технологий в гражданский сектор и использования в его пользу избыточных мощностей военных компаний.

²¹ Волынец А. Почему и как военно-промышленный комплекс Китая смог стать базой для экономического взлета страны. URL: <https://topwar.ru/63021-konversiya-pokitayski.html>.

Но несмотря на заявленные проблемы, в целом принятая в Китае политика интегрирования военных и гражданских производств считается оправданной в экономическом, технологическом и инновационном аспектах.

Прослеживаемая траектория интенсификации связей военного и гражданского секторов под контролем государства не дает, однако, оснований для однозначных оценок тенденций развития управления РИД. Действительные масштабы и характер технологического трансфера не позволяют достоверно оценить крайне низкая информационная прозрачность проводимых операций и политика государственной тайны, активно реализуемая в государстве.

ВЫВОДЫ

В настоящее время ключевую роль в социально-экономическом развитии государства, бизнеса, общества играют интеллект и результаты интеллектуальной деятельности. В конкурентной экономической борьбе превосходство имеют субъекты хозяйствования, владеющие новейшими интеллектуальными ресурсами. В связи с этим перспективы выхода и удержания первенствующих позиций имеют субъекты хозяйствования, организовавшие условия для реализации интеллектуального, научно-технического и в целом творческого потенциала человека. Поэтому вопросы совершенствования организации и управления интеллектуальной деятельностью становятся все более востребованными.

В условиях динамично развивающейся цифровой экономики, базирующейся на интеллектуальной собственности, повышается актуальность решения проблемы оценки организационного и человеческого капитала для эффективного управления интеллектуальным капиталом высокотехнологичных цифровых компаний [18–20].

При этом развитие института интеллектуальной собственности происходит с учетом как правовой и экономической, так и гуманитарной составляющей интеллектуальной деятельности, оценки и управления ее результатами.

Россия отстает от технологических лидеров в области регистрации и использовании прав на результаты и разработки. С целью сокращения отставания от мировых лидеров в инновационном развитии научно-техническая политика Российской Федерации нацелена на интенсификацию инновационной деятельности. Развитие технологий, позволяющих защитить

интеллектуальные права, и позиция компаний-правообладателей меняет ситуацию. Это позволит хозяйствующим субъектам наиболее эффективно использовать собственный и привлеченный интеллектуальный капитал.

Проведенный анализ и обобщение зарубежного опыта в области управления и оценки РИД показали, что эта деятельность востребована и активно осуществляется организациями академического сектора, бизнеса и государством. В организационном плане американские практики показали важность масштабной работы с РИД, не ограниченной рамками одного лишь министерства. Для этого в Департаменте разработаны нормы взаимоотношений, оформленные в виде специальных соглашений о финансировании по линии Департамента работ подрядного типа, операциях с патентами, авторскими правами, торговыми марками и другими правами интеллектуальной собственности. Интересный пример дают китайские практики, согласно которым гражданские и военные производства находятся в равном положении относительно технологического трансферта и освоения РИД на свободных мощностях.

Опыт оценки и управления РИД, накопленный предприятиями из разных секторов и сегментов отечественной экономики, сви-

детельствует о целесообразности разработки и использования единой системы оценки и управления РИД в целях эффективного использования нематериальных ресурсов и достижения стратегических целей организаций. В ракурсе обеспечения эффективного управления и контроля за использованием РИД целесообразно вести мониторинг использования прав интеллектуальной собственности по каждому из элементов портфеля организаций, соответственно оценивая его значение для деятельности организации и, соответственно, предусматривая возможность дальнейшего сохранения в портфеле или реализации на рынке. В целях более эффективного использования рыночных возможностей управления РИД, а также обеспечения возможно больших мультипликативных эффектов их разработки и применения, стимулирования в национальных и региональных масштабах системы трансфера технологий государственным и частным организациям может быть интересно расширение связей с различными научными и инновационными организациями. Это также позволит им экономить время и ресурсы, приобретая или, напротив, реализуя на разных условиях права на перспективные и/или востребованные на рынке объекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдикеев Н. М. Управление интеллектуальным капиталом организации. М.: АНКИЛ; 2014.
2. Федотова М. А., Дресвянникова В. А., Лосева О. В., Цыгалов Ю. М. Интеллектуальный капитал организации: управление и оценка. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ; 2014. 252 с.
3. Abdikeev N. M. Valuation of intellectual capital and intangible assets created based on innovative products and intellectual property. URL: <http://www.icciosaka2018.net/>.
4. Булыга Р. П. Методологические проблемы учета, анализа и аудита интеллектуального капитала. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ; 2005. 400 с.
5. Бельшева И. Г., Козлов Н. П. Нематериальные активы компании: оценка стоимости. *Акционерное общество: вопросы корпоративного общества*. 2008;(5):34–37.
6. Козырев А. Н., Макаров В. Л. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. М.: Интерреклама; 2003. 352 с.
7. Шипова Е. В. Оценка интеллектуальной собственности. Иркутск: Изд-во БГУЭП; 2003. 122 с.
8. Смирнов С. А. Оценка интеллектуальной собственности. М.: Финансы и статистика; 2002. 352 с.
9. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С. Расчет стоимости нематериальных активов, созданных на базе объектов интеллектуальной собственности. *Учет. Анализ. Аудит*. 2017;(4):16–26.
10. Abdikeev N. M., Bogachev S. Y., Trifonov P. V., Moreva E. L. The calculation of the cost of intangible assets based on intellectual property. *International Journal of Civil Engineering & Technology*. 2018;9(7):1737–1748.
11. Валдайцев С. Оценка интеллектуальной собственности. М.: Экономика; 2010. 470 с.
12. Еременко В. И. Содержание и природа исключительных прав интеллектуальной собственности. *Интеллектуальная собственность*. 2000;(4):28–38.
13. Климович Е. С., Хитрова Л. Н. Методическое обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности. М.: ИНИЦ Роспатента; 2005. 101 с.

14. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности. М.: ТК Велби; Проспект; 2008. 368 с.
15. Никитенко С.М. Рынок интеллектуальной собственности в международном технологическом обмене. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2009;(4):121–126.
16. Caiazza R. A cross-national analysis of policies affecting innovation diffusion. *Journal of Technology Transfer*. 2016;41(6):1406–1419.
17. Лосева О.В., Орехов Д.В. Анализ управления интеллектуально-инновационной деятельностью по созданию РИД при выполнении гособоронзаказа. *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. 2018;(6):4–10.
18. Абдикеев Н.М., Лосева О.В. Система оценки организационного, человеческого и потребительского капитала для эффективного управления интеллектуальным капиталом высокотехнологичных цифровых компаний. *Управленческие науки*. 2020;(3):33–47.
19. Абдикеев Н.М., Гринева Н.В. Модели стоимостной оценки интеллектуального капитала организации в условиях цифровой трансформации. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2020;16(6):23–30.
20. Abdikeev N.M., Loseva O.V., Melnichuk M.V. Method of qualitative assessment of the human intellectual potential at a digital enterprise. *Revista inclusions*. 2020;7(4):1–20.

REFERENCES

1. Abdikeev N.M. Management of intellectual capital of the organisation. Moscow: ANKIL; 2014. (In Russ.).
2. Fedotova M.A., Dresvyannikova V.A., Loseva O.V., Tsygalov Yu.M. An organisation's intellectual capital: management and evaluation. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2014. 252 p. (In Russ.).
3. Abdikeev N.M. Valuation of intellectual capital and intangible assets created based on innovative products and intellectual property. URL: <http://www.icciosaka2018.net/>.
4. Bulyga R.P. Methodological problems of accounting, analysis, and audit of intellectual capital. Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation; 2005. 400 p. (In Russ.).
5. Belysheva I.G., Kozlov N.P. Intangible assets of the company: valuation. *Aksionernoye obshchestvo: voprosy korporativnogo obshchestva = Joint-stock company: questions of a corporate company*. 2008;(5):34–37. (In Russ.).
6. Kozyrev A.N., Makarov V.L. Valuation of intangible assets and intellectual property. Moscow: Interreklama; 2003. 352 p. (In Russ.).
7. Shipova E.V. Evaluation of intellectual property: Textbook. Irkutsk: Publishing house of BSUEP; 2003. 122 p. (In Russ.).
8. Smirnov S.A. Evaluation of intellectual property. Moscow: Finance and Statistics; 2002. 352 p. (In Russ.).
9. Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S. Calculation of the value of intangible assets created based on intellectual property objects. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit*. 2017;(4):16–26. (In Russ.).
10. Abdikeev N.M., Bogachev S.Y., Trifonov P.V., Moreva E.L. The calculation of the cost of intangible assets based on intellectual property. *International Journal of Civil Engineering & Technology*. 2018;9(7):1737–1748.
11. Valdaytsev S. Evaluation of intellectual property: Textbook. Moscow: Economics Publishing House; 2010. 470 p. (In Russ.).
12. Eremenko V.I. The content and nature of exclusive rights (intellectual property). *Intellektual'naya sobstvennost' = Intellectual property*. 2000;(4):28–38. (In Russ.).
13. Klimovich E.S., Khitrova L.N. Methodological support for the protection of intellectual property rights. Moscow: INITS Rospatent; 2005. 101 p. (In Russ.).
14. Sudarikov S.A. Intellectual property law. Textbook. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publishing House; 2008. 368 p. (In Russ.).
15. Nikitenko S.M. Intellectual property market in international technological exchange. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. 2009;(4):121–126. (In Russ.).
16. Caiazza R. A cross-national analysis of policies affecting innovation diffusion. *Journal of Technology Transfer*. 2016;41(6):1406–1419.
17. Loseva O.V., Orekhov D.V. Analysis of the management of intellectual and innovative activities for creating RIA in the implementation of the state defence order. *Intellektual'naya sobstvennost' = Intellectual property. Industrial property*. 2018;(6):4–10. (In Russ.).

18. Abdikeev N. M., Loseva O. V. The system evaluation of organisational, human and consumer capital for effective management of intellectual capital of high-tech digital companies. *Upravlencheskiye nauki = Management sciences*. 2020;(3):33–47. (In Russ.).
19. Abdikeev N. M., Grineva N. V. Models of valuation of intellectual capital organisation in the context of digital transformation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of economics and legal practice*. 2020;16(6):23–30. (In Russ.).
20. Abdikeev N. M., Loseva O. V., Melnichuk M. V. Method of qualitative assessment of the human intellectual potential at a digital enterprise. *Revista inclusions*. 2020;7(4):1–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нияз Мустякимович Абдикеев — доктор технических наук, профессор, директор Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
NAbdikeev@fa.ru

Евгения Львовна Морева — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
ELMoreva@fa.ru

Сузанна Робертиновна Бекулова — младший научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
SRBekulova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Niyaz M. Abdikeev — Dr Sci (Engineering), Professor, Director of the Institute for Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
NAbdikeev@fa.ru

Yevgeniya L. Moreva — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Deputy Director, Institute for Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
ELMoreva@fa.ru

Suzanna R. Bekulova — Junior Researcher, Institute for Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
SRBekulova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. М. Абдикеев — общее руководство проектом, разработка методики исследования.

Е. Л. Морева — анализ и обобщение международного опыта оценки и управления РИД.

С. Р. Бекулова — анализ и обобщение отечественного опыта оценки и управления РИД.

Authors' declared contribution:

N. M. Abdikeev — general project management, development of research methods.

E. L. Moreva — analysis and generalisation of international experience in the assessment and management of RIA.

S. R. Bekulova — analysis and generalisation of Russian experience in the assessment and management of RIA.

Статья поступила 10.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.08.2021; accepted for publication on 30.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-92-100
УДК 328.34(045)

Особенности законотворческого соавторства депутатов Государственной Думы VII созыва

И.В. Толмачёва

ИД «Аргументы недели», Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0402-0634>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены уникальные результаты исследования законотворческого соавторства депутатов Государственной Думы VII созыва. В исследовании проанализированы 2207 законопроектов, которые были внесены на рассмотрение в российский парламент в период с 16 сентября 2016 по 31 декабря 2020 г., и изучена деятельность всех депутатов, которые работали в это время. Вся информация, связанная с законотворческим соавторством депутатов, была обработана с помощью инструментов Python. В статье показано различие соавторства в законопроектах и в уже состоявшихся федеральных законах, а также представлена специфика законотворческого соавторства в зависимости от статуса депутата и его принадлежности к фракции. Результаты исследования могут быть использованы в реализации проектов по продвижению интересов бизнеса и общества в органах государственной власти.

Ключевые слова: Государственная Дума VII созыва; депутаты; законотворческое соавторство; законотворческая активность; законотворческая эффективность; федеральные законы; законопроекты; фракции Госдумы

Для цитирования: Толмачёва И.В. Особенности законотворческого соавторства депутатов Государственной Думы VII созыва. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):92-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-92-100

ORIGINAL PAPER

Features of Legislative Co-authorship of Deputies State Duma of the VII Convocation

I.V. Tolmacheva

Publishing House "Arguments of the Week", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0402-0634>

ABSTRACT

The article presents the unique results of a study of the legislative co-authorship of deputies of the State Duma of the VII convocation. The study included 2207 draft laws that were submitted to the Russian parliament for consideration in the period from September 16, 2016 to December 31, 2020, and all deputies who worked at that time. All information related to the legislative co-authorship of deputies was processed using Python tools. The difference between co-authorship in draft laws and co-authorship in already adopted federal laws is shown, and the features of legislative co-authorship depending on the status of a deputy and his membership in a faction are also presented. The results of the study can be used in the implementation of projects to promote the interests of business and society in public authorities.

Keywords: State Duma of the VII convocation; deputies; legislative co-authorship; legislative activity; legislative efficiency; federal laws; draft laws; factions of the State Duma

For citation: Tolmacheva I.V. Features of legislative co-authorship of deputies State Duma of the VII convocation. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):92-100. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-92-100

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование является на данный момент единственным, хотя деятельность законодателей привлекает внимание многих политологов и политтехнологов. Начиная с 2007 г. аналитики регулярно презентуют результаты различных исследований работы парламента, которые базируются на анализе законотворческой активности парламентариев¹ [1–3]. Но есть и другие исследования, основанные на анализе иных аспектов деятельности законодателей: оценке региональной работы, медийной активности, участии в партийных мероприятиях депутатов фракции «Единая Россия», губернаторов, сотрудников Управления Президента по внутренней политике, фракции и партии². Существует анализ действующих практик депутатских и парламентских запросов, а также депутатской дисциплины путем исследования специфики голосования парламентариев по рассматриваемым законопроектам^{3,4}, поиск коррупционных связей депутатов с предпринимательским сообществом с опорой на открытые источники, а также описание работы парламента, основанное на многочисленных экспертных интервью^{5,6}. Подобную параллельную работу ведут украинские коллеги, исследуя активность депутатов Верховной Рады [4–6].

Исследования законотворческого соавторства российских депутатов отсутствуют, но в 2015 г. киевскими коллегами было организовано исследование законотворческого соавторства депутатов украинского парламента восьмого созыва. Тогда они выявили, что принадлежность к «коалиции» или «оппозиции» в Верховной Раде не влияет на соавторство:

¹ Рейтинг законотворцев. Основные тренды осенней сессии Госдумы 2017 года. Фонд ИСЭПИ (Институт социально-экономических и политических исследований). URL: http://www.isepr.ru/upload/iblock/5ca/rejting_2018.pdf.

² «Единая Россия» оценила работу своих депутатов в Госдуме. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/14/820516-deputati-raznogo>.

³ Фикция вместо функции. Исследования Центра Политической Конъюнктуры. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2021/fiksiya-vmesto-funktsii/>.

⁴ Бездействующая Дума. Исследования Центра Политической Конъюнктуры. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2021/fiksiya-vmesto-funktsii/>.

⁵ Трансперенси посчитала влиятельность депутатов Госдумы. URL: <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/transperensi-podschitala-vliyatelnost-deputatov-gosdumy.html>.

⁶ У Государственной Думы разглядели субъектность. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4163683>.

депутаты «смешиваются» в процессе законотворчества [7]. В то же время вопросы законотворческого соавторства привлекают внимание самих российских парламентариев. В январе 2020 г. были приняты поправки в регламент работы Госдумы, согласно которым невозможно стать соавтором законопроекта после того, как документ внесли на рассмотрение в палату парламента. Такие ограничения в присоединении к числу соавторов законопроекта, по мнению председателя Госдумы Вячеслава Володина, повышают качество законопроектов: «Если депутат написал законопроект и внес его, уже присоединяться к этому законопроекту в виде соавторов нельзя. Если группа депутатов работала как коллектив авторов и вносит законопроект, также невозможно будет присоединяться»⁷. Такие нововведения позволяют определить, кто действительно является активным автором или соавтором документа.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Численность представителей нижней палаты российского парламента составляет 450 человек, но состав не является постоянным, так как происходит регулярная «миграция» депутатов в Совет Федерации, в органы исполнительной власти и другие политические институты. Вакантные мандаты передаются новым депутатам. Нами была исследована законотворческая деятельность всех депутатов Госдумы VII созыва, которые были авторами законопроектов, вне зависимости от длительности их работы там.

В исследование были включены законопроекты, внесенные на рассмотрение в парламента в период с 16 сентября 2016 по 31 декабря 2020 г. В основе исследования — информация «Системы обеспечения законодательной деятельности» официального сайта Государственной Думы РФ, в которой содержатся паспортные данные внесенного на рассмотрение законопроекта, где указывается субъект права законодательной инициативы⁸. В случае, когда субъектом права законодательной инициативы являются парламентарии, система показывает список депутатов и сенаторов, которые становятся авторами законопроекта. Соавторство

⁷ URL: <http://duma.gov.ru/news/47539/>.

⁸ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b.

определяется нами как появление имени депутата или сенатора в общем списке инициаторов: все депутаты и сенаторы рассматриваются как соавторы законопроекта.

В исследуемый период по инициативе депутатов на рассмотрение в Госдуму было внесено 2207 законопроектов, из которых к моменту завершения периода исследования 642 документа трансформировались в федеральные законы. Парламентарии редко иницируют законопроекты в одиночестве, и обычно в соавторах документа числятся от нескольких депутатов до нескольких десятков депутатов, включая сенаторов. В результате формируется грандиозный массив данных, связанных с особенностями законотворческого соавторства.

В итоге были получены многочисленные данные о законотворческом соавторстве депутатов Госдумы VII созыва и в первую очередь точная информация о соавторстве в именах (с кем из коллег депутат инициировал законопроекты) и цифрах (как часто он именно с этими коллегами инициировал законопроекты).

Ниже представлены примеры законотворческого соавторства конкретных депутатов. Они были выбраны с опорой на результаты количественного исследования законодательной деятельности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 гг., которые позволили выявить эффективность депутатов путем анализа их законотворческой активности; количества внесенных ими законопроектов, принятых и отклоненных законопроектов; доли принятых законопроектов в числе рассмотренных законопроектов. Тогда утверждалось, что чем больше доля принятых федеральных законов в числе многочисленных внесенных на рассмотрение законопроектов, тем эффективнее парламентарий [3]. Так, в центре внимания оказались руководители фракций и преимущественно эффективные депутаты. Среди них: Сергей Неверов, Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Сергей Миронов, Вячеслав Володин, Павел Крашенинников, Антон Гетта, Игорь Лебедев, Иван Мельников, Анатолий Аксаков, Андрей Луговой, Юрий Синельщиков, Валерий Гартунг, Ярослав Нилов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конкретное соавторство — имена и цифры. Удалось выяснить, с кем конкретно и как часто

каждый депутат вступал в законотворческое соавторство, а также число всех соавторов депутата вне зависимости от частоты соавторства. Именно поиск имен наиболее частых соавторов представлял первостепенную задачу исследования. К сожалению, формат статьи не позволяет отобразить в полной мере и наглядно продемонстрировать результаты исследования ввиду того, что они требуют визуализации с помощью интерактивной инфографики, доступной в режиме онлайн, которая способна определить законотворческую активность и соавторство каждого парламентария (так как интерес представляет деятельность всех депутатов без исключения). Поэтому, хотя и были рассмотрены все депутаты созыва, и мы располагаем информацией о специфике соавторства каждого парламентария, ниже будут описаны только некоторые случаи.

Приоритет многочисленного соавторства. Каждый парламентарий (за редким исключением тех, кто занимает крайне пассивную роль в законотворчестве) имеет широкий круг соавторов, но не с каждым из них часто совместно иницирует законопроекты. Особое внимание привлекает к себе многочисленное (наиболее часто встречающееся) законотворческое соавторство, которое демонстрирует «крепкие связи» между парламентариями и может свидетельствовать об особенностях законотворческой стратегии не только частного законодателя, но и целых фракций, и быть использовано исследователями в политтехнологических и лоббистских целях. Поэтому в центре нашего внимания — только первые десять самых многочисленных соавторов законопроектов каждого депутата: коллеги парламентария, в соавторстве с которыми он чаще всего иницирует законопроекты. Важно учитывать, что все выводы и заключения, представленные далее в тексте, основываются именно на анализе первых десяти наиболее часто встречающихся соавторов депутата.

Хотя в некоторых случаях общее число соавторов и список малочисленных соавторов могут быть внушительными, так как, будучи активным законодателем, парламентарий способен вступить в соавторство со всеми депутатами и сенаторами. Например, депутат фракции «Единая Россия» Антон Гетта вступил в законотворческое соавторство с более чем

380 депутатами, при этом чаще всего — с однопартийцем Сергеем Чижовым (128 общих законопроектов). В то же время есть 37 депутатов, малочисленных соавторов различных фракций, с которыми Антон Гетта только единожды вступил в соавторство.

Различие соавторства в законопроектах и в законах. Часто существует различие в соавторах законопроектов и в соавторах уже состоявшихся федеральных законов. Другими словами, депутат предпочитает соавторство в законопроектах с одним составом соавторов, а реальные федеральные законы у него «получаются» порой с совершенно иным составом соавторов. Так происходит, потому что не все законодательные инициативы трансформируются в федеральные законы, а некоторые из них снимаются с рассмотрения, и судьба законопроекта во многом зависит от его авторов.

Незначительное различие в соавторах законопроектов и законов может служить еще одним критерием эффективности законодателя, потому что соавторы парламентария, с которыми в итоге пишутся федеральные законы, действительно формируют законодательство, а не «сотрясают воздух». Именно такое соавторство может считаться эффективным и демонстрировать способности депутата к вхождению в продуктивные коалиции, свидетельствовать о серьезном политическом весе в парламенте и лоббистской эффективности законодателя.

Специфика законотворческого соавторства в зависимости от принадлежности к фракции. Результаты исследования показали значительные различия законотворческого соавторства депутатов фракции «Единая Россия» (ЕР) и депутатов малочисленных фракций, таких как «Справедливая Россия» (СР), «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР), «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ). Депутаты фракции «Единая Россия» предпочитают законотворческое соавторство с однопартийцами, лидерами малочисленных фракций и руководством Госдумы. Такие законопроекты обычно становятся федеральными законами. Депутаты иных фракций также практикуют соавторство в законопроектах с однопартийцами. «Справедливая Россия» и КПРФ зачастую вносят на рассмотрение законопроекты, указывая в составе соавторов всех или почти всех депутатов фракции. Такие законопроекты обычно

снимаются с рассмотрения и только в редких случаях становятся законами.

Депутаты малочисленных фракций, желающие стать соавторами федерального закона, а не законопроекта с плачевной перспективой, вступают в законотворческие коалиции с депутатами фракции «Единая Россия», лидерами иных фракций и руководством нижней палаты парламента, так как законопроекты без участия депутатов фракции «Единая Россия» в подавляющем большинстве случаев не трансформируются в федеральные законы, а снимаются с рассмотрения.

Например, депутат фракции ЛДПР, заместитель председателя Госдумы **Игорь Лебедев** в соавторстве в законопроектах предпочитает однопартийцев: Ярослава Нилова (ЛДПР, 102 общих законопроекта), Бориса Пайкина (ЛДПР, 46 общих законопроектов), Алексея Диденко (ЛДПР, 44 общих законопроекта), Дмитрия Свищева (ЛДПР, 44 общих законопроекта), Андрея Свинцова (ЛДПР, 38 общих законопроектов), Александра Курдюмова (ЛДПР, 18 общих законопроектов, сложил полномочия в марте 2021 г.), Владимира Сысоева (ЛДПР, 16 общих законопроектов, сложил полномочия в марте 2019 г.), Вадима Деньгина (ЛДПР, 15 общих законопроектов, сложил полномочия в сентябре 2020 г.), Елену Строкову (ЛДПР, 13 общих законопроектов), Михаила Дегтярёва (ЛДПР, 12 общих законопроектов, сложил полномочия в июле 2020 г.). Тогда как в соавторах федеральных законов числятся депутаты фракции «Единая Россия», лидеры малочисленных фракций и только один однопартиец: Иван Мельников (КПРФ, 9 общих законов), Михаил Дегтярёв (ЛДПР, 7 общих законов), Вячеслав Володин (ЕР, 6 общих законов), Ирина Яровая (ЕР, 6 общих законов), Валерий Газзаев (СР, 5 общих законов), Валерий Иванов (ЕР, 5 общих законов), Сергей Миронов (СР, 5 общих законов), Николай Николаев (ЕР, 5 общих законов), Анатолий Петров (ЕР, 5 общих законов), Дмитрий Пирог (ЕР, 5 общих законов).

Депутат фракции КПРФ **Юрий Синельщиков** демонстрирует соавторство в законопроектах с однопартийцами, тогда как федеральные законы «получаются» в соавторстве с депутатами фракции «Единая Россия» и только с одним однопартийцем: Ириной Белых (ЕР, 7 общих законов), Михаилом Емельяновым (СР, 6 общих законов), Алексеем Кобилевым

(ЕР, 5 общих законов), Павлом Крашенинниковым (ЕР, 5 общих законов), Антоном Геттой (ЕР, 4 общих закона), Николаем Говориным (ЕР, 4 общих закона), Рафаэлем Марданшиным (ЕР, 4 общих закона), Виктором Пинским (ЕР, 4 общих закона), Василием Пискаревым (ЕР, 4 общих закона), Айратом Фарраховым (ЕР, 4 общих закона).

Депутат фракции ЛДПР, председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов **Ярослав Нилов** соавторство в законопроектах практикует с однопартийцами, тогда как федеральные законы формируются в соавторстве с депутатами фракции «Единая Россия» и только одним однопартийцем: Ольгой Павловой (ЕР, 5 общих законов), Игорем Лебедевым (ЛДПР, 4 общих закона), Владимиром Мельником (ЕР, 4 общих закона), Михаилом Романовым (ЕР, 4 общих закона), Владимиром Афонским (ЕР, 3 общих закона), Ольгой Баталиной (ЕР, 3 общих закона, сложила полномочия в феврале 2020 г.), Светланой Бессараб (ЕР, 3 общих закона), Валерием Ивановым (ЕР, 3 общих закона), Владимиром Катеневым (ЕР, 3 общих закона), Александром Клыккановым (ЕР, 3 общих закона).

Депутат фракции КПРФ, первый заместитель председателя Госдумы **Иван Мельников** показывает многочисленное соавторство в законопроектах с однопартийцами, но в уже состоявшихся федеральных законах он является соавтором лидеров иных фракций, одного однопартийца и сенатора: Вячеслава Володина (ЕР, 12 общих законов), Игоря Лебедева (ЛДПР, 9 общих законов), Владимира Жириновского (ЛДПР, 8 общих законов), Сергея Миронова (СР, 7 общих законов), Анатолия Аксакова (СР, 6 общих законов), Родиона Букачакова (ЕР, 4 общих закона), Михаила Емельянова (СР, 4 общих закона), Евгения Москвичева (ЕР, 4 общих закона), Геннадия Зюганова (КПРФ, 4 общих закона), сенатора Сергея Рябухина (Совет Федерации, 5 общих законов).

Существуют депутаты малочисленных фракций (и таковых меньшинство), которые избегают законодательного соавторства с однопартийцами, но вступают в коалиции с депутатами фракции «Единая Россия». Например, законопроекты депутата фракции ЛДПР **Андрея Лугового** идут в соавторстве с Антоном Геттой (ЕР, 6 общих законопроектов), Николаем Петруниным (ЕР, 6 общих законопроектов),

Василием Пискаревым (ЕР, 6 общих законопроектов), Владимиром Синяговским (ЕР, 6 общих законопроектов), Рахимом Азимовым (ЕР, 5 общих законопроектов), Мурадом Гаджиевым (ЕР, 5 общих законопроектов), Николаем Говориным (ЕР, 5 общих законопроектов), Максимом Ивановым (ЕР, 5 общих законопроектов), Алексеем Канаевым (ЕР, 5 общих законопроектов), Сергеем Катасоновым (ЛДПР, 5 общих законопроектов). Федеральные законы с участием Андрея Лугового разрабатываются в соавторстве с вышеперечисленными депутатами фракции «Единая Россия», за исключением Максима Иванова (ЕР) и Сергея Катасонова (ЛДПР). Их замещают два депутата из фракции «Единая Россия»: Петр Пимашков (ЕР, 5 общих законов), Дмитрий Ламейкин (ЕР, 3 общих закона). Очевидно, депутат предпочитает не делать «лишних движений», вступая в соавторство с неэффективными партийными соратниками, а «прикрепляется» к лидерам фракции «Единая Россия», соавторство с которыми гарантирует высокую законодательную активность.

Также есть депутаты малочисленных фракций (и таковых большинство), которые, напротив, избегают соавторства с депутатами из фракции «Единая Россия» и вступают в коалиции только с однопартийцами. Например, депутат фракции «Справедливая Россия» **Валерий Гартунг** вступает в законодательное соавторство с однопартийцами: Сергеем Мироновым (СР, 132 общих законопроекта), Михаилом Емельяновым (СР, 119 общих законопроектов), Олегом Ниловым (СР, 117 общих законопроектов), Ольгой Епифановой (СР, 98 общих законопроектов, сложила полномочия в феврале 2020 г.), Олегом Николаевым (СР, 94 общих законопроекта, сложил полномочия в январе 2020 г.), Федотом Тумусовым (СР, 83 общих законопроекта), Александром Ремезковым (СР, 81 общий законопроект), Сергеем Крючком (СР, 77 общих законопроектов), Олегом Шеиным (СР, 76 общих законопроектов), Гаджимурадом Омаровым (СР, 75 общих законопроектов). Законами становятся документы в соавторстве с теми же однопартийцами: Олегом Николаевым (СР, 3 общих закона, сложил полномочия в январе 2020 г.), Ольгой Епифановой (СР, 2 общих закона, сложила полномочия в феврале 2020 г.), Сергеем Крючком (СР, 2 общих закона), Сергеем Мироновым (СР, 2 общих закона), Гаджимурадом Омаровым (СР, 2 общих закона),

Олегом Шеиным (СР, 2 общих закона), Вадимом Белоусовым (СР, 2 общих закона), Валерием Газзаевым (СР, 2 общих закона), Анатолием Грешневиковым (СР, 2 общих закона), Александром Терентьевым (СР, 2 общих закона).

Редко депутаты малочисленных фракций выбирают «срединный путь» и уверенно вступают в соавторство как с однопартийцами, так и с депутатами фракции «Единая Россия», как это практикует депутат фракции «Справедливая Россия», председатель Комитета по финансовому рынку **Анатолий Аксаков**. Он является автором законопроектов совместно с четырьмя депутатами фракции «Единая Россия» и шестью однопартийцами: Игорем Дивинским (ЕР, 84 общих законопроекта), Олегом Николаевым (СР, 80 общих законопроектов, сложил полномочия в январе 2020 г.), Антоном Гетта (ЕР, 63 общих законопроекта), Евгением Шулеповым (ЕР, 54 общих законопроекта), Алексеем Изотовым (ЕР, 38 общих законопроектов), Сергеем Крючком (СР, 32 общих законопроекта), Валерием Газзаевым (СР, 31 общий законопроект), Еленой Драпеко (СР, 31 общий законопроект), Михаилом Емельяновым (СР, 30 общих законопроектов), Олегом Ниловым (СР, 30 общих законопроектов). Соавторами Анатолия Аксакова в федеральных законах выступают депутаты фракции «Единая Россия» и только один однопартиец: Игорь Дивинский (ЕР, 61 общий закон), Антон Гетта (ЕР, 45 общих законов), Олег Николаев (СР, 44 общих закона, сложил полномочия в январе 2020 г.), Евгений Шулепов (ЕР, 40 общих законов), Дмитрий Скриванов (ЕР, 25 общих законов), Михаил Романов (ЕР, 24 общих закона), Владимир Афонский (ЕР, 23 общих закона), Алексей Изотов (ЕР, 22 общих закона), Ирина Гусева (ЕР, 21 общий закон), Михаил Гулевский (ЕР, 17 общих законов).

Несмотря на общую законодательную эффективность «Единой России», внутри самой фракции существуют депутаты с высокой законодательной эффективностью и депутаты с низкой законодательной эффективностью, а также депутаты с неординарными результатами законодательской активности [3]. Исследование показало, что депутаты с высокой эффективностью образуют устойчивое «ядро» соавторов законопроектов, и стабильным составом часто и регулярно вносят на рассмотрение законопроекты, которые рано или поздно

становятся федеральными законами. В это «ядро» входят депутаты: Антон Гетта, Николай Говорин, Алексей Кобилев, Гаджимет Сафаралиев, Мурад Гаджиев, Магомед Гаджиев, Виктор Водолацкий, Валерий Иванов, Анатолий Петров, Михаил Романов, Сергей Чижов, Ирина Гусева, Игорь Сапко, Александр Максимов, Евгений Шулепов. Например, почти все законопроекты с участием **Антон Гетты** становятся федеральными законами, соавторами которых выступают депутаты фракции «Единая Россия»: Ирина Гусева (ЕР, 82 общих закона), Николай Говорин (ЕР, 80 общих законов), Сергей Чижов (ЕР, 80 общих законов), Алексей Кобилев (ЕР, 79 общих закона), Мурад Гаджиев (ЕР, 64 общих закона), Гаджимет Сафаралиев (ЕР, 64 общих закона), Валерий Иванов (ЕР, 63 общих закона), Александр Максимов (ЕР, 58 общих законов), Игорь Сапко (ЕР, 58 общих законов), Евгений Шулепов (ЕР, 58 общих законов).

Соавторами депутата с неординарными результатами законодательской активности, председателя Комитета по государственному строительству и законодательству **Павла Крашенинникова** являются члены фракции «Единая Россия» и сенатор: Рафаэль Марданшин (ЕР, 19 общих законов), Михаил Романов (ЕР, 17 общих законов), Айрат Фаррахов (ЕР, 17 общих законов), Юрий Швыткин (ЕР, 17 общих законов), Алексей Ткачев (ЕР, 15 общих законов), Николай Говорин (ЕР, 14 общих законов), Ольга Баталина (ЕР, 13 общих законов, сложила полномочия в феврале 2020 г.), Алексей Загребин (ЕР, 13 общих законов), Валерий Иванов (ЕР, 13 общих законов), сенатор Андрей Клишас (Совет Федерации, 14 общих законов).

Соавторство депутатов фракции «Единая Россия», обладающих низкой эффективностью, и депутатов малочисленных фракций с политиками из «ядра» фракции «Единая Россия» обещает успех в деле прохождения законопроекта через парламент и его трансформацию в федеральный закон. Хотя сами депутаты «ядра» не стремятся связываться законодательским соавторством с большинством депутатов малочисленных фракций.

Особняком стоит соавторство депутата фракции «Единая Россия», председателя Госдумы VII созыва **Вячеслава Володина**. Среди его соавторов в федеральных законах числятся Иван Мельников (КПРФ, 12 общих законов), Сергей Неверов (ЕР, 11 общих законов), Влади-

мир Жириновский (ЛДПР, 10 общих законов), Павел Крашенинников (ЕР, 9 общих законов), Геннадий Зюганов (КПРФ, 6 общих законов), Игорь Лебедев (ЛДПР, 6 общих законов), Сергей Миронов (СР, 6 общих законов), Анатолий Аксаков (СР, 6 общих законов), Андрей Исаев (ЕР, 6 общих законов), Александр Жуков (ЕР, 5 общих законов). Председатель вступает в исключительно прицельное соавторство с руководителями фракций, представителями руководства Госдумы, а также несколькими депутатами, обладающими высокой законотворческой эффективностью. Подобную специфику законотворческого соавторства демонстрируют руководители фракций, но только в формате соавторства в федеральных законах, за исключением руководителя фракции «Единая Россия».

Руководители фракций ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия» не только вступают в многочисленное и бесперспективное, с точки зрения принятия федеральных законов, соавторство со своими однопартийцами (так как известно, что большая часть таких законопроектов снимается с рассмотрения), но и регулярно входят в законотворческие коалиции с лидерами иных фракций и руководством Госдумы, что обеспечивает им эффективное участие в законотворчестве, так как законопроекты в соавторстве с «тяжеловесами» парламента зачастую становятся законами.

Руководитель фракции ЛДПР **Владимир Жириновский** показывает «разношерстный» состав соавторов законопроектов, в который входят депутаты всех фракций и однопартийцы: Ярослав Нилов (ЛДПР, 22 общих законопроекта), Алексей Диденко (ЛДПР, 12 общих законопроектов), Елена Строкова (ЛДПР, 12 общих законопроектов), Вячеслав Володин (ЕР, 11 общих законопроектов), Сергей Миронов (СР, 10 общих законопроектов), Геннадий Зюганов (КПРФ, 10 общих законопроектов), Иван Мельников (КПРФ, 9 общих законопроектов), Андрей Свинцов (ЛДПР, 8 общих законопроектов), Сергей Неверов (ЕР, 7 общих законопроектов), Михаил Дегтярёв (ЛДПР, 6 общих законопроектов, сложил полномочия в июле 2020 г.). Однако в составе соавторов федеральных законов однопартийцы уже отсутствуют, и на первый план выходит соавторство с руководителями и лидерами иных фракций: Вячеславом Володиным (ЕР, 10 общих законов),

Геннадием Зюгановым (КПРФ, 8 общих законов), Иваном Мельниковым (КПРФ, 8 общих законов), Сергеем Мироновым (СР, 8 общих законов), Сергеем Неверовым (ЕР, 6 общих законов), Анатолием Аксаковым (СР, 5 общих законов), Ириной Яровой (ЕР, 4 общих закона), Александром Жуковым (ЕР, 3 общих закона), Михаилом Емельяновым (ЕР, 3 общих закона), Владимиром Кашиным (КПРФ, 3 общих закона).

Руководитель фракции «Справедливая Россия» **Сергей Миронов** предпочитает соавторство в законопроектах с однопартийцами, но федеральные законы «получаются» в соавторстве в лидерами иных фракций и только четырьмя однопартийцами: Владимиром Жириновским (ЛДПР, 8 общих законов), Геннадием Зюгановым (КПРФ, 8 общих законов), Вячеславом Володиным (ЕР, 7 общих законов), Иваном Мельниковым (КПРФ, 7 общих законов), Михаилом Емельяновым (СР, 5 общих законов), Игорем Лебедевым (ЛДПР, 5 общих законов), Сергеем Неверовым (ЕР, 5 общих законов), Вадимом Белоусовым (СР, 4 общих закона), Ольгой Епифановой (СР, 4 общих закона, сложила полномочия в феврале 2020 г.), Олегом Ниловым (СР, 4 общих закона).

Руководитель фракции КПРФ **Геннадий Зюганов** в качестве соавторов законопроектов также выбирает однопартийцев: Владимира Кашина (КПРФ, 78 общих законопроектов), Николая Коломейцева (КПРФ, 78 общих законопроектов), Ивана Мельникова (КПРФ, 78 общих законопроектов), Юрия Афонина (КПРФ, 66 общих законопроектов), Дмитрия Новикова (КПРФ, 62 общих законопроекта), Валентина Шурчанова (КПРФ, 62 общих законопроекта, скончался в декабре 2020 г.), Николая Арефьева (КПРФ, 59 общих законопроектов), Валерия Рашкина (КПРФ, 55 общих законопроектов), Казбека Тайсаева (КПРФ, 55 общих законопроектов), Николая Иванова (КПРФ, 54 общих законопроекта). Законами становятся проекты в соавторстве с лидерами иных фракций и только с двумя однопартийцами: Владимиром Жириновским (ЛДПР, 8 общих законов), Сергеем Мироновым (СР, 8 общих законов), Вячеславом Володиным (ЕР, 6 общих законов), Сергеем Неверовым (ЕР, 5 общих законов), Иваном Мельниковым (КПРФ, 4 общих закона), Ириной Яровой (ЕР, 4 общих закона), Михаилом Емельяновым (СР, 3 общих закона),

Александром Жуковым (ЕР, 3 общих закона), Павлом Крашенинниковым (ЕР, 3 общих закона), Владимиром Кашиным (КПРФ, 3 общих закона).

Руководитель фракции «Единая Россия» **Сергей Неверов** следует похожей стратегии, вступая в частое законотворческое соавторство с однопартийцами и лидерами иных фракций, но состав соавторов законов не отличается от состава соавторов законопроектов. Так, чаще всего соавторами федеральных законов были: Андрей Исаев (ЕР, 15 общих законов), Вячеслав Володин (ЕР, 11 общих законов), Владимир Жириновский (ЛДПР, 6 общих законов), Александр Жуков (ЕР, 5 общих законов), Виктор Кидяев (ЕР, 5 общих законов), Геннадий Зюганов (КПРФ, 5 общих законов), Сергей Миронов (СР, 5 общих законов), Дмитрий Белик (ЕР, 4 общих закона), Анатолий Аксаков (СР, 4 общих закона), а также сенатор Андрей Турчак (Совет Федерации, 11 общих законов).

Специфика соавторства, которую показывают руководители фракций, не доступна для большинства депутатов малочисленных фракций. Отдельный интерес может представлять очередное исследование, позволяющее определить содержание федеральных законов, в которые «вписываются» лидеры и руководители фракций ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия». Предполагается, что эти законы определяют общий политический вектор развития государства и никак не связаны с активной парламентской деятельностью малочисленных фракций Госдумы, которая демонстрируется обществу как оппозиционная.

ВЫВОДЫ

Анализ законотворческого соавторства депутатов позволяет выявить наиболее частое соавторство парламентариев, которое показывает специфику законотворческой деятельности каждого законодателя: общее число соавторов; тех, кто наиболее часто выступает в соавторстве; в какие коалиции вступает депутат; когда вносит законопроекты на рассмотрение в Госдуму и какое соавторство выстраивает парламентарий, чтобы законопроект трансформировался в закон. В обобщенном виде результаты анализа законотворческого соавторства парламентариев Госдумы VII созыва демонстрируют особенности законодательной деятельности депутатов в зависимости от статуса и принадлежности к фракции. Полученные данные могут быть использованы в реализации проектов по продвижению интересов бизнеса и общества в органах государственной власти. Обладая информацией о том, какое законотворческое соавторство предпочитает тот или иной парламентарий, легче выстраивать лоббистские стратегии, выделять эффективные коалиции депутатов, чтобы прогнозировать судьбу законопроекта и его вероятность стать федеральным законом.

К моменту публикации статьи Госдума VII созыва уже завершит свою работу. Большая часть уже бывших депутатов не вернется к работе в следующем созыве. Тем не менее результаты исследования характеризуют деятельность минувшего созыва и могут быть использованы в ходе анализа законотворческого соавторства депутатов Госдумы VIII созыва.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстых П. А. Лучшие лоббисты Государственной Думы ФС РФ IV созыва. URL: https://www.hse.ru/data/844/351/1238/Tekst_Tolstyh.pdf.
2. Кирдина С. Г., Рубинштейн А. А., Толмачева И. В. База данных LAWSTREAM.RU: количественные оценки институциональных изменений. Научный доклад. М.: Институт экономики; 2009.
3. Толмачева И. В. Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):100–109.
4. Остапчук Д. Рейтинг депутатов: как народные избранники отработали 5-ю сессию. URL: <https://voxukraine.org/ru/rejting-deputativ-ru>.
5. Надельнюк А. «Большой брат» Слуги народа: три депутата-отступника и еще семь на подходе. Кто они? URL: <https://www.liga.net/politics/articles/bolshoy-brat-slugi-naroda-tri-deputata-otstupnika-i-esche-sem-na-podhode-kto-oni>.
6. Остапчук Д. Какой будет новая коалиция, или о чем молчат политики, но говорит математика. URL: <https://voxukraine.org/ru/yakoiy-bude-nova-koalitsiya-ru>.

7. Брик Т., Остапчук Д. Анализ сетей в украинском парламенте посредством рассмотрения законодательного соавторства. URL: <https://voxukraine.org/ru/analyzing-ukrainian-parliament-networks-through-legislative-co-authorship-ru>.

REFERENCES

1. Tolstykh P. A. The best lobbyists of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the IV convocation. URL: https://www.hse.ru/data/844/351/1238/Tekst_Tolstykh.pdf. (In Russ.).
2. Kirdina S. G., Rubinshtein A. A., Tolmacheva I. V. LAWSTREAM.RU database: Quantitative assessments of institutional changes. Scientific report. Moscow: Institute of Economics; 2009. (In Russ.).
3. Tolmacheva I. V. Analysis of the effectiveness of subjects of law of the legislative initiative of the Russian Federation in 2016–2019. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):100–109. (In Russ.).
4. Ostapchuk D. Rating of Deputies: How People’s Deputies Worked Out the 5th Session. URL: <https://voxukraine.org/ru/rejting-deputativ-ru>. (In Russ.).
5. Nadelnyuk A. “Big Brother” Servants of the people: three apostate deputies and seven more on the way. Who are they? URL: <https://www.liga.net/politics/articles/bolshoy-brat-slugi-naroda-tri-deputata-otstupnika-i-esche-sem-na-podhode-kto-oni>. (In Russ.).
6. Ostapchuk D. What will the new coalition be, or what politicians are silent about, but mathematics speaks. URL: <https://voxukraine.org/ru/yakoiy-bude-nova-koalitsiya-ru>. (In Russ.).
7. Brik T., Ostapchuk D., Analysis of networks in the Ukrainian parliament through consideration of legislative co-authorship. URL: <https://voxukraine.org/ru/analyzing-ukrainian-parliament-networks-through-legislative-co-authorship-ru>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Васильевна Толмачёва — руководитель исследовательской группы ИД «Аргументы недели», Москва, Россия
i.v.tolmacheva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Tolmacheva — Head of the research group of the Publishing House “Arguments of the week”, Moscow, Russia
i.v.tolmacheva@gmail.com

Статья поступила 08.07.2021; принята к публикации 30.07.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 08.07.2021; accepted for publication on 30.07.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-101-105
УДК 32(045)

Элитные группы Республики Казахстан и особенности принятия стратегических политических и экономических решений в транзитный период

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

Центральная Азия – регион, имеющий стратегическое значение для России ввиду территориальной близости, логистического потенциала, активизации крупных внешнеполитических игроков. При этом особое значение для всего региона имеют отношения России и Казахстана (как региональной державы). В постсоветский период Казахстан стал ключевым партнером России в регионе благодаря своей последовательной политической позиции (поэтапное развитие взаимоотношений в рамках интеграционных объединений, а также отношения на уровне глав государств). Несмотря на то что сегодня характер отношений между странами остается прежним, транзитный период, который переживает Казахстан, несет в себе определенные риски и перспективы для пересмотра этих взаимоотношений, что особенно актуально с учетом активизации остальных внешних игроков, среди которых Китай, Турция и страны Запада. Соответственно, России необходимо иметь четкие представления о составе элитного сообщества Республики Казахстан и его изменениях в транзитный период. А также понимать, какую роль играют конкретные элитные группы в принятии стратегических политических и экономических решений.

Ключевые слова: элитные группы; иерархия власти; Казахстан; принятие решений

Для цитирования: Осинина Д.Д. Элитные группы Республики Казахстан и особенности принятия стратегических политических и экономических решений в транзитный период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):101-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-101-105

ORIGINAL PAPER

Elite Groups of the Republic of Kazakhstan and Peculiarities of Making Strategic Political and Economic Decisions During the Transit Period

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

Central Asia is a strategically important region for Russia due to its territorial proximity, logistic potential, and the activation of major foreign policy players. At the same time, relations between Russia and Kazakhstan, as a regional power, are very important for the entire region. In the post-Soviet period, Kazakhstan has become a key partner of Russia in Central Asia due to its consistent political position (gradual development of relations within the framework of integration associations and relations at the level of heads of state). Although today the nature of relations between the countries remains the same, the transit period in which Kazakhstan is located carries certain risks and prospects for revising these relations, which is especially important given the activation of other external players, including China, Turkey, and other countries of the West. Accordingly, Russia needs to have a clear understanding of the elite community composition of the Republic of Kazakhstan and its changes during the transit period. And it is necessary to understand what role specific elite groups play in making strategic political and economic decisions.

Keywords: elite groups; power hierarchy; Kazakhstan; decision-making

For citation: Osinina D.D. Elite groups of the Republic of Kazakhstan and peculiarities of making strategic political and economic decisions during the transit period. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):101-105. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-101-105

Центральная Азия, будучи регионом, соединяющим Восток и Запад, Север и Юг, объединяет на своей территории традиции и новации. Так, традиционные структуры общества — жузы и кланы — испокон веков определяли характер социального развития и влияли на политическое устройство государств региона. В то же время изменение геополитического контура в регионе во второй половине XIX в. и в конце XX в. сыграло особую роль в динамике и векторе общественно-политического процесса. По сути, сначала Российская империя, а потом и Советская Россия запустили модернизационные процессы (как экономические, социальные, так и политические) на территории Центральной Азии. Впоследствии распад СССР и формирование независимых государственных систем привели к изменению баланса сил в регионе и активизации внешних игроков. Необходимость поиска собственной государственной и национальной идентичности на фоне национального «подъема» в республиках в позднесоветский период вылилась в построение «нации-государства» и, как следствие, в поддержку титульного этноса и традиционных институтов [1]. Однако начавшаяся волна транзитов власти в регионе поставила под вопрос вектор социально-политического развития республик Центральной Азии, а также дала возможность внешним акторам изменить сложившийся баланс сил в регионе. В итоге, западные акторы выступают за модернизацию политических систем Центральной Азии (при этом под данным процессом все чаще понимается политическая вестернизация). На сегодняшний день республикам Центральной Азии удается поддерживать сложившийся баланс сил как в самих республиках, так и в регионе в целом. Но пока только Узбекистан прошел через транзит власти, — для остальных государств региона и Центральной Азии в целом эта тема актуальна. В рамках данной статьи ограничимся анализом одного государства — Республикой Казахстан.

В контексте вышесказанного России как одному из ключевых игроков в регионе важно понимать, как изменился состав элитного сообщества Республики Казахстан в транзитный период, какую роль играют элитные группы в принятии стратегических, политических и экономических решений и каково сочетание формальных и неформальных практик. Для этого необходимо проанализировать иерархию власти в Республике Казахстан на современном этапе.

Подобными вопросами задается не только Россия — повышенный интерес к элите Республики Казахстан проявляют страны Запада, КНР и Турция. Причина подобной активизации проста: несмотря на то, что на сегодняшний день статус Н. Назарбаева как основоположника и одновременно центрального элемента в системе власти сохраняется, всем понятно, что поддерживаемый статус-кво недолговечен. Рано или поздно в республике начнутся процессы по реальной передаче власти. Именно «подвешенная ситуация» и «незаконченный транзит власти» являются ключевыми политическими рисками для республики. В этой связи всем внешним акторам, в том числе и России, важно понимать текущие внутриэлитные расклады в РК и иметь представление о потенциальных преемниках и их позициях в иерархии власти. Однако, принимая во внимание специфику восточных обществ в целом и практику принятия политических решений в частности, при анализе внутриэлитных раскладов и выявлении потенциальных преемников Назарбаева необходимо учитывать как формальные, так и неформальные иерархии власти.

Итак, прежде чем перейти к анализу казахстанского кейса, определимся с дефинициями. Сразу можно отметить, что какого-то одного классического определения понятия «принятие политического решения» нет. Среди западных политологов темой принятия политических решений занимались Д. Истон (политическая система Д. Истона) и его последователь Г. Алмонд. В данной работе под принятием политических решений вслед за отечественным политологом К.В. Симоновым будет пониматься *«выработка нескольких вариантов действий для ликвидации возникшей политической проблемы и дальнейший выбор оптимального из них, реализация которого должна устранить проблему с максимальной эффективностью»* [2]. При этом характерными чертами данного процесса является следующее:

- Во-первых, **принятие политических решений связано с распределением или перераспределением ресурсов и доступа к ним, т.е. так называемой транзитной ренты.** Данная характерная черта может быть описана с помощью теории рентоориентированного поведения бюрократии (поиска ренты), указанной в работах Г. Таллока, Э. Крюгера, М. Олсона, Р. Уоллисона [3,4]. Под поиском политической ренты понимается стремление акторов максимизировать прибыль с помощью политического

Рис. / Fig. Иерархия власти в Республике Казахстан / The hierarchy of power in the Republic of Kazakhstan

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

процесса. Соответственно, поиск ренты заключается в получении монопольных прав на ресурсы или любые другие активы.

- Во-вторых, **иерархичность**. Иными словами, каждый из акторов, исходя из своего аппаратного веса и ресурсного потенциала, имеет определенные возможности для принятия политических решений или оказания влияния на данный процесс [5]. При этом данные возможности строго ограничены статусом в иерархии власти. Учитывая специфику восточных обществ и роль традиционных структур в политическом процессе государств, иерархии власти делятся на формальные и неформальные.

- Вторая особенность тесно связана с третьей — **неформальные структуры откладывают отпечаток на особенности политического процесса**. Так, одним из ключевых оснований системы рекрутирования элит в республиках Центральной Азии является клановый фактор. Для политической элиты Казахстана данный фактор выражен в принадлежности к одному из трех жузов: Старшему, Среднему, Младшему. Так как с 1992 г. на смену русским и «нетитульным» представителям политической элиты приходили этнические казахи, влияние кланового фактора является повсеместным и затрагивает все уровни политической элиты РК. В то же время наличие всего трех жузов сказывается на особенностях принятия политических решений: акторы представляют не только себя и свои интересы в политике, но, прежде всего, они являются частью «группы». То есть для них характерен групповой интерес.

Итак, рассмотрим непосредственно казахстанскую модель принятия политических решений. Начать нужно с самой структуры, которая отражает вторую характерную особенность принятия политических решений — иерархичность. Этой структурой является пирамида. Однако, если раньше на ее вершине находился один человек — Н. Назарбаев, сейчас ситуация изменилась. Стартовавший в марте 2019 г. транзит власти и выбор К.-Ж. Токаева в качестве преемника, пусть даже и временного, привел к подъему последнего и продвижению его позиций в рамках иерархии власти. Подобное изменение статуса К.-Ж. Токаева объясняется особенностями самой системы: выстроенная Н. Назарбаевым вертикаль власти характеризуется с позиции президентонализма (персонализма власти). Иными словами, человек, занявший высший пост в стране, даже в условиях наличия механизма «сдержек и противовесов» получит рычаги влияния на принятие политических и экономических решений. Особенно в случае поддержки со стороны групп влияния первого и второго уровней (см. рисунок).

Высокие позиции Н. Назарбаева в «транзитный период» объясняются следующим образом:

- за ним закреплено пожизненное председательство в Совете безопасности РК;
- он возглавляет политический совет правящей партии «Нур Отан»;
- за ним на конституционном уровне с 2010 г. закреплен статус лидера нации (Елбасы).

Таким образом, Н. Назарбаев выстроил систему «сдержек и противовесов», которая позволяет ему продвигать собственные решения и блокировать альтернативные. В то же время активная деятель-

ность внешних акторов, в числе которых Турция и США, и их попытки повлиять на внешнеполитические ориентации Казахстана поспособствовали увеличению политического веса К.-Ж. Токаева.

Соответственно, за Н. Назарбаевым и К.-Ж. Токаевым закреплены рычаги влияния на ситуацию в РК. И борьба между группами интересов ведется за влияние на нее и за доступ к распределению доходов от реализации сырьевых ресурсов (нефть, газ, цветные металлы)¹.

К группам влияния первого уровня относятся члены семьи Н. Назарбаева и его ближайшее окружение, команда К.-Ж. Токаева, а также представители «старой гвардии», которых всегда относили к особо доверенным Н. Назарбаеву лицам. К группам влияния второго уровня — родственники Елбасы. Наиболее слабыми в плане возможностей влиять на принятие политических решений являются группы третьего уровня, к которым относятся региональная элита и неаффилированные с Елбасы представители политического и бизнес-истеблишмента [1]. Именно они в условиях перестройки системы и появления второго «топового» лица в иерархии власти являются объектом для расширения влияния вышестоящих групп.

В то же время нужно отметить, что сам Н. Назарбаев является представителем Старшего жуза, а его соратники делятся на два лагеря — представителей Старшего и младшего жузов. К Старшему жузу относится и род К.-Ж. Токаева (род Жалайыр)². Представителей Среднего жуза в политическом истеблишменте РК практически нет ввиду наличия острой политической борьбы между членами двух жузов на рубеже 1980–1990-х гг.

Но каковы особенности принятия политических решений в РК? В чем именно выражено сочетание формальных и неформальных практик? Ответ на этот вопрос связан с двумя аспектами.

Первый аспект отражает институциональный контур политической системы, так называемые «правила игры». Представленная на *рисунке* «пирамида власти» демонстрирует, что современный Казахстан представляет собой государство с четко выстроенной патрон-клиентарной системой, для которой преобладающими являются неопатримониальные практики и неформальные институты власти, выражающиеся в:

- президенциализме: несмотря на то, что его влияние снижается, персонализм власти продолжает играть особую роль в политической системе РК;
- клиентелизме: вся политическая система РК построена на принципе иерархичности;
- клановом характере власти;
- рентоориентированном поведении.

Именно преобладание неопатримониальных практик и неформальных институтов власти определяет наличие второй, неформальной иерархии, которая формируется из наиболее влиятельных и статусных представителей казахстанской элиты (см. *рисунок*). Далеко не все из них вообще имеют официальный политический статус, деятельность многих сосредоточена в бизнесе. Но их влияние и возможности определяют их же позиции в «пирамиде власти». Например, Дарига Назарбаева с мая 2020 г. перестала быть Председателем Сената РК (вторая по статусу должность в формальной иерархии власти согласно Конституции РК)³, однако личных позиций она не потеряла благодаря своему экономическому ресурсу. Так, помимо информационного ресурса и медиаимперии «Хабар»⁴, Дарига Назарбаева через К. Шарипбаева курирует нефтегазовую отрасль, которая традиционно была сферой интересов Т. Кулибаева, среднего зятя Елбасы⁵. Более того, сегодня Дарига Назарбаева как депутат Мажилиса все активнее принимает участие в формировании «правил игры» на энергетическом рынке РК. В сентябре 2021 г. она предложила увеличить инвестиции в нефтегазовую отрасль, а также расширить права инвесторов⁶.

Таким образом, спектр возможностей Н. Назарбаева и К.-Ж. Токаева охватывает функции от медиации и поддержания внутриэлитного расклада сил до распределения ресурсной ренты, а характер взаимоотношений в рамках пирамидально-иерархической системы власти может быть определен как «патрон — социальные группы», что характерно для клиентелизма.

³ Конституция Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

⁴ Кто владеет средствами массовой информации Казахстана? URL: <http://www.fergananews.com/articles/9412>.

⁵ Активы и связи Кайрата Шарипбаева: чем занимается «муж» старшей дочери Назарбаева. URL: <https://www.currenttime.tv/a/aktivy-i-svyazi-kayrata-sharipbaeva-chem-zanimaetsya-muzh-starshey-docheri-nazarbaeva-rassledovanie-radio-svoboda/31469062.html>.

⁶ Дарига Назарбаева нашла способ облегчить жизнь нефтепользователям. URL: <https://lsm.kz/dariga-nazarbaeva-predlozhila-ryad-sposobov-oblegchit-zhizn-nedropolzovatelyam>.

¹ Приватизация или «прихватизация»? URL: http://ca-snj.blogspot.ru/2015/11/blog-post_72.html.

² Новый глава Казахстана Касым-Жомарт Токаев. Кто он такой? URL: <https://stanradar.com/news/full/33568-novyj-glava-kazhstana-kasym-zhomart-tokaev-kto-on-takoj.html>.

Второй аспект связан с формированием самой иерархии власти, период которой пришелся на вторую половину 1990-х гг. Выстраивание жесткой вертикали власти на фоне полной победы над оппозицией в лице О. Сулейманова позволило Н. Назарбаеву активно продвинуть в высшие эшелоны представителей своей семьи, а также близких родственников и друзей детства, которые сами, окрепнув и увеличив материальную и аппаратную базу, смогли выстроить вокруг себя персональные клиентелы. Кадровая ротация, произошедшая в 2019 г., затронула все уровни власти, однако сохранила общие принципы функционирования системы, а также неформальный статус ключевых представителей элитного сообщества РК. Таким образом, основным маркером определения статусности

в иерархии власти может считаться «доступ к телу», т.е. к первому лицу. Этим же фактором определяется и возможность актора влиять на принятие стратегических, политических и экономических решений. В то же время транзитный период наложил свои особенности на этот процесс, ключевой из которых является двоевластие, выразившееся как в формальном плане (разведение обязанностей президента и Елбасы), так и в неформальном, что было показано выше на примере иерархии власти в РК. Соответственно, сегодня принятие ключевых стратегических решений находится в ведении двух «топовых» акторов — Н. Назарбаева и К.-Ж. Токаева, от взаимоотношений с которыми во многом зависит позиция групп влияния первого, второго и третьего уровней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осинина Д.Д. Элитные группы Центральной Азии в большой геополитической «игре» России, КНР и США в начале XXI века. Монография. М.: Инфра-М; 2018.
2. Симонов К.В. Политический анализ. Учебное пособие. М.: Логос; 2002.
3. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: Логические основания конституционной Демократии. М.: Таурс Альфа; 1997.
4. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. М.: Фонд Экономической Инициативы; 1995. 165 с.
5. Шатилов А.Б., Никитин А.С. GR для эффективного бизнеса. М.: ФОРУМ; 2011.

REFERENCES

1. Osinina D.D. Elite groups of Central Asia in the great geopolitical “game” of Russia, China, and the United States at the beginning of the XXI century. Monograph. Moscow: Infra-M; 2018.
2. Simonov K.V. Political analysis. Textbook. Moscow: Logos; 2002.
3. Buchanan J., Tullock G. Calculation of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Moscow: Taurs Alpha; 1997.
4. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Benefits and Group Theory: Transl. from Eng. Moscow: Economic Initiative Foundation; 1995. 165 p.
5. Shatilov A.B., Nikitin A.S. GR for effective business. Moscow: FORUM; 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирантка 3-го года обучения Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
daria_osinina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Osinina — 3rd-year post-graduate student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
daria_osinina@mail.ru

Статья поступила 25.08.2021; принята к публикации 15.09.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.08.2021; accepted for publication on 15.09.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-106-110
УДК 32(045)

Борьба за мировую гегемонию в Латинской Америке. Как Китаю удалось сместить гегемонию США в Латиноамериканском регионе

Ф.Д. Бросович

Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3779-4222>

АННОТАЦИЯ

Проблема борьбы за гегемонию между Китаем и США в Латиноамериканском регионе актуальна на сегодняшний день в разрезе таких дисциплин, как политология, экономика и теория международных отношений. В статье рассмотрены негативные социально-политические последствия, к которым привели попытки США установить свое господство в странах Латинской Америки. В качестве альтернативы рассматривается вытеснение США со стороны Китая. Автор исследует геополитические особенности Латиноамериканского региона с точки зрения политических наук, анализирует попытки США установить господство в данном регионе, выясняет, почему политика Китая побеждает США в борьбе за гегемонию. Данная статья базируется на анализе научной литературы. При проведении исследования были использованы основные политические теории установления гегемонии.

Ключевые слова: гегемония; гегемонизм; латиноамериканская цивилизация; латиноамериканский регион; США; Китай; Латинская Америка; принцип невмешательства, неолиберализм

Для цитирования: Бросович Ф.Д. Борьба за мировую гегемонию в Латинской Америке. Как Китаю удалось сместить гегемонию США в Латиноамериканском регионе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):106-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-106-110

ORIGINAL PAPER

Struggle for the World's Hegemony in Latin America. How did China Depose the Hegemony of the USA in the Latin American Region?

F.D. Brosovich

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3779-4222>

ABSTRACT

The problem of a struggle for hegemony between China and the USA in Latin American's region in the discourse of Political Sciences, Economy, and Theory of International Relations is relevant nowadays. The negative socio-political constituencies, which became the result of attempts of the USA to establish dominance in the countries of Latin American, are considered in the article. The Chinese exclusion of the USA is regarded as an alternative way that establishes hegemony more effectively. The general author's aims: to consider geopolitical issues of Latin American region in Political science view; to analyse attempts of USA to establish power in that region; to explain the victory of Chinese politics in the struggle for hegemony. The research is based on an analysis of scientific literature. Doing this research, the author has used the general political theories about hegemony.

Keywords: hegemony; hegemonism; Latin American civilisation; Latin American region; USA; China; Latin America; the principle of non-interference; neoliberalism

For citation: Brosovich F.D. Struggle for the world's hegemony in Latin America. How did China depose the hegemony of the USA in the Latin American region? *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):106-110. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-106-110

Латиноамериканский регион является одним из наиболее интересных объектов для изучения в контексте мировой политики и международных отношений. Процессы идентификации, которые происходят в обществах стран Латинской Америки, обладают большей динамикой, чем подобные процессы в других регионах мира.

Согласно классификации известного политолога С. Хантингтона, в мире существует несколько цивилизаций: западная, православная, китайская, буддистская, японская, исламская, африканская и латиноамериканская. Каждая из них по-своему уникальна и имеет свои этнокультурные особенности. Для удобства сравнения данных цивилизаций Хантингтон предложил ряд критериев: язык, религия, история, обычаи, институты, самоидентификация населения [1].

Изучением Латинской Америки как цивилизации занимались Д.Ф. Сармьенто, Л. Сза, Д. Рибейро. Именно эти ученые выделили латиноамериканскую цивилизацию и сделали акцент на особой цивилизационной идентичности данного региона. Существенное влияние на изучение латиноамериканской цивилизации оказал Х. Ортега-и-Гассет. Его идеи относительно вопросов идентичности были взяты на вооружение латиноамериканскими учеными, которые развили вопрос об особом пути Латинской Америки. Им удалось отстоять название собственного региона — Латинская Америка.

У Латинской Америки обширный ареал, в который входят страны Южной Америки, а также островные государства. Доминирующими языками являются испанский и португальский. Страны близки друг другу не только в языковом, но и в социокультурном плане. Во всех них господствует одна религиозная конфессия — католицизм. Государства Латинской Америки объединяет похожее доколониальное и колониальное прошлое, а также позднее включение в мировые политические и экономические процессы.

Следует отметить, что не все государства Латинской Америки вписываются в латиноамериканскую цивилизацию. Это обусловлено историческим прошлым некоторых стран, а именно их близким взаимодействием со странами Западной Европы. Например, Кюрасао ранее была колонией Нидерландов, а Багамы и Барбадос существовали под патронатом Великобритании.

В целом можно отметить, что у Латиноамериканского региона большой цивилизационный фундамент. Данное обстоятельство помогает ему

быть участником интеграционных процессов, которые протекают на межправительственном и надгосударственном уровнях. Помимо этого, латиноамериканская цивилизация также влияет на внешнеполитические процессы, что, несомненно, сказывается на мировой политике и международных отношениях.

В рамках настоящей статьи затронут такой международный процесс, как борьба за мировую гегемонию. Для начала необходимо ввести и операционализировать данное понятие. Гегемония в широком смысле — это господство в политической, экономической или военной сфере, а также стремление одного государства к контролю над другим. Гегемония одновременно представляет собой теорию и политическую практику, которая дает государству (или иной социальной группе: партии, союзу) привилегированную роль. Гегемония может проявляться в масштабе страны, региона или на мировом уровне. Установление монополии на власть, навязывание собственной воли и требование выполнения поставленных условий от участников социально-политического процесса являются основными особенностями гегемонии.

Следует отметить, что гегемония далеко не всегда означает военное вторжение или иные методы насилия. Зачастую используются демократические принципы, при помощи которых государству-гегемону удается достичь желаемых целей. Мягкие формы гегемонии находят отражение в идеях итальянского мыслителя А. Грамши [2]. Он напирает на то, что государство является не только институтом принуждения, но также выступает результатом общественного согласия. По его мнению, чем выше уровень развития гражданского общества в государстве, тем больше вероятность, что гегемония будет осуществляться ненасильственным путем. Похожих взглядов придерживается Дж. Най [3]. Согласно его концепции «мягкой силы», акторы политического процесса добровольно исполняют требования государства-гегемона за счет привлекательности политических решений последнего. Баланс достигается за счет политического, экономического и идеологического плюрализма.

Тем не менее нельзя не признать, что региональная или мировая гегемония и борьба за нее являются свойствами крупных держав. Согласно О. Янг, данные государства в условиях глобализации стремятся к «сжатию мира» [4]. Поэтому борьба за гегемонию — это соперничество мировых держав друг с другом за определение стратегии мирового или регионального развития, а также за монополию

на решение проблем того или иного региона или мировых проблем.

После обзора понятия «гегемония» необходимо перейти непосредственно к анализу политики США в отношении Латинскоамериканского региона. В целом можно отметить, что США стремились использовать ресурсы Латинской Америки, а также укреплять господство и защищать собственные интересы в данном регионе. В частности, речь идет о контроле над торговлей и рынками латиноамериканских стран. Существует метафора «задний двор», которая означает, что Латинскоамериканский регион — это некоторая зона, основной обязанностью которой является обеспечение безопасности и процветания экономики США.

Со стороны США многим странам Южной Америки была навязана доктрина неолиберализма с целью укрепления и развития собственных политико-экономических позиций. Предложенная политическая программа должна была помочь улучшить экономическое развитие стран Латинской Америки. Однако истинные цели, которые преследовали Штаты, были направлены на создание благоприятных условий американских транснациональных компаний. Преследуя подобные цели, США предложили латиноамериканским странам проект Вашингтона по созданию панамериканского пространства для свободной торговли. Официально данный проект должен был расширить возможности для экономической деятельности латиноамериканских компаний.

Политика США в отношении Латинской Америки исследовалась отечественными и зарубежными политологами. Так, российские ученые О.А. Жирнов и И.К. Шереметьев полагают, что Вашингтон использовал два подхода в отношении Латинскоамериканского региона: сотрудничество и конфронтацию [5]. Под сотрудничеством в данном случае понимается экономическая и военная помощь политическим режимам, которые господствовали в странах Латинской Америки, даже если они были авторитарными. Тем не менее при помощи данного подхода США действовали в угоду собственным интересам, которые включали: создание благоприятных условий для деятельности американских компаний, следование политическому курсу США и отказ от сотрудничества с социалистическими странами. Что касается конфронтации, то такую политику США использовали против тех стран Латинской Америки, которые боролись за независимость от Штатов. В данном случае действия США сводились к следующему: странам отказывали

в предоставлении кредитов и инвестиций, против них вводились экономические санкции, блокировались международные займы. Кроме того, США активно поддерживали оппозиционные партии, предоставляя им политическую, экономическую и военную помощь. Ученый Монис Бандейра дает оценку действиям США по отношению к странам Латинскоамериканского региона следующим образом: «Вашингтон неоднократно демонстрировал, что признает и уважает только те демократические режимы в Латинской Америке, которые служат на пользу его экономическим, политическим и стратегическим интересам. Внешняя политика США по отношению к Латинской Америке на самом деле никогда не соответствовала демократическим принципам американцев. Это всегда служило предельным элементом для риторического эффекта» [6].

Подобные политические меры со стороны США привели к росту антиамериканских настроений в странах Латинскоамериканского региона. Если ранее проявление антиамериканских настроений в основном находило отражение в коммунистических режимах (например, режиме Кастро на Кубе), то сейчас наблюдается тенденция к популистской демократии. США в данном случае превратились в мишень для политического, экономического и социального недовольства. Так, президенты Буш и Обама для того, чтобы оградить США от внешних угроз, приняли ряд мер, основная направленность которых была сделана на усиление военной мощи в Латинскоамериканском регионе. В качестве примера можно привести воссоздание Четвертого флота США в 2008 г. с целью борьбы с наркотрафиком, а также под эгидой совершения актов доброй воли и укрепления связей с союзниками. Фактически США навязали данную меру вопреки явным протестам Аргентины, Бразилии и Венесуэлы. В целом данный акт был воспринят странами Латинской Америки как эскалация агрессии со стороны США и угроза их суверенитету. Показательными примерами здесь являются такие действия со стороны США, как «План Колумбия»¹, «Инициатива Мериды»² и прочие политические проекты. Подобные действия со стороны США вызвали негативную

¹ Общее название для военной и дипломатической помощи колумбийскому правительству со стороны США для борьбы с наркокартелями и левыми вооруженными группировками.

² Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между США, правительством Мексики и странами Центральной Америки с заявленной целью борьбы с угрозами незаконного оборота наркотиков, транснациональной организованной преступности и отмывания денег.

реакцию во многих странах Латиноамериканского региона, которые нарушили американский политический курс. Так, президент Эквадора Р. Корреа отказал США в размещении военной базы. Президент Парагвая Луга отменил совместные военные учения с США.

Таким образом, с приходом к власти левых партий в странах Латиноамериканского региона наблюдаются изменения отношений с США. Ряд стран дистанцировался от США по идеологическим убеждениям. У стран с умеренными политическими режимами отношения с США зашли в тупик [7]. В целом можно отметить, что латиноамериканские страны отказываются от перспектив сотрудничества с США и настроены на партнерские отношения с Индией, Россией и Китаем.

В рамках данной статьи исследовательский интерес представляет взаимодействие стран Латиноамериканского региона с Китаем. В 2000-х гг. Китай превратился в крупнейшего экономического партнера Аргентины, Боливии, Перу, Чили, Венесуэлы и др. В 2010 г. Венесуэла наладила торговые отношения с Китаем и экспортировала туда по 380 тыс. баррелей нефти в сутки. Крупнейшая торговая корпорация Китая CNPC приобрела перуанские активы нефтегазовой компании Petrobras (Бразилия). По данным за 2013 г., инвестиции Китая в нефтяную отрасль латиноамериканских стран достигли 13% от общего объема иностранных инвестиций. Одной из значимых вех отношений Китая и стран Латинской Америки стал саммит в Чили. После его завершения со стороны Китая государствам Латиноамериканского региона были предоставлены кредиты в размере 118,5 млрд долл. США. С 2000 по 2013 г. зафиксировано увеличение объемов торговли Китая со странами Латинской Америки в 22 раза [8]. У Китая существует множество дочерних компаний в странах Латинской Америки, которые существенно повышают показатели его инвестиционной активности.

Помимо активного взаимодействия с государствами Латиноамериканского региона в добывающих отраслях, КНР занимается выпуском сельскохозяйственной продукции. Особенно тесно он сотрудничает с Аргентиной и Бразилией, у которых имеется мощный агропромышленный комплекс, соответствующий интересам Китая. Также Китай осуществляет большой экспорт ширпотреба в страны Латинской Америки. Китайские товары доминируют на рынке и вытесняют местных производителей, а инвестиции в отрасли добычи полезных ископаемых делают страны Латинской

Америки сырьевым придатком для КНР. Следует отметить, что для Китая важно быть не только главным экономическим партнером стран Латинской Америки, но он также старается создать свой позитивный имидж, например основав там сеть институтов Конфуция. Это сделано с целью привлечения интереса к китайской культуре в латиноамериканском обществе. Институты исповедуют классические ценности конфуцианства (единство, гармония, порядок, справедливость и т.п.). Кроме того, стратегией Китая является коммуникация. КНР заявляет, что выступает против идеи гегемонии в Латиноамериканском регионе, и именно эта позиция поможет победить в нем отсталость и нищету. При этом Китай не навязывает латиноамериканским государствам свою модель развития, что улучшает его взаимодействие с местными элитами. КНР предложил Латиноамериканскому региону альтернативную «Вашингтонскому консенсусу» программу — «Пекинский консенсус», главный принцип которой — невмешательство во внутренние дела латиноамериканских государств. Такой подход намного эффективнее неолиберальной модели США, так как он способствует созданию позитивного имиджа Китая.

Таким образом, действия Китая в отношении стран Латиноамериканского региона существенно отличаются от методов США. Исходя из ранее упомянутых подходов к гегемонии, Китай скорее действует с помощью «мягкой силы», оказывая существенную экономическую помощь государствам Латинской Америки, а также ненавязчиво приобщая их к китайской культуре.

Партнерство КНР и стран Латиноамериканского региона привело к геополитическому сдвигу, который стал вызовом для США. Более того, США в некоторых аспектах признают собственный проигрыш. В частности, Б. Обама отказался от «доктрины Монро», которая являлась идейным обоснованием вмешательства США в дела стран Латинской Америки. Также Америка начиная с 2014 г. стала стремиться к нормализации взаимоотношений с Кубой. Такая инициатива была предпринята, так как взаимоотношения с Кубой негативно влияли на мировой имидж США. При этом основная цель США в данных отношениях — падение коммунистического режима на Кубе — достигнута не была.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действия США в отношении стран Латиноамериканского региона являются неэффективными. Это обусловлено тем, что Америка хочет навязать латиноамериканским государствам собственный поли-

тический курс, а также явно действует в угоду своим экономическим интересам. Во многом политика США в отношении Латинской Америки нелогична. Экс-президент США Д. Трамп своими действиями только усилил финансово-экономическое партнерство Китая со странами данного региона.

По прогнозам, КНР сможет больше закрепиться в Латинамериканском регионе и полностью вытеснить оттуда США. Однако в Белом доме понимают, что такой ход событий неблагоприятен для США и продумывают, каким образом можно ослабить влияние Китая в Латинской Америке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель; 2011.
2. Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. М.: Искусство; 1990.
3. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power>.
4. Авцинова Г.И. Гегемонизм и лидерство государств: исторические и современные аспекты. *Политологические науки*. 2015;(3):87–102.
5. Строганова Е.Д. Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки (часть шестая). *Берегиня*. 777. *Сова: Общество. Политика. Экономика*. 2014;2(21):76–110.
6. Bandeira L.A. M. Os EUA e o golpe contra Chavez. *Meridiano 47: Boletim de Analise de Conjuntura em Relacoes Internacionais*. 2002;(22):16–26.
7. Delgado-Ramos C.C., Romano C.M. Political-Economic Factors in U.S. Foreign Policy: The Colombia Plan, the Merida Initiative, and the Obama Administration. *Latin American Perspectives*. 2011;38(4):91–97.
8. Зверева В.С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии. *Вестник московского государственного областного университета. История и политические науки*. 2019;(7):171–183.

REFERENCES

1. Huntington S. The Clash of Civilizations. Moscow: AST: Astrel; 2011. (In Russ.).
2. Gramsci A. The Art and Politics. In 2 vols. Moscow; 1990. (In Russ.).
3. Nye J. Soft Power and European-America affairs. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power>.
4. Avtsinova G. Hegemonism and leadership of states: historical and contemporary perspectives. *Politologicheskie nauki*. 2015;(3):87–102. (In Russ.).
5. Stroganov E.D. US Policy towards left regimes in Latin America (part VI). *Bereginya 777. Sovo. Nauchnyj zhurnal*. 2014;2(21):76–110. (In Russ.).
6. Bandeira L.A. M. Os EUA e o golpe contra Chavez. *Meridiano 47: Boletim de Analise de Conjuntura em Relacoes Internacionais*. 2002;(22):16–26.
7. Delgado-Ramos C.C.; Romano C.M. Political-Economic Factors in U.S. Foreign Policy: The Colombia Plan, the Merida Initiative, and the Obama Administration. *Latin American Perspectives*. 2011;38(4):91–97.
8. Zvereva V. China's preference in Latin America: present-day geopolitical realities. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istorija i politicheskie nauki*. 2019;(7):171–183. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Флорес Даринка Бросович — аспирантка кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
darinkabrosovich@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Florence Darinka Brosovich — Post-graduate student of the Department of Comparative Political Science, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation
darinkabrosovich@gmail.com

Статья поступила 19.01.2021; принята к публикации 26.02.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.01.2021; accepted for publication on 26.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-111-115
УДК 327.7(045)

Усиление роли Китая в деятельности миротворческих сил ООН в 2013–2021 годах

С.Р. Мильто

МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0063-1641>

АННОТАЦИЯ

Целью работы является оценка влияния КНР на сферу миротворчества во время председательства в КНР Си Цзиньпина (2013–2021 гг.). Увеличение активности Китая в миротворческой деятельности ООН дает спорные результаты: как таковое миротворчество, безусловно, способствует снижению насилия в нестабильных регионах, поэтому здесь приветствуется активизации роли Китайской Народной Республики, использующей свою растущую военную мощь на дело мира. Поэтому и престиж Китая также непрерывно укрепляется. Однако более детальный анализ миротворческих операций показывает, что с помощью миротворчества Китайская Народная Республика стремится обезопасить свои экономические интересы по всему миру, а также все более настойчиво продвигает свою повестку приоритета обеспечения мира над защитой прав человека, стремясь зафиксировать за представителями Китая ключевые посты в этой сфере. Кроме этого, в миротворческих операциях может пройти проверку китайское вооружение и техника, а китайские вооруженные силы получают необходимый опыт и практику. Методологической основой работы является структурно-функциональный метод, также использованы исторически-компаративистский метод и контент-анализ соответствующих источников.

Ключевые слова: миротворчество; Китай; КНР; ООН; миротворческие операции; R 2P; Си Цзиньпин; Совет Безопасности

Для цитирования: Мильто С.Р. Усиление роли Китая в деятельности миротворческих сил ООН в 2013–2021 годах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):111-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-111-115

ORIGINAL PAPER

Increasing Role of China in UN Peacekeeping in 2013–2021

S.R. Milto

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0063-1641>

ABSTRACT

This research aims to assess the PRC's causes of involvement and influence on the sphere of peacekeeping during the presidency of Xi Jinping in the PRC (2013–2021). China's growing activity in UN peacekeeping yields controversial results: as such, peacekeeping undoubtedly helps reduce violence in unstable regions. Therefore, the role of the People's Republic of China using its growing military power for the cause of peace is more than welcome, so China's prestige also enhances. However, a more detailed analysis of peacekeeping operations demonstrates that the People's Republic of China seeks to secure its economic interests around the world through peacekeeping. Besides, they assertively promote its agenda of ensuring peace over human rights protection, aiming to fix key posts in this sphere for China's representatives. In addition, Chinese weapons and equipment can be tested during peacekeeping operations, and the Chinese military receives the necessary experience and practice. As the methodological basis of the research, the author used the structural-functional method, the historical-comparative method and content analysis of the relevant sources.

Keywords: Peacekeeping; China; PRC; UN; Peacekeeping operations; R 2P; Xi Jinping; Security Council

For citation: Milto S.R. Increasing role of China in UN peacekeeping in 2013–2021. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):111-115. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-111-115

ВВЕДЕНИЕ

Миротворческие операции ООН по поддержанию мира в наиболее уязвимых и нестабильных странах утверждаются путем резолюции Совета Безопасности, а бюджет и ресурсы определяются Генеральной Ассамблеей¹. В настоящее время в мире проводится тринадцать миротворческих операций², и Китай принимает участие в девяти из них³.

Одной из вероятных причин участия Китая в миротворческих операциях являются его экономические интересы, практически охватывающие весь мир (в том числе – стабильность), что и помогают обеспечивать миротворцы.

В рассматриваемый же период управления КНР Си Цзиньпином Китай значительно увеличил масштабы своей вовлеченности в миротворческие операции. Так, если в 2013 г. доля Китая в бюджете миротворческих операций составляла 3,93% [1], то к 2021 г. она выросла до 15,22%⁴, в результате чего Китай стал второй в мире страной по внесению начисленных взносов на миротворческие операции после США. Причем, в отличие от США, он всегда вовремя вносит свою долю. Кроме того, если в 1990 г. в миротворческих операциях участвовали лишь 5 китайских солдат, то к 2013 г. их число уже приближалось к 2 тыс., а сейчас превышает 2,5 тыс.,⁵ что ставит Китай на девятое место в мире по этому показателю

¹ United Nations Peacekeeping. Forming a New Operation. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/forming-new-operation>.

² UN Peacekeeping. Troop and Police Contributors. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>.

³ UN Peacekeeping. Summary of Contribution to UN Peacekeeping by Country, Mission and Post: Police, UN Military Experts on Mission, Staff Officers and Troops 31/12/2020. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/03_country_and_mission_33_dec2020.pdf.

⁴ UN General Assembly. Seventy-third Session. Implementation of General Assembly Resolutions 55/235 and 55/236. URL: <https://undocs.org/en/A/73/350/ADD.1>.

⁵ China Power Team. Is China Contributing to the United Nations' Mission? China Power. 2020. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>.

и превышает количество миротворцев всех остальных постоянных членов Совета Безопасности вместе взятых⁶.

А в 2015 г. Си Цзиньпин выдвинул целый ряд предложений в области миротворчества: создать резерв миротворческих сил в составе 8 тыс. военнослужащих, предоставить в ближайшие 5 лет в общей сложности 100 млн долл. США «в виде бесплатной военной помощи Африканскому союзу в целях содействия созданию Африканских резервных сил и развитию потенциала Африки по экстренному реагированию на кризисы», сформировать фонд мира и развития в размере 1 млрд долл. США⁷ и др.

Кроме того, в 2015 г. Китай впервые направил пехотный батальон из 700 человек для участия в операции в Южном Судане, что было воспринято как существенный отход от китайской практики предоставления только вспомогательных подразделений (материально-технических, инженерных и медицинских) и признак готовности Китая применить силу, когда того требует ситуация на местности [2, 3].

ПРИЧИНЫ УВЕЛИЧЕНИЯ АКТИВНОСТИ КНР В ОБЛАСТИ МИРОТВОРЧЕСТВА

Прежде всего аналитики указывают на политические причины: улучшение имиджа и статуса Китая как ответственной державы посредством участия в миротворческих операциях [4, 5]. Растущая в последнее время военная мощь Китая не может не настораживать его соседей, но, участвуя в миротворческих операциях и отправляя больше миротворцев (в том числе и боевые части), Китай демонстрирует свою приверженность мирному развитию и отчасти объясняет, куда проецируется его возросшая сила — на поддержание стабильности и предотвращение насилия. Как постоянный член Совета Безопасности, Китай должен вносить свой вклад в обеспечение мира во всем мире, и миротворчество является одним из приоритетов для Совета Безопасности, санкционирующего применение силы для поддержания порядка и стабильности.

⁶ UN Peacekeeping. Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post Police, UN Military Experts on Mission, Staff Officers and Troops. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_summary_of_contributions_33.pdf.

⁷ UN General Assembly. Seventieth session. 13th plenary meeting URL: <https://undocs.org/en/A/70/PV.13>.

Помимо этого, одной из вероятных причин участия Китая в миротворческих операциях являются его экономические интересы, практически охватывающие весь мир (в том числе — стабильность), что и помогают обеспечивать миротворцы. Кроме того, в связи с возросшей экономической активностью Китая по всему миру и ростом антикитайских настроений возникает насущная потребность обеспечивать безопасность китайских рабочих и специалистов [6], где также оказываются востребованными миротворцы.

Особенно показателен пример Южного Судана, где находится больше всего китайских миротворцев — полный пехотный батальон в составе 1031 чел.⁸. По сообщениям СМИ, Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) владеет 40% крупнейших нефтяных месторождений Южного Судана [7], а в 2019 г. Китай нарастил импорт южносуданской нефти с 10 тыс. баррелей до 30 тыс. в день⁹. Поэтому напрашивается вывод о стремлении Китая обезопасить свои инвестиции и экономические интересы в этой стране путем миротворческой деятельности. В соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН 2155, скорее всего, составленной китайской стороной [8], особое внимание уделяется «угрозам в отношении объектов нефтедобычи, нефтекомпаний»¹⁰. Безусловно, защита мирных граждан и «активное патрулирование», по сути, и означают защиту объектов нефтедобычи от нападения извне.

Миротворчество также предоставляет и военные преимущества Китаю: у Народно-освободительной армии Китая относительно ограниченный военный опыт за пределами своей страны, поэтому «военные операции, отличные от войны» являются важной составной частью современной военной доктрины КНР и способствуют модернизации китайских вооруженных сил [5], повышению оперативности, улучшению боевых навыков и координации гражданских и военных систем управления, а также овладению ценным опытом действий

в сферах обеспечения функционирования логистики, путей сообщения, ведения оперативной разведки в различных условиях и окружении, например в Африке [4].

Миротворческие операции ООН по поддержанию мира в наиболее уязвимых и нестабильных странах утверждаются путем резолюции Совета Безопасности, а бюджет и ресурсы определяются Генеральной Ассамблеей.

ПОВЫШЕНИЕ АКТИВНОСТИ КИТАЯ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ

Многие аналитики указывают на незначительное количество представителей Китая на высших руководящих должностях в области миротворчества [3], однако в 2000-е и 2010-е гг. эта тенденция начинает меняться: с 2007 г. 4 представителя Китая служили на руководящих постах в миротворческих операциях, а в 2016 г. большой резонанс вызвало желание Китая назначить своего представителя в качестве директора Департамента миротворческих операций, традиционно возглавлявшегося французами [9]. Внимание общественности также привлекло назначение А. Гутерришем китайского дипломата Ся Хуана в качестве специального посланника Генерального секретаря по региону Великих Африканских озер, ставшего первым китайцем в истории ООН, который возглавил миротворческую миссию, что хотя бы отчасти стало результатом китайского лоббирования [10]. Увеличение доли китайцев на руководящих постах в области миротворчества может привести к дальнейшему продвижению китайских интересов в этой области.

В марте 2020 г. еще один представитель Китая, Цун Гуан, был назначен заместителем специального представителя Генерального секретаря по политическим вопросам в UNMISS¹¹.

⁸ China Power Team. Is China Contributing to the United Nations' Mission? China Power. 2020. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>.

⁹ China Power Team. Is China Contributing to the United Nations' Mission? China Power. 2020. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>.

¹⁰ UN Security Council. Resolution 2155 (2014). URL: [https://undocs.org/S/RES/2155\(2014\)](https://undocs.org/S/RES/2155(2014)).

¹¹ United Nations Secretary-General. Guang Cong Deputy Special Representative of the Secretary-General (Political). URL: <https://www.un.org/sg/en/content/profiles/guang-cong-0>.

Несмотря на то что у Цун Гуана большой опыт работы в структурах ООН, необычно, что и руководитель, и заместитель руководителя миротворческой операции в Африке происходят не из африканской страны, что вызывает подозрения в китайском лоббировании назначения «своего» представителя [10], тем более в такую важную для Китая миротворческую миссию в Южном Судане.

С увеличением вовлеченности КНР в миротворческие операции Китай стремится обеспечить безопасность своих миротворцев. В результате 30 марта 2020 г. была принята резолюция Совета Безопасности 2518 об охране и безопасности миротворцев, проект которой был составлен Китаем¹². Резолюция касается подготовки миротворцев, здравоохранения и медицины, требует от миротворческих миссий укрепления связей с принимающими странами, взаимного доверия для наращивания потенциала Африканского союза и региональных организаций в области обеспечения защиты и безопасности миротворцев¹³.

Более высокая активность Китая в миротворчестве позволяет ему развивать деятельность в направлении определения приоритетов миротворчества, например в области прав человека. Конечно, напрямую это сделать нельзя, поэтому объектом деятельности КНР становится бюджет миротворческих операций, который в том числе касается финансирования рабочих мест, связанных с защитой прав человека. Правозащитным группам, сопровождающим миротворческие миссии ООН, поручено предотвращать, расследовать и сообщать о предполагаемых нарушениях прав человека в стране [7].

Так, в 2016 г. китайские дипломаты пытались сократить расходы на финансирование отделений, занимающихся правами человека, которые входят в большинство миссий по под-

держанию мира. Они также предложили прекратить финансирование отдела по вопросам «поведения и дисциплины», который отслеживает сообщения о злоупотреблениях со стороны миротворцев [9]. А в 2018 г. Китай и Россия предприняли попытку сократить более чем 200 рабочих мест, относящихся к защите прав человека и предотвращению сексуального насилия. Многие из этих предполагаемых сокращений были связаны с миссиями, в отношении которых поступали сообщения о сексуальных надругательствах (операции в Центрально-африканской Республике, Демократической Республике Конго и Мали) [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдается увеличение активности Китая в миротворческих операциях. Причинами такой вовлеченности являются соображения поддержания престижа и авторитета Китая, его растущие глобальные экономические интересы и увеличивающаяся военная мощь. Вклад Китая в нормотворчество отражает возросшую активность КНР в области миротворчества и стремление создавать собственные правила игры. Результаты увеличения активности Китая двоякие: с одной стороны, поддержка КНР миротворческих операций способствует поддержанию мира, безопасности и стабильности в мире, характеризует КНР как гаранта существующего международного порядка и страну, использующую возросшие военные и экономические возможности на дело мира. С другой стороны, Китай во многом стремится подстроить миротворчество под свои интересы, обеспечивая поддержку своим людям для занятия руководящих должностей, отправляя своих миротворцев в наиболее важные для себя страны и регионы и прикладывая усилия для обеспечения приоритета деятельности миротворцев по охране и безопасности над защитой прав человека. Если существующие тенденции сохранятся, то давление Китая может достичь ощутимых результатов в этой области.

¹² URL: <http://chnun.chinamission.org.cn/chn/zgylhg/jjalh/ahzh/whxd/t1763871.htm>.

¹³ UN Security Council. Resolution 2518 (2020). URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2518\(2020\)](https://undocs.org/en/S/RES/2518(2020)).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Cho Sunghee. China's Participation in UN Peacekeeping Operations since the 2000s. *Journal of Contemporary China*. 2018;28(117):482–498.
2. He Yin. China Rising and its Changing Policy on UN Peacekeeping. *United Nations Peace Operations in a Changing Global Order*. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-99106-1.pdf>.

3. Fang Songying, Li Xiaojun, Sun Fanglu. China's evolving motivations and goals in UN peacekeeping participation. *International Journal*. 2018;73(3):464–473.
4. Huang Chin-Hao. Contributor Profile: The People's Republic of China. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2020/05/China-Chin-Hao-27Apr2017_FINAL.pdf.
5. Sun Meicen. A Bigger Bang for a Bigger Buck: What China's Changing Attitude Toward UN Peacekeeping Says about its Evolving Approach to International Institutions. *Foreign Policy Analysis*. 2017;13(2):338–360.
6. Кашин В. Б. Роль НОАК в защите политических и экономических интересов КНР за рубежом. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*. 2013;(18):266–276.
Kashin V. B. The role of the PLA in protecting the political and economic interests of the PRC abroad. *Kитай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2013;(18):266–276. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-noak-v-zaschite-politicheskikh-i-ekonomicheskikh-interesov-knr-za-rubezhom> (accessed on 05.02.2021).
7. Lagon Mark P., Lou Theresa. The Dragon in Turtle Bay: The Impact of China's Rise in the UN on the United States and Global Governance. *World Affairs*. 2018;181(3):239–255.
8. Brosig Malte. A Role Model for Africa or Exceptional Engagement? Assessing China's South Sudan Experience. *Journal of Contemporary China*. 2020;29(126):871–886.
9. Lynch Colum. China Eyes Ending Western Grip on Top U.N. Jobs with Greater Control Over Blue Helmets. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/10/02/china-eyes-ending-western-grip-on-top-u-n-jobs-with-greater-control-over-blue-helmets/>.
10. Feltman Jeffrey. China's Expanding Influence at The United Nations — And How the United States Should React. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/FP_20200914_china_united_nations_feltman.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Романович Мильто — магистрант 1-го курса по направлению подготовки «Экономика», МГИМО, Москва, Россия
milto_sr@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergei R. Milto — student of Master of Economics Course, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
milto_sr@mail.ru

Статья поступила 24.05.2021; принята к публикации 15.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.05.2021; accepted for publication on 15.06.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-116-120
УДК 338(045)

Требования к персоналу при его подготовке к цифровой трансформации бизнеса

П.С. Щербаченко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1101-1181>

АННОТАЦИЯ

В статье приведен анализ рынка труда в условиях цифровой трансформации. Проанализированы изменения конъюнктуры рынка труда в цифровой экономике и требования к персоналу в условиях цифровой трансформации бизнеса. Также рассмотрены необходимые для персонала знания, умения и навыки в условиях цифровой экономики. Цифровизация экономики постепенно набирает обороты во всем мире. В Российской Федерации государственные органы направляют свои усилия на поддержку инноваций, трансформацию государственного и муниципального управления и построение цифрового правительства. Фундаментом для цифровой трансформации в любой сфере должны стать развитие и подготовка кадров. Цифровая трансформация бизнеса влечет за собой изменения модели работы, проводимых операций, подходов к организации работы и даже стратегии государственного и муниципального органа власти или бизнеса. Для эффективного перехода необходимо подготовить к этим изменениям всех участников процесса: от линейных сотрудников до руководителей.

Ключевые слова: цифровая трансформация; кадры; персонал; рынок труда; большие данные

Для цитирования: Щербаченко П.С. Требования к персоналу при его подготовке к цифровой трансформации бизнеса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):116-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-116-120

ORIGINAL PAPER

Requirements for Personnel in Preparation for Digital Business Transformation

P.S. Shcherbachenko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1101-1181>

ABSTRACT

The article provides an analysis of the labour market in the context of digital transformation. The changes in the labour market conditions in the digital economy and the requirements for personnel in the context of digital business transformation are analysed. Digital transformation is fuelling increased competition in the labour market and job losses for most employees. The article also discusses the knowledge, skills, and abilities necessary for personnel in the digital economy. The digitalization of the economy is gradually gaining momentum all over the world. In the Russian Federation, government agencies are directing their efforts to support innovation, transform state and municipal governance and build a digital government. Development and training personnel for the digital economy should become the foundation for digital transformation in any area. The digital transformation of a business entails changes in the model of work, the operations carried out, approaches to the organization of work, and even the strategy of the state and municipal government or business. For an effective transition, it is necessary to prepare all participants in the process for these changes: from line employees to managers.

Keywords: digital transformation; human resources; personnel; labour market; big data

For citation: Shcherbachenko P.S. Requirements for personnel in preparation for digital business transformation. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):116-120. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-116-120

Сегодня один из главных трендов, меняющих экономическую реальность всего мира, — цифровая трансформация бизнеса, под которой понимается преобразование бизнес-моделей, операционных процессов и продуктов путем внедрения в бизнес цифровых инструментов различного характера. Она является главной детерминантой перехода от третьей промышленной революции к четвертой, или «Индустрии 4.0» — производственному перевороту, основанному на повсеместном использовании комплекса ключевых технологий для развития бизнеса [Big Data, AI (Artificial Intelligence), Machine Learning, облачные сервисы, IoT (Internet of Things), роботизация и т.д.]. Для того чтобы оставаться на плаву на высококонкурентном рынке, перестройка бизнес-процессов неизбежна, и прежде всего для работников. Изменения бизнеса под влиянием цифровой трансформации будут колоссальными: произойдет не только модификация набора компетенций сотрудников, но и передел рынка труда в целом. Вызовы, с которыми уже сталкивается человечество в процессе цифровизации, надо будет принять каждому субъекту экономики: и работникам, которым необходимо осваивать новые навыки; и собственникам бизнеса, которым придется спонсировать учебу каждого сотрудника, чтобы коллектив всегда получал нужные умения для удовлетворения нужд бизнеса; и государственным структурам, которые вынуждены будут решать круг социально-экономических проблем из-за передела рынка труда и модели функционирования бизнеса.

На протяжении всей истории человечества со свершением очередной производственной революции на рынке труда происходили метаморфозы. Четвертая промышленная революция не стала исключением. Она, пожалуй, уже меняет конъюнктуру рынка достаточно сильно, и на сегодняшний день ее темпы ускоряются. Для начала стоит отметить, что вклад цифровой экономики в ВВП достаточно высок: в отчетах Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) относительно экономики Рунета фигурирует цифра 4,7 трлн руб. за 2019 г., — это на 20% больше, чем в 2018 г. Основными направлениями экономики Рунета считаются реклама и маркетинг (330 млрд руб.), инфраструктура (130 млрд руб.), цифровой кон-

тент (150 млрд руб.), платежные услуги (1350 млрд руб.) и электронная коммерция (2850 млрд руб.)¹. Вышеприведенные направления являются главными составляющими цифровой экономики (наряду с кибербезопасностью, образованием, кадрами и т.д.), за счет которых формируется ее вклад в ВВП. Также стоит отметить, что важную роль играет искусственный интеллект, — его востребованность в различных сферах деятельности, будь то промышленность, финансы, розничная торговля и т.п., растет с каждым годом. На данный момент это направление высокими темпами развивается на российском рынке, так как у нашей страны большой потенциал для внедрения искусственного интеллекта. В связи с появлением большого количества цифровых каналов также растет рынок кибербезопасности и, соответственно, спрос на продукты, позволяющие предотвратить атаки на различные секторы экономики. Влияние цифровой экономики на состояние рынка труда огромно, а характер изменений, которые необходимы для цифровой трансформации, различен. Во-первых, очевидно, что экспансия цифровой экономики диктует необходимость в высококвалифицированных специалистах в IT-сфере, и как на российском, так и на мировом рынке труда спрос сильно превышает предложение в связи с тем, что образовательные учреждения далеко не всегда поспевают за стремительными изменениями, которые приносит цифровая трансформация бизнеса. Востребованность квалифицированных аналитиков, способных работать с большим объемом данных; разработчиков, умеющих писать нестандартные алгоритмы; тестировщиков приложений/программ, позволяющих выявить все слабые места продукта; UI (user interface)/UX (user experience)-дизайнеров различных платформ; специалистов по работе с маркетплейсами, которые могут увеличить количество продаж; инженеров различных направлений, умеющих проектировать и правильно обслуживать машины, невероятно высока и с каждым годом становится все выше и выше.

Профессии, тесно связанные с технологиями, будут востребованы, но многие люди работают в других сферах, и закономерно возникает

¹ Рунет подвел итоги года: объем экономики Рунета составил 4,7 трлн рублей. URL: <https://raec.ru/live/raec-news/11400/>.

вопрос: как цифровая трансформация бизнеса изменит их рабочую среду?

Тут прогнозы о востребованности не такие оптимистичные. Согласно оценкам ведущих экспертов аналитических агентств уже в ближайшие годы 47% рабочих мест будут «оцифрованы», а различные программы и роботы заменят значимую часть рабочей силы. Полагаясь на доклад, «The Future of Jobs Report 2018»², сделанный на World Economic Forum, следует ожидать, что, несмотря на то, что будет образовано 133 млн новых рабочих мест, более 75 млн старых рабочих мест будет уничтожено. Это усилит безработицу во многих сферах деятельности. Также будет наблюдаться существенный дисбаланс между спросом и предложением, причем в разных сферах перекосы в ту или иную сторону будут очень ощутимы, золотой середины не достигнет практически никто. На 20% сократится количество рабочих мест для «синих воротничков» (тех, кто занимается физическим трудом)³, так как в ниши с преобладанием низкоквалифицированной рабочей силы, где люди выполняют преимущественно однообразную монотонную работу, активно внедряются технологии автоматизации и роботизации.

Исключение могут составить работники, которые способны выполнять более сложные рабочие процессы с элементами творчества или с высокой степенью непредсказуемости (особенно, что касается социальных взаимодействий). Однако если человек не обладает вышеуказанными навыками и не работает в специфической обстановке, то, вероятнее всего, он не сможет конкурировать с роботами и ему придется менять сферу деятельности.

У «белых воротничков» (работников умственного труда) также произойдет сокращение рабочих мест на 20%, но на смену исчезнувшим профессиям придут новые. Это не значит, что «белым воротничкам» будет легко: трудящимся придется освоить новые навыки, связанные с цифровыми технологиями. То есть постоянное самообразование становится спутником как «синих», так и «белых воротничков». Более того, ожидается, что «белых воротничков» ждет более жесткая конкуренция: сложности с по-

ском работы будут у топ-менеджеров, юристов, госслужащих, специалистов индустрии развлечений и массмедиа, бухгалтеров, финансистов и экономистов [1].

Подводя некий итог обзору меняющегося рынка труда в условиях цифровой трансформации, можно сказать, что она грозит потерей работы большинству сотрудников, однако при условии переобучения и освоения новых востребованных компетенций работник сможет удержаться на рынке труда. Быстрая обучаемость, гибкость мышления и постоянное самообразование становятся спутниками современных кадров.

Цифровая трансформация бизнеса влечет за собой определенные риски, и один из них именуется как «дефицит цифровых талантов». Соответственно, с учетом того, как стремительно меняется вокруг людей среда, появляется острая потребность в персонале, который гармонично вписывается в новую реальность и остается конкурентоспособным в ней. По мнению экспертов [2], жизнь в цифровом обществе — той среде, которая становится реальностью, где приходится функционировать субъектам экономики, невозможна без цифровой грамотности населения в целом и квалифицированных работников в частности.

Цифровая грамотность — способность работать в цифровых условиях, с новыми технологиями, в том числе с AR (augmented reality) и VR (virtual reality), — состоит из 3 компонентов: знаний, навыков и установок. Более подробно цифровую грамотность можно определить как способность человека надлежащим образом, безопасно обрабатывать, понимать, анализировать, интегрировать, оценивать, создавать информацию с помощью цифровых технологий для участия в социальной, политической, экономической, культурной жизни общества.

Классификация необходимых персоналу в цифровой экономике знаний, навыков, умений различна. По идее, возвращение необходимого круга компетенций должно начинаться с раннего возраста, так как в него входит, зачастую, не только набор умений, позволяющих пользоваться цифровыми инструментами, а также навыки, связанные с взаимодействием в команде профессионалов и с умением применять свои когнитивные способности в нужном русле. Итак, первая классификация навыков, дополняющих автоматизацию, такова [3]:

² The Future of Jobs Report 2018, World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018>.

³ Как цифровая трансформация изменит рынок труда в России. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/371537-kak-cifrovaya-transformaciya-izmenit-rynok-truda-v-rossii>.

- Поведенческие, социальные. Сюда входит набор личностных качеств, позволяющих успешно взаимодействовать в цифровом обществе: экстраверсия (предпочтительно, однако не является строгим условием), добросовестность, эмоциональная стабильность, самодисциплина, умение тактично решать проблемы в коллективе, навыки межличностного общения.

- Когнитивные — навыки, связанные непосредственно с интеллектуальными способностями человека и его умением реализовывать их в цифровой среде: грамотная речь, умение решать проблемы, быстрота мышления, память, когнитивные способности более высокого уровня (способность логично и креативно мыслить, математические навыки).

- Технические — навыки, необходимые для реализации конкретной работы. Сюда входят как опыт ручного труда, так и специфические знания, необходимые для работы в отдельной отрасли (умение работать с определенными материалами, инструментами, механизмами; с программным обеспечением и программами в IT-сфере).

Другая классификация компетенций, которые необходимы работникам в цифровой сфере, предполагает разделение знаний, навыков, умений на 4 группы в зависимости от типа решаемых задач и их сложности: базовые, универсальные, общетехнические и специальные (отраслевые)⁴:

- Базовые. Название данной группы в целом говорит само за себя. Это навыки, которые формируются, как правило, в процессе получения общего образования. Их освоение не требует больших трудозатрат. Они используются в любой сфере деятельности. Сюда можно отнести работу с персональными вычислительными системами (ноутбук, мобильные устройства и т.п.), умение работать с операционной системой на уровне освоения базовых прикладных программ (часто — пакет MS Office).

- Универсальные. Используются на фундаменте базовых компетенций (могут быть также приобретены в процессе получения общего образования) для решения задач, связанных с различными направлениями. Но в целом они общие для всех сфер (построение

графиков, написание текстов, вычисление чего-либо и т.п.). Здесь применяются базовые навыки: от поиска информации в сети Интернет и ее обработки до умения эффективно налаживать электронную коммуникацию и работать с изображениями.

- Общетехнические. Данные компетенции обычно формируются в рамках получения профессионального образования и в процессе трудовой деятельности и направлены на решение специфических профессиональных задач. Их суть сводится к умению использовать различные системы (например, САД-системы автоматизированного проектирования, MES-системы управления производственными процессами и т.п.).

- Специальные (отраслевые). Такой набор представляет собой, как правило, высшую ступень и включает в себя специфические компетенции, определенные конкретной профессиональной группой. Обычно они востребованы в узкой группе профессионалов.

По мнению автора, особое значение стоит придать хотя бы начальным навыкам программирования, а также компетенциям «поиск информации» и «критическое отношение к информации». Начальные навыки программирования необходимы для умения составлять правильные запросы в любой сфере, а также хорошо развивают структурное мышление. Компетенция «поиск информации» нужна в условиях цифровой трансформации, так как использование этого навыка позволяет собрать и проанализировать максимальное количество полезной информации, найти среди нее достаточно редкую, что сыграет на руку компании. Компетенция «критическое отношение к информации» позволяет отделять правдивую информацию от ложной, качественную — от некачественной.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации бизнеса персонал должен обладать развитыми техническими качествами, иметь высокие интеллектуальные способности и уметь успешно взаимодействовать в социуме. Если взаимодействовать в социуме способны многие сотрудники и вне цифровой среды, то с технической частью часто возникают проблемы. Для всестороннего развития вышеуказанных компетенций у персонала необходим комплекс мер, позволяющих подготовить его к цифровой трансформации бизнеса.

⁴ Учет цифровых технологий в профессиональных стандартах. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/ff9/12.11.2020.pdf>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дигилина О.Б. Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2019;(4):167–182.
2. Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имаева Г.Р., Спиридонова Л.В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. Аналитический центр НАФИ. М.: Издательство НАФИ; 2019. 84 с.
3. Чуланова О.Л. Компетенции персонала в цифровой экономике: операционализация soft skills персонала организации с учетом ортобиотических навыков и навыков well being. *Вестник евразийской науки*. 2019;11(2):1–22.

REFERENCES

1. Digilina O.B., Teslenko I.B. Labor market transformation in the context of digitalization. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Upravleniye. Pravo" = RGGU Bulletin. Series "Economy. Control. Law"*. 2019; (4):167–182. (In Russ.).
2. Aimaletdinov T. A., Baimuratova L. R., Zaitseva O. A., Imaeva G. R., Spiridonova L. V. Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the educational process. Analytical Center NAFI. Moscow: NAFI Publishing House; 2019. 84 p. (In Russ.).
3. Chulanova O.L. Personnel Competencies in the Digital Economy: Operationalization of the soft skills of the organization's personnel, taking into account orthobiotic skills and well-being skills. *Vestnik yevraziyskoy nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2019;11(2):1–22. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петр Сергеевич Щербаченко — кандидат экономических наук, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
PShcherbachenko@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petr S. Shcherbachenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
PShcherbachenko@fa.ru

Статья поступила 10.04.2021; принята к публикации 15.07.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.04.2021; accepted for publication on 15.07.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-121-128
УДК 316.776.34(045)

Критическое мышление и подходы к его оценке службами HR

Б.В. Федосеев^а, Т.В. Федосеева^б

^а ООО «РТК ЦТ», Москва, Россия; ^б Финансовый университет, Москва, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0003-4932-6047>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9531-9959>

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе проведен анализ необходимости оценки HR-службой навыков критического мышления у сотрудников и кандидатов на вакантные должности в компании. Приводится подтверждение растущего значения критического мышления в современной системе деловых и производственных отношений, рассмотрен научный подход к определению критического мышления, к содержанию и характеристикам данного понятия. В статье проведен анализ этапов критического мышления, а также соответствующих им умений мыслительной деятельности. На примере сервисного подразделения IT-компании рассмотрены различия в требованиях к нескольким категориям сотрудников на предмет наличия у них критического мышления как гибкого навыка (soft skills), а также выявлена категория сотрудников, для которых критическое мышление является принципиально важным и существенно необходимым. Приведены примеры заданий, которые используются при проведении собеседований с кандидатами на занятие вакантных должностей или при проведении аттестации сотрудников на предмет наличия у них навыков критического мышления. Критическое мышление рассмотрено в применении к работе сотрудника и соответствия его деятельности целям и задачам компании, в которой он работает.

Ключевые слова: критическое мышление; управление персоналом; подходы к оценке критического мышления; компетенции XXI в.

Для цитирования: Федосеев Б.В., Федосеева Т.В. Критическое мышление и подходы к его оценке службами HR. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):121-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-121-128

ORIGINAL PAPER

Approaches Applied by HR Services in Assessment of Critical Thinking

B.V. Fedoseev^a, T.V. Fedoseeva^b,

^a LLC "RTK DT", Moscow, Russia; ^b Financial University, Moscow, Russia
^a <https://orcid.org/0000-0003-4932-6047>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-9531-9959>

ABSTRACT

The article presents the analysis of role-playing by critical thinking as a selection criterion applied by HR services aiming to assess the employees and candidates for vacant positions. The article's authors show facts proving the growing significance of the ability to think critically as demonstrated in the business and industrial relations system and outline scientific views on the content and attributes of critical thinking. The article undertakes an analysis of different stages and forms of critical thinking applied in a professional context. A thoroughly analysed example of an IT company illustrates the differences in requirements to different categories of employees whose jobs involve various degrees of critical thinking as a soft skill. There identified is a category of workers whose critical thinking ability is crucial to the company's success. The article gives examples of tasks that can be used during job interviews or qualifying interviews to measure the critical thinking ability of job candidates or employees. Critical thinking is studied concerning the job responsibilities of employees and the suitability of employee performance for the goals and tasks of the organisation or company for which employees work.

Keywords: critical thinking; HR management; critical thinking assessment approaches; competencies of the 21st century

For citation: Fedoseev B.V., Fedoseeva T.V. Approaches applied by HR services in assessment of critical thinking. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):121-128. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-121-128

Роль критического мышления в современных деловых и производственных отношениях неуклонно возрастает. Критическое мышление как качество, необходимое для эффективного осуществления профессиональной деятельности, все чаще входит в список требований работодателя к претендентам на различные должности. Данная тенденция характерна как для западного, так и для отечественного рынка труда. Значительный рост числа вакансий с требованием навыков критического мышления у соискателей на американском рынке труда наблюдался уже десятилетие назад — к такому выводу приводит анализ данных с сайта рекрутингового агентства Indeed.com. Исследовательский центр портала Superjob.ru, проведя социологическое исследование зарплатных предложений и ожиданий в Москве, внес критическое мышление в список из 5 наиболее востребованных навыков в 2020 г. По наблюдению данного портала, сами соискатели, указывающие на свое владение данными навыками, имеют более высокие зарплатные ожидания, чем остальные.

Прогноз относительно развития рынка труда в 2020–2025 гг., представленный в отчете Всемирного экономического форума (World Economic Forum), включает критическое мышление и анализ в список топ-навыков, возрастающее значение которых признают работодатели крупнейших компаний мира. Данная группа навыков приобретает значение для все большего числа отраслей и видов профессиональной деятельности [1], из года в год сохраняет первые позиции в списках наиболее востребованных качеств работников, включая руководителей всех уровней [2].

Подтверждением исключительного значения способности мыслить критически в современном постиндустриальном обществе является включение этого умения как универсальной компетенции в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. Например, системное и критическое мышление как отдельная категория универсальных компетенций числится первой в списке ориентиров для подготовки бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом (согласно приказу Минобрнауки РФ от 12.08.2020 № 995). Формирование навыков критического мышления является одной из задач подготовки студентов МВА [3] и дру-

гих групп студентов в зарубежных вузах [4]. Все вышесказанное позволяет назвать критическое мышление компетенцией XXI в.

Что включает в себя качество критического мышления применительно к конкретной сфере профессиональной деятельности? Какие должности и позиции в компании требуют высокого уровня критического мышления. Для каких видов деятельности в организации критическое мышление имеет существенное значение и наиболее важно? Как сформулировать требования к работнику, чтобы за формулировкой «критическое мышление» не потерялся смысл и конкретное содержание? Как убедиться, что кандидат на должность или работник действительно обладают необходимым уровнем критического мышления? Ответы на данные вопросы являются неотъемлемой частью работы HR-службы.

Существуют различные подходы к определению критического мышления, в частности его рассматривают как тип мышления, использование набора технологий, когнитивный процесс или умственную деятельность. До широкого распространения понятия «критическое мышление» объектом научного анализа выступали критичность как отдельное качество мышления [5], некритическое мышление [6], рефлексивное мышление [7], рациональное мышление. Данное понятие рассматривается в связи с проблематикой личности, становление которой требует умения мыслить критически, а также — ясно, продуктивно, творчески [8]. В современной науке критическое мышление характеризуют так же как открытое рефлексивное оценочное мышление [9] либо как процесс работы с информацией — целенаправленный и регулируемый (что основано на понимании мышления как когнитивного процесса, направленного на производство нового знания) [10].

Признанный эксперт в области научных исследований и развития критического мышления Д. Халперн определяет критическое мышление как использование когнитивных техник и стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата [11]. Характеризуя критическое мышление с психологической точки зрения, Д. Халперн называет его типом мышления, отличительными чертами которого являются контролируемость, обоснованность, целенаправленность. Возможность критического мышления обеспечивает

ся владением фактами (знаниями), навыками мышления, и, что важно, установками, среди которых — готовность к планомерному осмыслению, настойчивость мыслительного поиска и осознание своих собственных поступков, их целесообразности и обоснованности [11]. В более широком плане критическое мышление характеризуется как ясное, точное, правильное, позволяющее избежать неправильных действий.

Навыки мыслительной деятельности, применяемые в процессе критического мышления, определяются конкретной ситуацией и типом задачи — они должны быть обоснованы этой ситуацией и типом задачи и эффективны для них. Следует обратить внимание на оценочный компонент, характерный для критического мышления — он подразумевает не негативную, а конструктивную оценку, т.е. оценку в свете эффективности решения поставленной задачи [11]. Человек, владеющий технологией критического мышления и соответствующей суммой навыков, демонстрирует такие качества, как здравомыслие, широта взглядов, способность выполнять незнакомые задачи, понимание практической значимости алгоритма действий, ведущих к поставленной цели.

Отдельную проблему гуманитарных исследований представляет оценка критического мышления [12], составление тестов на выявление уровня критического мышления [13], поиск форм для подтверждения способности мыслить критически [14]. Ценным для теоретических обобщений является практический опыт по формализации процедур, посредством которых выявляется способность работников к критическому мышлению, а также практически ориентированная категоризация задач, для решения которых требуется та или иная глубина и форма критичности мышления.

В настоящей статье обобщается и анализируется опыт оценки способности к критическому мышлению, наработанный в практике компаний и их HR-служб. В соответствии с указанной задачей в данной работе мы придерживаемся следующего определения: критическое мышление — есть особый системный вид умственной деятельности, связанный со способом отбора и получения информации, проведения анализа информации, выработки мнений, вынесения суждений, принятия решений и осуществления действий на их основе. Критическое мышление как системный вид умственной деятельности

представляет собой процесс принятия и реализации решений, который можно условно разделить на 4 отдельных процесса, поэтапно сменяющих друг друга: получение информации, анализ информации, практическая деятельность, подтверждение практикой.

Получение информации включает в себя процессы выбора информации, отличающейся достоверностью и существенностью. Достоверность информации определяется на основе надежности источника информации, а также путем сопоставления информации, получаемой из нескольких альтернативных источников. Существенность информации определяется необходимостью данной информации для конкретно рассматриваемого случая. Например, информация о средней зарплате жителей города является существенной при анализе структуры потребления жителей и не является существенной при расчете потребности в государственных детских садах. Важность критического мышления при получении информации обусловлена тем, что, исходя из недостоверной или несущественной информации, невозможно сформировать корректные суждения и получить адекватный план действий.

Анализ информации представляет собой важнейший процесс критического мышления. На данном этапе полученная информация систематизируется и методами анализа (логики, статистики, выявления причинно-следственных связей, обобщений и экстраполяции) трансформируется в мнения и суждения по тому или иному вопросу. При этом мнение может быть формализовано, например, в виде таблиц и графиков, или находиться на уровне суждений. В обоих случаях результатом осмысливания как критического, так и некритического мышления является изменение или дополнение картины мира индивидуума.

Деятельность — ключевой этап для процесса критического мышления. На данном этапе изменения картины мира, произошедшие при анализе информации, приводят к вынесению суждений в качестве мнения, которое может быть донесено до адресата различными коммуникативными способами, а также к принятию решений и к действиям, которые либо отличаются от совершаемых ранее, либо продолжают совершаемые ранее (в случае подтверждения уже имеющейся и сложившейся картины мира и корректности принятых ранее суждений).

Именно на этом этапе индивидуальная способность к критическому мышлению проявляется в поступках и действиях. При этом отсутствие или приостановка тех или иных действий также может являться результатом критического мышления. Нужно отметить, что не всегда результатом критического мышления становятся действия или осознанный отказ от действий. Например, прочитав несколько статей и посмотрев видеоролики об империи Александра Македонского, можно вынести ряд суждений, уточнить сформированную картину мира, но такие значимые для индивида результаты вряд ли повлияют на его текущее поведение и будут использованы при исполнении задач и реализации бизнес-процессов компании. В таком случае критическое мышление остается непроявленным.

Подтверждение практикой как этап критического мышления позволяет уточнить и верифицировать получаемую информацию, а также выступает механизмом обратной связи применительно к процессу критического мышления. Только получение обратной связи, которая является дополнительной информацией для критической оценки своей деятельности, позволяет определить корректность результатов предыдущих этапов мыследеятельности. В работе компании одним из таких механизмов получения обратной связи является регулярно проводимая аттестация персонала в компании — HR-служба подтверждает квалификацию сотрудников или обнаруживает имеющиеся дефициты компетенций. Другие механизмы — это формирование целей на год и контроль их выполнения, введение ключевых показателей эффективности как маркера соответствия ожиданий компании и работника.

Необходимо отметить, что не все виды мыследеятельности относятся к критическому мышлению. Очень часто получаемая информация не подлежит проверке на достоверность, анализ информации не основан на логике, а выводы и суждения принимаются на веру без критического осмысления. Яркими примерами такого некритического мышления, деструктивно влияющего на работу компании, являются, с одной стороны, слухи и сплетни, распространяемые в компании, с другой стороны, ошибки при планировании деятельности компании и отдельных сотрудников и при оценке воздействия внешних факторов. В отдельную

группу необходимо вынести ошибки ожиданий сотрудников компании, заказчиков и других участников бизнес-процессов компании.

Необходимость владения критическим мышлением в его отдельных поэтапных формах для различных категорий сотрудников компании отличается, как отличаются решаемые ими производственные задачи и возлагаемая на них ответственность. В современных компаниях решение вопроса о квалификации сотрудников и уровне владения ими критическим мышлением возложено на сотрудников HR-службы, которые вовлечены в целый ряд ключевых функций и бизнес-процессов компании. К таким функциям (применительно к которым возникает необходимость учета доли и веса критического мышления в деятельности сотрудников) относятся: привлечение и удержание сотрудников, обучение, развитие и мотивация персонала. Функции кадрового учета, учета труда и заработной платы являются обязательными в работе HR-служб, но хорошо структурированы, регулируются на законодательном уровне и в настоящем исследовании не рассматриваются.

Одна из ключевых задач HR-службы, как отмечено выше, — подбор персонала, его оценка и развитие. При оценке персонала необходимо учитывать наличие у сотрудников как *soft skills*, так и *hard skills*, необходимых для исполнения трудовых обязательств, а также долю *soft skills* в наборе качеств.

Soft skills представляют собой универсальные навыки и компетенции, личные качества, зависящие от характера человека и приобретенные с личным опытом. К *soft skills* относятся: коммуникабельность, гибкость, лояльность, стрессоустойчивость, умение работать в команде и др. Определение *soft skills* — сложная задача, так как их сложно выразить в количественных показателях. Как правило, задача оценки *soft skills* кандидата на собеседовании возлагается на HR-специалиста и линейного руководителя сотрудника.

Hard skills — профессиональные навыки, которым можно научиться на специализированных курсах или при работе с более опытными специалистами-наставниками. К *hard skills* сотрудника ИТ-компании можно отнести навыки настройки персональных компьютеров, сетевого оборудования конкретного производителя, систем информационной безопасности и др. Уровень владения *hard skills* легко проверить

с помощью тестирования и выразить в виде числовой оценки (например, 37 правильных ответов из 50). Как правило, для оценки *hard skills* кандидата на вакантную должность к собеседованию привлекаются эксперты по профилю вакансии (особенно в ИТ-компаниях).

Одним из *soft skill* навыков является критическое мышление, которое относят к универсальным компетенциям. Компетенция — это личностная способность сотрудника решать определенный класс профессиональных задач.

Актуальным для HR-службы является вопрос о том, для каких сотрудников критическое мышление наиболее важно. Рассмотрим требования к критическому мышлению сотрудников на примере сервисного подразделения ИТ-компания. В таких компаниях есть специалисты, относящиеся к разным группам по уровню требований к *soft* и *hard skills*.

Специалисты первой линии технической поддержки (операторы) принимают обращения пользователей и ответственных представителей заказчиков по телефону, электронной почте, через специализированные порталы. В их функционал входит: прием обращений, их регистрация в системе сервис-деск, классификация обращений по типу и назначение профильных специалистов для работы с обращениями. Такие специалисты действуют по четко прописанным алгоритмам — скриптам, помогающим собрать всю необходимую информацию об обращении. В скриптах прописано, какая информация должна быть собрана по разным типам обращений, какие вопросы должны быть заданы обратившемуся. Требования к критическому мышлению у этих специалистов минимальны, для них ключевые *soft skills* — это вежливость, внимательность, аккуратность, исполнительность.

Специалисты второй линии технической поддержки (системные администраторы, специалисты поддержки пользователей) обеспечивают решение типовых обращений. Например, они рассматривают типовые инциденты и запросы на обслуживание, порядок решения которых известен, а при большом объеме однотипных обращений — также прописан в скриптах. Требования к критическому мышлению у них выше, чем у специалистов первой линии, но не являются основными. Для них ключевые *soft skills* — это также внимательность, аккуратность, исполнительность и коммуникабельность (особенно для специалистов поддержки пользователей).

Отдельные специалисты второй линии технической поддержки, у которых наиболее высокие *hard skills*, решают нетипизированные обращения и проблемы. В ITIL (библиотеке инфраструктуры информационных технологий) проблемой называется неизвестная причина одного или нескольких инцидентов (нарушение нормального функционирования ИТ-систем, деградация сервиса или его полное прекращение). Очевидно, что для таких специалистов необходим экспертный уровень *hard skills*, а также умение выявлять проблемы, собирать данные о них, проводить анализ причин, решать проблемы и получать обратную связь о том, что проблема решена. Умение работать с проблемами невозможно без высокого уровня владения критическим мышлением. Фактически для успешной работы данной категории специалистов экспертный уровень *hard skills* и критическое мышление необходимы и принципиально важны, и при собеседовании нужно уделять особое внимание их выявлению.

Аналогичная ситуация наблюдается при подборе менеджерского состава: чем выше уровень менеджера и сложность решаемых им задач, чем более сложные и комплексные проекты он ведет, тем выше требования к *soft skills* и, в том числе, к критическому мышлению кандидата и сотрудника.

Нужно отметить, что сегодня при проведении собеседований в отечественных компаниях критическое мышление находится вне фокуса HR-службы. Например, при собеседовании в Сбер оцениваются в первую очередь мотивация к работе, целеустремленность, развитые навыки общения, профессиональные знания, ответственность, умение работать как в команде, так и самостоятельно. Это хорошо подходит для основных вакансий начального уровня, но необходимый фактор для высокого уровня — именно критическое мышление, которое требуется при решении нестандартных, нетиповых задач.

Оценка и определение уровня критичности мышления сотрудников является важнейшей задачей HR-службы. В проведении собеседований по приему на вакантную должность, а также при проведении оценки персонала необходимо участие интервьюеров: технического эксперта, оценивающего *hard skills*, HR-менеджера, оценивающего *soft skills*, и линейного руководителя. При этом основная нагрузка по оценке *soft skills* ложится на HR-менеджера и именно ему нужно

овладеть способами выявления и оценки такого навыка, как критическое мышление.

Для рассмотрения способов оценки уровня критического мышления приведем примеры вопросов, используемых в интервью на соответствие должности. Для оценки умения работать с поступающей информацией соискателя можно спросить:

- Где вы получаете знания о новых технических продуктах и решениях?
- Что вы сделаете, если в работе столкнетесь с технической проблемой, которую самостоятельно решить не можете?
- Какие интернет-ресурсы вы регулярно используете в работе и для повышения своего профессионального уровня?
- Как вы будете выяснять причину инцидента (например, сбой в работе интернета на компьютере сотрудника)?

Ответы на такие вопросы покажут, какие источники информации использует кандидат, насколько способы получения информации адекватны предлагаемой должности.

Для оценки умения анализировать информацию можно использовать кейсы на оценку величин:

- Сколько настройщиков пианино в США? (использовалось на собеседовании в компании Google).
- За какую сумму денег вы помоеете все окна в Сиэтле? (использовалось на собеседовании в компании Google).
- Сколько весит Эмпайр-стейт-билдинг? (использовалось на собеседовании в компании Apple).
- Сколько ежедневно рождается детей в мире? (использовалось на собеседовании в компании Apple).
- Сколько ИТ-специалистов необходимо для поддержки оборудования офиса на 2 тыс. человек?
- Сколько в Москве специалистов по укладке кафельной плитки?

Такого рода кейсы позволяют выяснить, какую исходную информацию будет использовать кандидат, и как он с ней будет работать. Например, для ответа на последний вопрос можно взять за основу число жителей в Москве — 13 млн чел. В принципе, этих данных достаточно, но необходимо будет сделать ряд предположений: например, что на 3-х человек приходится по 1 ванной комнате, что переукладка кафеля про-

исходит раз в 20 лет, и что на ремонт 1 ванной комнаты уходит 5 дней работы специалиста. В результате мы получим оценку числа специалистов, необходимых для проведения работ. Конечно, можно учесть и другие факторы, например кафельную плитку в нежилых помещениях. Погрешность такой оценки будет высока, но это позволит, например, оценить объем работ и рынка.

Эти кейсы также позволяют выяснить, какую дополнительную информацию использует кандидат и насколько разумные предположения он делает. Конечно, точных ответов на вопросы кейсов не существует, как и методов их получения, однако цель — оценить способы работы кандидата с информацией.

Для оценки готовности действовать и проявления результатов критического мышления также можно использовать ряд вопросов, показывающих, насколько критично кандидат или сотрудник относится к исполнению своих задач, например:

- По каким вопросам вы будете обращаться к своему руководству?
- В каких случаях может потребоваться увеличение бюджета проекта?
- В каких случаях может потребоваться обращение к сторонним специалистам или увеличение численности штата подразделения?

Умение давать и получать обратную связь является необходимым, но крайне редким навыком. Его необходимость обусловлена тем, что отсутствие механизма обратной связи ведет к деградации любых бизнес-процессов. Выявить умение эффективно коммуницировать и получать обратную связь можно простыми заданиями:

- Объясните семилетнему ребенку, что такое база данных (использовалось на собеседовании в Google).
- Объясните пятилетнему ребенку, что такое оперативная память в компьютере (использовалось на собеседовании в Apple).

Для успешного ответа на такие задания необходимо не только знать, как устроено то или иное оборудование, но и учитывать реакцию на объяснение: будет ли оно понятно адресату сообщения. Также важна реакция интервьюируемого кандидата на фразы: «не понял», «а что это значит?» и др.

Перечисленные выше вопросы и приемы позволяют в формате интервью выявить у кандидата

на должность навыка критического мышления. Как было отмечено выше, навык критического мышления невозможно отобразить в числовом выражении, но грамотно проведенное интервью позволит выявить, в какой степени собеседник обладает им.

Таким образом, критическое мышление, представляя собой широко востребованный вид умственной деятельности, выступает наиболее необходимым для сотрудников, максимально вовлеченных в бизнес-процессы компании. Учет уровня критического мышления при проведе-

нии собеседования на вакантную должность и оценка способности сотрудников мыслить критически позволит более точно определить их готовность к работе на предполагаемой должности, особенно на экспертных и руководящих должностях. Соответственно, одно из ключевых требований для успешной работы HR-специалиста — это умение оценивать критическое мышление кандидатов и сотрудников, а также с помощью различных методов и техник выявлять его уровень для кандидатов на ключевые должности компании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жукоцкая А. В., Овчинников Д. Е. О некоторых проблемах гуманитаризации образования в современной высшей школе (социально-философский дискурс). *Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки*. 2018;1(25):53–62.
2. Li S., Ren X., Schweizer K., Brinthaup T. M., Wang T. Executive functions as predictors of critical thinking: Behavioral and neural evidence. URL: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2020.101376>
3. D'Alessio F.A., Avolio B.E., Charles V. Studying the impact of critical thinking on the academic performance of executive MBA students. *Thinking Skills and Creativity*, 2019;(31):275–283.
4. Cortázar C., Nussbaum M., Harcha J., Alvares D., López F., Goñi J., Cabezas V. Promoting critical thinking in an online, project-based course. *Computers in Human Behavior*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106705>
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер; 2010.
6. Шакиров И.А. Некритическое мышление и гносеология сомнения. *Вестник Башкирского университета*. 2008;13(1):135–137.
7. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим). М.: Лабиринт; 1999.
8. Василенко (Колесова) Е.П. Критическое мышление как современная проблема личности. *Концепт*. 2013;(12):91–95.
9. Муштавинская И.В. Роль технологии развития критического мышления в формировании метакогнитивных умений учителя и ученика. Проблемы и перспективы развития образования: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь: Меркурий; 2012.
10. Макарова Л.Н., Королева А.В. Когнитивные стили и критическое мышление студентов гуманитарных специальностей: вопрос соотношения. *Вестник ТГУ*. 2016;1(5):66–72.
11. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Издательство «Питер»; 2000.
12. Liyanage I., Walker T., Shokouhi H. Are we thinking critically about critical thinking? Uncovering uncertainties in internationalised higher education. *Thinking Skills and Creativity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100762>
13. Leach S.M., Immekus J.C., French B.F., Hand B. The factorial validity of the Cornell Critical Thinking Tests: A multi-analytic approach. *Thinking Skills and Creativity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100676>
14. Quinn S., Hogan M., Dwyer C., Finn P., Fogarty E. Development and Validation of the Student-Educator Negotiated Critical Thinking Dispositions Scale (SENCTDS). *Thinking Skills and Creativity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100710>.

REFERENCES

1. Zhukotskaya A.V., Ovchinnikov D.E. About some problems of humanitarianisation of education in modern higher school (socio-philosophical discourse). *Vestnik MGPU. Ser.: Filosofskie nauki = Bulletin of the MGPU. Ser.: Philosophical sciences*, 2018;1(25):53–62. (In Russ.).
2. Li S., Ren X., Schweizer K., Brinthaup T.M., Wang T. Executive functions as predictors of critical thinking: Behavioral and neural evidence. *Learning and Instruction*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2020.101376>

3. D'Alessio F.A., Avolio B.E., Charles V. Studying the impact of critical thinking on the academic performance of executive MBA students. *Thinking Skills and Creativity*. 2019;(31):275–283.
4. Cortázar C., Nussbaum M., Harcha J., Alvares D., López F., Goñi J., Cabezas V. Promoting critical thinking in an online, project-based course. *Computers in Human Behavior*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106705>
5. Rubinshtein S.L. Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: Piter; 2010. (In Russ.).
6. Shakirov I.A. Uncritical thinking and gnoseology of doubt. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2008;13(1):135–137 (In Russ.).
7. Dewey J. Psychology and pedagogy of thinking. (How we think). Moscow: Labirint; 1999. (In Russ.).
8. Vasilenko (Kolesova) E.P. Critical thinking as a problem of modern personality. *Concept*. 2013;(12):91–95. (In Russ.).
9. Mushtavinskaya I.V. The role of critical thinking development technology in forming metacognitive skills of a teacher and a student. In: Problems and perspectives of education development: Materials of II International science conference (Perm, May 2012). Perm: Merkurii; 2012. (In Russ.).
10. Makarova L.N., Koroleva A.V. Cognitive styles and critical thinking of humanitarian specialities students: The question of correlation. *Vestnik TGU = Bulletin of TGU*. 2016;1(5):66–72. (In Russ.).
11. Halpern D.F. Psychology of critical thinking. St. Petersburg: Piter; 2000. (In Russ.).
12. Liyanage I., Walker T., Shokouhi H. Are we thinking critically about critical thinking? Uncovering uncertainties in internationalised higher education. *Thinking Skills and Creativity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100762>
13. Leach S.M., Immekus J.C., French B.F., Hand B. The factorial validity of the Cornell Critical Thinking Tests: A multi-analytic approach. *Thinking Skills and Creativity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100676>
14. Quinn S., Hogan M., Dwyer C., Finn P., Fogarty E. Development and Validation of the Student-Educator Negotiated Critical Thinking Dispositions Scale (SENCTDS). *Thinking Skills and Creativity*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100710>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борис Валерьевич Федосеев — кандидат физико-математических наук, заместитель директора сервисного центра, Общество с ограниченной ответственностью «РТК Цифровые Технологии» (ООО «РТК ЦТ»), Москва, Россия

boris13fedoseev@gmail.com

Татьяна Владимировна Федосеева — старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

TVFedoseeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Boris V. Fedoseev — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Deputy Director of the service centre, RTK “Digital Technologies”, Moscow, Russia

boris13fedoseev@gmail.com

Tatiana V. Fedoseeva — Senior Teacher, Department of the English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

TVFedoseeva@fa.ru

Статья поступила 11.03.2021; принята к публикации 15.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.03.2021; accepted for publication on 15.06.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-129-134
УДК 338.5(045)

Социальный заказ как финансово-экономический инструмент регулирования вопросов занятости и трудовой миграции в Российской Федерации

И.Ю. Федорова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2967-117x>

АННОТАЦИЯ

Совершенствование финансово-экономического механизма в регулировании экономических процессов при реализации государственных проектов и программ является для Российской Федерации одним из наиболее актуальных вопросов. В этом направлении для государства важно в равной мере обеспечить граждан востребованными социально значимыми услугами, создать возможности для широкого доступа на рынок конкурентных услуг всех заинтересованных государственных и негосударственных организаций и обустроить новые рабочие места. Для решения этих задач государством последовательно разрабатываются и принимаются законодательные акты, регламентирующие процесс их практической реализации на всех уровнях власти, создается возможность проведения самостоятельной региональной и муниципальной политики в сфере занятости населения, упорядоченного привлечения и регулирования миграционных процессов. В статье рассматриваются новые, наиболее актуальные подходы, механизмы и инструменты, использование которых дает возможность решить задачи, поставленные органами власти до 2024 г. Сформулированные выводы отражают возможность достижения конкретных результатов с учетом решаемых задач в сфере реализации социального заказа, регулирования занятости населения и трудовой миграции на региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: институциональная роль государства; инклюзия; социально-экономическое развитие; государственные проекты и программы; социально значимые услуги; социальный заказ

Для цитирования: Фёдорова И.Ю. Социальный заказ как финансово-экономический инструмент регулирования вопросов занятости и трудовой миграции в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):129-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-129-134

ORIGINAL PAPER

Social Order as a Financial and Economical Instrument for Regulating Employment and Labour Migration in the Russian Federation

I. Yu. Fedorova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2967-117x>

ABSTRACT

The improvement of the financial and economic mechanism and instruments for implementing state projects and programs is one of the most pressing issues for the Russian Federation in the regulation of economic processes. In this area, the most important thing for the state is the issue of providing citizens equally with socially significant services in demand and creating opportunities for broad access to the market of competitive services for all interested state and non-governmental organisations of various organisational and legal forms, and the possibility of creating new jobs as well. The state solving these problems is consistently developing and adopting legislative acts that regulate the process of practical implementation at all levels of government's hierarchy, creating an opportunity for an independent regional and municipal policy in the field of employment, orderly attraction and regulation of migration processes. The article discusses new, most relevant approaches and considers the mechanism and tools, which make it possible to solve the tasks set by the authorities until 2024. The conclusions the author has drawn reflect the possibility of achieving concrete results, considering the tasks to be solved in the area of implementing the social order, regulating the employment of the population and labour migration at the regional and municipal levels.

Keywords: institutional role of the state; inclusion; socio-economic development; state projects and programs; socially significant services; social order

For citation: Fedorova I. Yu. Social order as a financial and economical instrument for regulating employment and labour migration in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):129-134. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-129-134

Миссия любого социально ориентированного государства в современных условиях состоит в достижении идеального баланса между обществом, государством и бизнесом. В XXI в. институциональная роль государства, реализуемая путем гармоничного сочетания государственных и общественных интересов, заключающаяся в максимально возможном удовлетворении экономических и социально значимых потребностей граждан в системе управления, является первостепенной.

Основные обязанности государства, основой для реализации которых являются обеспечение государственных и муниципальных нужд и ускоренное развитие национальной экономики, закреплены Конституцией. При этом наличие необходимых материально-технических ресурсов еще не дает гарантии реализации полного удовлетворения нужд экономических субъектов, составляющих базовую основу для развития экономической системы государства.

Современный механизм реализации конституционно закрепленных основ социально ориентированного государства предполагает создание соответствующей правовой базы и набора нормативных документов, необходимых для налаживания гармоничных связей и их регулирования между взаимодействующими хозяйственными субъектами, в число которых мы традиционно включаем государство, общество и граждан.

В условиях реформы, проводимой в бюджетной сфере в 2010–2018 гг., был принят комплекс нормативно-правовых актов, необходимых для реализации вновь формируемого механизма государственного заказа в сфере образования, здравоохранения, спорта, социального обеспечения, соблюдения и охраны общественного порядка и др. Законодательно закрепленный на всех уровнях власти, он обеспечил реализацию государственных и муниципальных потребностей, включая прямое государственное бюджетное и внебюджетное финансирование и конкурентный закупочный механизм, используемый для реализации государственных проектов и программ и являющийся на данный момент наиболее приоритетным в сфере общественных финансов [1].

Следующий этап реформирования, начатый в 2018 г., связан с созданием современного механизма обеспечения нужд и потребностей бизнеса и граждан, в том числе на региональном и му-

ниципальном уровнях¹. Реальное воплощение в практику новый механизм приобрел с принятием Федерального закона о государственном социальном заказе от 13.07.2020 № 189-РФ.

Суть механизма заключается в разработке методологии и создании условий для наиболее полного обеспечения потребностей граждан и хозяйствующих субъектов [2, 3], имеющих различные организационно-правовые формы. Предполагается, что гармоничное регулирование взаимоотношений хозяйствующих субъектов будет осуществляться на основе применения новых инструментов, таких, как социальное и государственно-частное партнерство, социальное предпринимательство, персонифицированное финансирование, осуществляемое на взаимовыгодных условиях для всех взаимодействующих структур.

Предлагаемый механизм должен способствовать активизации экономических секторов, в том числе в сферах производства и услуг, и стимулировать создание новых высокопрофессиональных рабочих мест для гражданского населения. С помощью этого механизма можно создавать условия для реализации региональной миграционной политики на основе принципиально нового подхода к планированию потребности в притоке иностранных кадров в регион с учетом востребованных профессий, в которых ощущается дефицит.

Выражаясь экономическим языком, мы имеем в виду комплексную программу социально-экономического развития, направленную на реализацию актуальных для региона общественных запросов, обеспечивающую рост экономики путем активизации человеческого потенциала и равного доступа хозяйствующих субъектов к общественным ресурсам и предусматривающую повышение экономической эффективности использования общественных фондов [4]. Такой подход предполагает сочетание экономической составляющей с созданием равных возможностей для реализации потенциала каждого гражданина или компании. Практически это выражается через социальный заказ, направленный на обеспечение насущных общественных нужд, реализуемый за счет общественных фондов.

В условиях инклюзивной экономики именно социально ориентированный подход со стороны

¹ Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72064730/>

государства способен обеспечить гражданам равный доступ к наиболее значимым и востребованным социально-экономическим благам. Речь идет, в том числе, о создании атмосферы взаимного доверия в обществе, содержание которого предполагает достижение общественного согласия, требует постоянного всестороннего совершенствования всех сфер и направлений жизнедеятельности.

Получается, что механизм реализации социального заказа на практике отражает инклюзивный подход и выражается через создание атмосферы социальной ответственности в результате рационально выстраиваемых отношений государства с хозяйствующими субъектами (юридическими лицами) и простыми гражданами, включая самозанятых. На данный момент социальный заказ, опробуемый в России с начала 2020 г., становится инструментом для реализации такого подхода и включает создание целостной системы оказания государственных и муниципальных услуг социально-экономического характера.

Ранее созданный достаточно эффективный механизм реализации проектов и программ с применением механизма государственно-частного партнерства² или на основе концессионных соглашений [4] предусматривает закрепление за негосударственным сектором только обязанности по созданию и эксплуатации объектов, без права оказания государственных (муниципальных) услуг³. В то же время создание конкурентной среды в системе регионального или муниципального заказа (как это предполагается в настоящее время) предусматривает обеспечение равного доступа для всех желающих в предоставлении услуг, а следовательно, и использование имущественного комплекса. Регламентация такого подхода позволяет соблюсти экономические интересы как государственного, так и частного партнерства. На органы управления как публичного партнера в данном случае возлагаются обязанности по финансированию предоставленных работ и оказанных услуг.

² Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». URL: <http://base.garant.ru/12141176/>

³ Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72064730/> (дата обращения: 15.03.2021).

В дальнейшем в сфере оказания государственных и муниципальных услуг должен получить развитие новый инструмент — социальное предпринимательство, обеспечивающий соблюдение экономических интересов частного партнерства (имеются в виду ранее указанные механизмы заключения договоров государственно-частного партнерства или концессионных соглашений и использование различных правовых форм организации малого и среднего бизнеса).

Остановимся более подробно на создаваемом механизме социального предпринимательства на основе новых подходов, состоящих в вовлечении некоммерческих организаций в сферу оказания социально значимых услуг на региональном и муниципальном уровнях.

В ходе использования этого механизма региональными и местными органами власти устанавливается, что финансирование на реализацию такого проекта поставщик услуг осуществляет сам заблаговременно уже до начала оказания услуги. В этом случае финансирование расходов на решение социальных задач предусматривает привлечение средств частных инвесторов, а средства из бюджетов предоставляются после реализации проекта и, соответственно, после достижения социально значимого эффекта.

Способ выполнения социального заказа каждое публично-правовое образование выбирает самостоятельно, исходя из рамочных или базовых принципов и подходов, обеспечивающих единство правоприменительной практики и справедливой конкуренции на общем рынке государственных (муниципальных) услуг. Важным условием исполнения социального заказа является установление исчерпывающих (закрытых) перечней форм и способов его реализации на основе следующих показателей:

Социальная составляющая:

- возможность для граждан самостоятельно выбирать организацию, оказывающую конкретную услугу;
- создание равных условий по обеспечению выбора исполнителя на конкурентных началах;
- проведение конкурсных процедур с участием учреждений и организаций различных форм собственности, имеющих социально ориентированную направленность;
- объем и качество оказания социально значимых услуг;
- социальный эффект от реализации проекта (в натуральном выражении).

Экономическая составляющая:

- стоимость проекта;
- окупаемость проекта;
- доходность инвестора;
- экономический эффект от реализации проекта.

При этом социально ориентированные организации должны удовлетворять требованиям, предъявляемым к оказанию услуг в соответствующей сфере. А население, в свою очередь, наделяется сертификатами, дающими право обращения в любое учреждение соответствующего профиля.

При решении социальных задач на основе такого механизма предполагается частное инвестирование оказываемых услуг, а средства из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации предоставляются уже после получения социально значимого эффекта.

Публично-правовое образование при реализации проекта определяет необходимый размер возмещения за счет средств соответствующего бюджета, социальный эффект от его исполнения (в натуральном выражении, включающий единицы измерения), устанавливает требования к паспорту проекта.

Расчет экономической составляющей (стоимость проекта, окупаемость, доходность инвестора и др.) определяет оператор социального проекта. Он же устанавливает систему привлечения средств, предоставляемых инвесторами, проводит отбор исполнителей работ и услуг на условиях конкурсных процедур, готовит паспорт проекта и осуществляет расчет с исполнителями.

При реализации такого подхода средства из бюджета предоставляются инвестору в случае достижения положительных результатов при оказании услуг целевым группам потребителей согласно ранее установленным показателям и параметрам. С этой целью инвестор предоставляет периодическую отчетность в зависимости от схемы и механизма реализации проекта. Важной составляющей является контроль оператора проекта за достижением показателей объема и качества. Финансовая составляющая играет вспомогательную роль. Устанавливается, что средства предоставленной субсидии не должны расходоваться в строго обязательном порядке с учетом направления деятельности, как было указано при расчете субсидии. Предлагаю изложить фразу в другой форме. **Устанавливается, что средства субсидии предоставляются с учетом возникающей необходимости в финансовом**

обеспечении исполнения социально-значимой услуги вне зависимости от направления деятельности и в более свободном порядке в сравнении с первоначальным вариантом, установленным при расчете субсидии.

Приведем пример по оказанию услуг в системе дополнительного образования по вышеупомянутой схеме на основе применения персонализированного подхода⁴. Особенностью данного подхода является то, что потребитель услуги сам выбирает учреждение дополнительного образования (независимо от формы собственности), где эта услуга предоставляется. Оператор (например, региональный центр дополнительного образования) формирует реестр соответствующих программ для поставщиков, включенных в реестр, который формируется из соискателей, осуществляющих образовательную деятельность по программам дополнительного образования в соответствии с лицензией.

Информация включает показатели, отражающие;

- наименование и направленность программы;
- возрастные категории обучающихся;
- формы и сроки обучения;
- начало и место реализации программы;
- продолжительность программы.

Следующим этапом является формирование реестра сертификатов дополнительного образования, который представляет собой информационный ресурс, составленный на основе сведений, предоставленных родителями (законными представителями) о детях в возрасте от 5 до 18 лет, проживающих на территории публично-правового образования. Учетная запись вносится в реестр сертификатов на основании заявлений о предоставлении услуги дополнительного образования.

Для оплаты образовательных услуг на каждого обучающегося формируется сертификат с определенным номиналом, предусматривающий возможность его исполнения, а в информационной системе создается запись об использовании сертификата, в которой отражается остаток средств, доступных пользователю в соответствующем году и данные об использовании сертификата с указанием образовательной программы и поставщика.

⁴ Правительством Московской области с июля 2019 г. применяется система персонализированного финансового обеспечения дополнительного образования детей.

Обучающийся, получивший сертификат с определенным номиналом, имеет право использовать его на обучение — свое или ребенка — по выбранной образовательной программе, которая включена в реестр программ. При этом сам поставщик должен быть включен в реестр поставщиков (имеется возможность его зачисления слушателем по образовательной программе), а остаток обеспечения сертификата доступен для использования.

Финансовое обеспечение услуг по дополнительному образованию на основании сертификатов с определенным номиналом реализуется за счет средств соответствующего бюджета путем доведения субсидии на выполнение определенного государственного или муниципального задания, прогнозируемого в соответствующих объемах для государственных (муниципальных) учреждений или в порядке, определенном органами власти для организаций иных форм собственности.

Порядок расчета включает определение объема выделяемой субсидии, которая рассчитывается на основе нормативных затрат по реализации дополнительных общеразвивающих программ по формуле

$$Ni = Ni_{\text{баз}} \times \text{Котр},$$

где: Ni — нормативные затраты по оказанию i -й услуги;

$Ni_{\text{баз}}$ — базовый норматив по оказанию i -й услуги, определяемый по формуле

$$Ni_{\text{баз}} = Ni_{\text{баз}1} + Ni_{\text{баз}2},$$

где: Котр — отраслевой корректирующий коэффициент, отражающий характеристики образовательных организаций и специфику оказываемых услуг;

$Ni_{\text{баз}1}$ — базовый норматив, связанный с непосредственным оказанием услуги;

$Ni_{\text{баз}2}$ — базовый норматив на общехозяйственные нужды.

Таким образом, конкурентный отбор организаций, оказывающих государственные (муниципальные) услуги, осуществляется самим потребителем услуг. Это является важным фактором повышения социальной составляющей бюджетных расходов.

Специалисты, представляющие интересы некоммерческих социально ориентированных организаций, могут быть задействованы в реализации многих дефицитных направлений

социально значимых услуг, что дополнительно создаст конкурентные условия и повлечет за собой повышение их качества.

Охарактеризованный выше механизм взаимодействия государственного и частного секторов экономики дает возможность более эффективно исполнить социальный заказ, т.е. своевременно и качественно оказывать наиболее востребованные населением услуги. При этом в полной мере используется трудовой потенциал соответствующих специалистов на местах, их профессиональные знания и опыт.

Анализируя занятость трудоспособного населения по регионам, можно увидеть, что в целом она составляет от 55 до 60%, причем по северным регионам России — выше. Однако, с учетом реализуемых в регионах социально-экономических проектов и программ, каждый из них испытывает дефицит в разноплановых специалистах и достаточно часто не имеет возможности на текущем этапе привлечь к исполнению востребованных услуг профессионалов из числа местного населения. Возникает необходимость в обучении кадров с учетом их привлечения в будущем и использования труда мигрантов — в текущем периоде.

Имея точный статистический обзор по дефицитным группам профессий, региональные власти могут четко формулировать миграционную политику с учетом региональной востребованности в профессиональных кадрах по каждому конкретному направлению. В этом случае проводимая регионом миграционная политика является дополнительным фактором обеспечения реализации принятой социально-экономической программы его развития, упорядоченной и экономически выверенной.

Также можно привлекать специалистов дефицитных профессий из стран Евразийского сотрудничества (в области культуры, образования, оказывающих репетиторские и тренерские услуги, специалистов области нетрадиционных способов лечения, посттравматической реабилитации, обеспечения техническим оборудованием граждан с ограниченными возможностями и др.).

Российским законодательством регламентируется порядок оказания социально значимых услуг населению, устанавливаются преференции для привлекаемых специалистов из стран ЕАЭС, приравняемых по уровню их квалификации к российским специалистам, что способствует:

- созданию конкурентных условий на рынке предоставляемых социально значимых услуг;

- обеспечению на одинаковом уровне и удовлетворению в полной мере нужд населения на всей территории Российской Федерации;
- наиболее качественному и своевременному удовлетворению спроса населения России в социально значимых услугах;
- созданию условий для развития здоровых конкурентных отношений и повышению их качества;
- созданию системы контроля интеграционных процессов на пространстве Евроазиатского экономического содружества при условии при-

нятия законодательными органами входящих в него стран соответствующих нормативных правовых актов.

В целом предлагаемый к использованию механизм отвечает рациональному расходованию бюджетных средств при максимально возможном удовлетворении спроса населения по социально значимым направлениям в отдельных территориально-административных образованиях, способствует проведению взвешенной, экономически обоснованной миграционной политики на региональном (муниципальном) уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Далгатова А.И., Рябичева О.И. Проблемы формирования доходов федерального бюджета. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Дагестанский государственный университет; 2017.
2. Прокофьев М.Н., Омаров Ш.М., Мусавузов Р.Р., Магомаев Т.М. Предпосылки формирования Евразийской геоэкономической зоны. *Экономика и предпринимательство*. 2014;7(48):322–325.
3. Строков А.И. Актуальные вопросы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами. *Экономика и предпринимательство*. 2015;9–2(62):6–29.
4. Фрыгин А.В. Отдельные аспекты обеспечения результативности и эффективности формирования доходов бюджетов на государственном и муниципальном уровне. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2015;6(23):46–49.

REFERENCES

1. Dalgatova A. I., Ryabicheva O. I. Problems of the formation of federal budget revenues. Collection of materials of the II All-Russian scientific-practical conference. Makhachkala: Dagestan State University; 2017. (In Russ.).
2. Prokofiev M. N., Omarov Sh. M., Musavuzov R. R., Magomayev T. M. Prerequisites for forming the Eurasian geo-economic zone. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2014;7(48):322–325. (In Russ.).
3. Strokov A. I. Topical issues of increasing the efficiency of the public (state and municipal) finance management. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2015;9–2(62): 6–29. (In Russ.).
4. Frygin A. V., Muzalev S. V. Certain aspects of ensuring the effectiveness and efficiency of budget revenue formation at the state and municipal level. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = MID (Modernization. Innovation. Development)*. 2015;6(23):46–49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Юрьевна Фёдорова — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой ГМУ и экономики, Институт мировых цивилизаций НАНО ВО «ИМЦ»; преподаватель, Московского финансового колледжа, Финансовый университет, Москва, Россия
fedorovaiu1@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Fedorova — Dr Sci (Econ.), Professor, Head of the Department of GMU and Economics, Institute of World Civilizations of the «ИМЦ» NANO; Lecturer, Moscow Financial College, Financial University, Moscow, Russia
fedorovaiu1@gmail.com

Статья поступила 15.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-135-138
УДК 659.1.01(045)

Медиа и реклама: взгляд публишера

И.Н. Молодцов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7067-708X>

АННОТАЦИЯ

Терминология, связанная с историческими формами репрезентации рекламы в медиа, сегодня не отражает бизнес-реальность. Задача профильного образования – систематизировать и упорядочить ее с позиции публишера – издателя, предоставляющего трафик. Реклама, понимаемая в современном медиабизнесе как рекламные возможности публишера, состоит из рекламного инвентаря ресурса и возможностей размещения нативной рекламы. Инвентарь, в свою очередь, состоит из медийной рекламы, используемой в прямых продажах и остаточной монетизации, реализуемой по технологии программатика.

Ключевые слова: реклама; медиа; публишер; программатик; лид; лидогенерация

Для цитирования: Молодцов И.Н. Медиа и реклама: взгляд публишера. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):135-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-135-138

ORIGINAL PAPER

Media and Advertising: A Publisher's View

I.N. Molodtsov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7067-708X>

ABSTRACT

Current terminology associated with the historical forms of advertising representation in the media does not reflect business reality. The task of specialized education is to systematize and streamline it from a publisher's standpoint – a publisher providing traffic. Advertising is understood in the modern media business as the advertising opportunities consist of the advertising inventory of the resource and the possibilities of placing native advertising. Inventory, in turn, consists of display advertising used in direct sales and residual monetization implemented using programmatic technology.

Keywords: advertising; media; publisher; programmatic; lead; lead generation

For citation: Molodtsov I.N. Media and advertising: A publisher's view. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):135-138. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-135-138

Реклама играет важную роль в медиабизнесе, будучи исторически представлена разнообразными формами репрезентации: рекламные газеты, телефонные справочники («желтые страницы»), радио, телевидение, фото- и видеопродукты. Сегодня это программатик, data-технологии, — реклама была, есть и остается сущностью медиабизнеса. Отметим, что такая точка зрения расходится с традиционной, когда отличительным свойством медиабизнеса считается только контент. Для обоснования нашей позиции можно прибегнуть к идеям медийного конструирования реальности в концепции Никласа Лумана. В ней понятием «массмедиа» охватываются не выделенные системы передачи

условных «новостей», а «все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений» [1]. А реклама, наряду с новостями/комментариями и развлечениями, — лишь одна из трех возможных программных областей медийных коммуникаций.

Вести историю рекламы в медиа от рукописных сводок, мне кажется, не совсем корректным по отношению к современному способу производства. Иное дело XVII в., особенно в Голландии и Англии. Так, 1614 г. датируется картина в Рейксмузее (Амстердам), на ней натюрморт: специи, завернутые в цветную рекламную газету. Этот факт позволяет многое понять. Конечно, газеты стали заметными, когда в них начали появляться истории, и люди принялись их

читать в семьях и — шире — в аристократическом обществе (как сейчас читают Telegram). Но это только оттенило тот период, когда газеты имели исключительно рекламное свойство — оберточная бумага с рекламой, пользующаяся повышенным спросом на торговых площадках городов. И эта бумага уже была медиа — с рекламой как эксплицированным родовым признаком. С профессиональной точки зрения реклама — то, без чего невозможно понятие медиа и мир издателя (паблишера).

Паблишеры — владельцы рекламных площадок, как правило, сайтов, предоставляющие трафик на офферы. Именно с позиции паблишера (publisher) упорядочивание базовой отраслевой терминологии — первостепенная задача современного этапа развития медиа и рекламы. И выполнить ее должна высшая школа.

Реклама в современных медиа очень разноплановая, она имеет множество видов. Любая классификация не полна, но есть ряд терминов, которые сейчас используются в отрасли:

- медийная реклама;
- реклама, основанная на принципе остаточной монетизации (программатик, DSP как основной продукт программатик-рекламы, RTB);
- нативная реклама;
- лидогенерация;
- ТВ-реклама и OLV.

Медийная реклама часто противопоставляется автоматической рекламе — программатик-у. Это реклама традиционного типа: рекламные ролики, вставки, макеты, реклама на специально отведенных для этого рекламных местах. Медийная реклама на сайте — это инвентарь сайта, т.е. место, которое можно продать: под статьей, внутри статьи, под «шапкой» или над «шапкой», слева или справа. Раньше такие места назывались баннерными, но баннеры больше не используются, сейчас мы говорим об инвентаре ресурса.

Инвентарь ресурса измеряется в просмотрах и продается по ряду цен:

- CPM (cost per mille, цена 1000 показов рекламы);
- CPC (cost per click, цена клика);
- CPA (cost per action, цена определенных действий пользователей).

Можем сравнить цены на условном примере. По заказу на сайте «открыли» 1000 показов рекламы, но рекламодатель заявляет, что ее никто не видел, — если бы увидели, то кликнули бы, так как реклама очень профессиональная, креатив сделан в хорошем агентстве. Тогда устанавливается цена

за клик. «Открыли» 1000 раз — кликнули 100 раз; рекламодатель соглашается, а потом видит, что клики сами по себе не дают результата: на тест-драйв новых автомобилей Volvo записалось 10 человек (в таких случаях о покупке речь в принципе не идет, только о тест-драйве).

Инвентарь ресурса измеряется по-разному, в частности визиты и просмотры пользователей могут относиться как к медиаресурсу, так и к самой рекламе. Одно дело — пользователи, визиты и просмотры сайта aif.ru или лента.ру, другое — баннеры рекламодателя. Два миллиона пользователей медиаресурса — это не два миллиона пользователей его рекламного инвентаря. Инвентарь имеет отличную аудиторию, впрочем, необязательно меньшую. Вспомним рекламные газеты: мы знаем, что есть сайты, где аудитория инвентаря может быть не меньше, чем аудитория самого ресурса — avito.ru, profi.ru. Люди приходят на эти сайты именно затем, чтобы увидеть рекламу и найти нужный товар или услугу. Им неважно, что размещено в других рубриках, — они будут внимательно изучать те объявления, в которых содержится реклама, и переходить на них.

Нативная реклама — это реклама, которую раньше называли «джинсой» и «заказухой» во всех медиа. Она встроена: ненавязчиво рекламирует товар или услугу в контексте сообщения корневого сайта. Она не забирает инвентарь. Здесь тоже есть свои методы измерения: просмотры, проскроллы, дочитывания. Считается, что эта реклама эффективнее, чем медийная. Кто-то считает этот способ приличным, кто-то — неприличным и оставляет в зоне приличия только нативную рекламу, помеченную как «партнерский материал». Некоторые блогеры используют термин «интеграция» по отношению к нативной рекламе, специально помеченной для аудитории. В их терминологии нативная реклама не предупреждает аудиторию о себе. Если, например, представлен обзор средств для контроля массы тела, то упоминание «Herbalife» по тексту, скажем, в течение восьми раз, будет считаться нативной рекламой.

Важно, что к нативной рекламе часто относят вещи, связанные с репутацией: интервью с генеральным директором компании, обзор потребительских вещей (мыла, косметических средств, автомобилей), в который попадает упоминание каких-то марок. В разграничении понятий может помочь Закон о рекламе: реклама — продвижение товаров и услуг и ничего больше. Остальное формально имеет отношение к PR, имиджу, созданию репутации. За это тоже могут платить деньги, но они — не

измеритель рекламы, в отличие от призывов к покупке, к предпочтению того или иного товара. Если за материал заплачено, это не означает, что перед нами нативная реклама. Нативная реклама — это продвижение товаров и услуг без использования инвентаря. (Та же ситуация и в медийной рекламе: в инвентаре ресурса может располагаться небольшой интересный ролик для привлечения внимания к самому инвентарю, к этому месту. Потом на месте этого ролика будет чье-то объявление — но это не реклама, это просто проморолик на инвентаре.)

Отсюда и проблема маркировки нативной рекламы. Одни считают, что прилично ее не делать, другие — что нет. Есть разные позиции — отметим, что в любом случае медиа живет на рекламном рынке, и даже отказ от рекламы, а в отдельных случаях подчеркнутое пренебрежение к рекламодателю, — это тоже существование в рамках рекламного рынка.

ОСТАТОЧНАЯ МОНЕТИЗАЦИЯ. ПРОГРАММАТИК. RTB

Поясним термин «остаточная». В контексте предложенной классификации есть медийная реклама — сами продали ее на ресурсе в соответствии с имеющимся инвентарем прямым рекламодателям, сделали нативную рекламу, и еще что-то из инвентаря осталось непроданным. Эту часть инвентаря мы отдаем в **программатик** [2], распространенный пример — **RTB** (real-time bidding) по принципу остаточной (после продажи медийной рекламы) монетизации.

Если у вас есть медийная реклама и инвентарь, который вы сами создавали, часть этого инвентаря вы можете отдать на бирже: real-time bidding — биржа в реальном времени. Вы устанавливаете правило для этой части инвентаря: дешевле определенной стоимости за количество показов не отдавать. В итоге либо останется пустое пространство, либо его купят по заявленной вами стоимости.

Вместе с тем на практике все происходит наоборот: остаточная монетизация вся сосредоточивается в программатике, а продажи вне ее — это то, что просто выводится из программатика и продается напрямую рекламодателю за более высокую цену. Если есть прямая продажа — для прямого клиента, который платит в пять, в десять раз больше, чем мы получаем за остаточный трафик, — для него выбираются лучшие места, и это уже в пять раз дороже. И реклама переходит из остаточной монетизации в медийную категорию.

Программатик direct — это прямое приобретение медийного инвентаря на площадках без участия

в общем аукционе. Иногда его путают с форматом RTB. Здесь ключевым отличием является именно участие в аукционе. В зависимости от гарантии объема показов программатик **direct** можно различить на программатик **guaranteed** и **preferred deal**. В зависимости от формата доступа (открытый или закрытый) RTB может подразделяться на открытый и закрытый аукционы.

Платформы, входящие в экосистему программатика, следующие*:

1. **DMP** (data management platform) — это платформа управления данными (Cleverdata, Weborama, Aidata, Adriver). Она собирает, обрабатывает и хранит любые типы данных об аудитории. Рекламодатель получает информацию о пользователях сайтов/мобильных приложений, оценивая, входит ли пользователь в целевую аудиторию. На основе данных из этой системы DSP (см. следующий пункт) показывает таргетированную рекламу.

2. **DSP** (demand-side platform) — платформа, используемая рекламодателями для покупки рекламы (Яндекс.Директ, DV360, Appnexus, Getintent, Mediasniper). DSP автоматизируют согласование ставок и размещение объявлений. Исходя из информации DMP, рекламодатель покупает показы, пользуясь платформами DSP.

3. **SSP** (supply-side platform) — платформы, используемые публицером (Google Ad Manager, PubMatic, Rubicon, также Appnexus, Between). Чаще всего SSP обеспечивают продажу рекламного инвентаря через RTB, но также могут работать и по модели прямых продаж. Эти платформы также обеспечивают автоматизацию, но теперь уже продаж рекламы — для публицера.

Суть **лидогенерации** — применение ценообразования по действию, по CPA. Так понимает лидогенерацию рекламодатель. Для него это самый понятный способ: два человека записались на тест-драйв, платим за каждого по 50 долл., вместо того чтобы платить 10000 (0,5 долл. за CPM, показы, которые обещает «открутить» ресурс). Это и есть, в его понимании, лидогенерация: лиды (leads) — то, что ведет к действию (не просто к клику). Публицер понимает лидогенерацию иначе, для него клик на банер клиента уже состоявшийся лид, т.е. он считает по CPC. Возможно, поэтому в медиабизнесе термин не очень популярен, он используется рекламными специалистами, которые договариваются с медиа,

* URL: <https://habr.com/ru/post/479644/>.

для медиазакупок и для производства собственного контента. Сейчас специалисты по лидогенерации приходят в медиа. Клиент все чаще требует продажи по модели CPA вместо просмотров и кликов, ему нужно предложить спецпроект; для того, чтобы лид к нему пришел — сделать специальное событие, которое бы привело читателей ресурсов к месту продаж рекламодателя.

Здесь же выделяют **перформанс**, и сейчас даже стали преподавать перформанс-маркетинг. Это все та же CPA: цель — сделать стопроцентную конверсию или конверсию по принципу: неважно, что миллион читателей — это всего лишь десять покупателей услуг. Эти термины применяются на стороне маркетологов — не специалистов в медиа, а специалистов из других отраслей. На стороне медиа употребляется термин «CPA» и в последнее время — «лидогенерация».

Если говорить о **форматах** рекламного контента, наверное, самый востребованный — это **видеореклама**. Как правило, этот термин употребляется как синонимичный к OLV — online video, видеореклама в интернете, чаще всего — интегрированная в потоковое видео. Вместе с тем OLV не является заменой **ТВ-рекламы**: у них разная аудитория — и аудитория ТВ-рекламы по-прежнему наиболее

широка; OLV значительно точнее направлена на целевую аудиторию (персонализирована), число ее просмотров (результативность ее размещения) можно более эффективно измерять. Успех конкретной площадки (ТВ или интернета) может зависеть от вида рекламируемого продукта/услуги.

Блоки OLV могут быть:

- внутри потокового видео — in-stream (до начала — pre-roll, прерывающие видео — mid-roll, начинающиеся после остановки видео на паузу — pause-roll, после завершения просмотра — post-roll);
- рекламой в статьях или приложениях — out-stream. Первый вид онлайн-рекламы значительно более распространен.

Таким образом, возвращаясь к позиции публикера, современная терминология медиа основывается на следующих терминологических различиях:

Реклама, точнее рекламные возможности публикера, состоит из рекламного **инвентаря** ресурса и возможностей размещения **нативной** рекламы (размещения). **Инвентарь**, в свою очередь, состоит из **медийной** рекламы, используемой в прямых продажах и **остаточной монетизации**, реализуемой по технологии **программатика**.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис; 2005.
2. Busch O., ed. Programmatic Advertising: The Successful Transformation to Automated, Data-Driven Marketing in Real-Time (Management for Professionals). 1st ed. Springer International Publishing; 2016.

REFERENCES

1. Luhmann N. The reality of the media. Moscow: Praxis; 2005. (In Russ.)
2. Busch O., ed. Programmatic Advertising: The Successful Transformation to Automated, Data-Driven Marketing in Real-Time (Management for Professionals). 1st ed. Springer International Publishing; 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Николаевич Молодцов — руководитель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
INMolodtsov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Molodtsov — Head of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
INMolodtsov@fa.ru

Статья поступила 25.08.2021; принята к публикации 10.09.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.08.2021; accepted for publication on 10.09.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-139-142
УДК 94(47).032(045)

Время трудных решений: Александр Невский и политическая борьба середины XIII века

С.В. Алексеев

Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена политической борьбе на Руси и вокруг нее в середине XIII в., после установления монгольского владычества, и роли в этих процессах Александра Ярославича, прозванного позднее Невским, князя новгородского, затем великого князя Владимирского. Оценки этой роли в историографии различны. Известны мнения, возлагающие на Александра Невского ответственность за установление ордынского ига, в частности за свержение с владимирского престола его брата Андрея и так называемую Неврюеву рать. В статье рассмотрен ход событий на основании немногочисленных сохранившихся первоисточников. Показано, что Александр вынужденно и позже Андрея признал зависимость от Орды, не являлся инициатором междукняжеского соперничества и не внес практически никакого реального вклада в становление ордынского управления Северо-Восточной Русью.

Ключевые слова: Александр Невский; Древняя Русь; Золотая Орда; великое княжество Владимирское; Новгородская земля; междукняжеские отношения; ордынское иго; папство

Для цитирования: Алексеев С.В. Время трудных решений: Александр Невский и политическая борьба середины XIII века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):139-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-139-142

ORIGINAL PAPER

Time of Difficult Decisions: Alexander Nevsky and the Political Struggle of the Mid-13th Century

S.V. Alekseev

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

ABSTRACT

The article is devoted to the political struggle in Rus' and around in the middle of the 13th century, after the establishment of Mongol rule, and the role in these processes of Alexander Yaroslavich, later nicknamed Nevsky, Prince of Novgorod, then Grand Duke of Vladimir. Assessments of this role in historiography are different. Opinions are known that make Alexander Nevsky responsible for the establishment of the Horde yoke, in particular for the overthrow of his brother Andrei from the Vladimir throne, and the so-called "Nevryuy's campaign". The article examines the course of events based on the few surviving primary sources. It is shown that Alexander, recognizing his dependence on the Horde forcedly and later than Andrei, was not the initiator of inter-princes' rivalry, and made practically no real contribution to the formation of the Horde administration of North-Eastern Russia.

Keywords: Alexander Nevsky; Old Rus'; Golden Horde; Grand Duchy of Vladimir; Novgorod Land; inter-princes' relations; Horde yoke; papacy

For citation: Alekseev S.V. Time of difficult decisions: Alexander Nevsky and the political struggle of the mid-13th century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):139-142 (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-139-142

Монгольское нашествие 1237–1242 гг. нанесло русским землям страшный урон, лишив к тому же Русь политической независимости. Последующие ордынские вторжения, а также литовские завоевания фактически окончательно разрушили Русь домонгольскую. Однако не нашествие принесло на Русь войну. С 1132 по 1245 г. (более века, с короткими перерывами) продолжались княжеские междоусобицы, перерастая нередко в отдельных княжествах в полномасштабные гражданские войны с активным участием боярских кланов и городских общин. Даже нашествие не сразу остановило междукняжескую распрю, к тому времени уже почти полвека терзавшую Южную Русь. Вторжение Бату-хана дало Рюриковичам на время жестокий урок и к тому же резко осла-

В Каракоруме за Александром признавалось формальное старшинство, и ему достался Киев. Владимир же получил в обход дяди и старшего брата добывавшийся этого первым Андрей. Александр не остался в опустошенной древней столице и в 1250 г. вернулся в Новгород.

било даже сильнейших конкурентов. Однако междукняжеская вражда не прекратилась. Она просто приняла новые формы, основной из которых стало соперничество перед лицом ордынского хана, а первое время — и великого каана, формального главы всей Монгольской империи, за ярлыки на княжение. В середине 1240-х гг., когда в Орде оказалось сразу несколько русских князей, стремившихся подтвердить или укрепить свой статус, интриги между ними достигли пика и стали приводить к первым смертям. Активным участником тех событий был великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, первым вынужденный признать зависимость от Бату и пользовавшийся определенным его доверием.

Княживший в Новгороде сын Ярослава, Александр Невский, во многих отношениях выделялся среди князей-современников. В княжеских усобицах ему не довелось участвовать ни разу в течение всей своей жизни — ни до, ни после нашествия. Зато как раз в пору монгольского завоевания он, еще не достигнув 20-летия, прославился как защитник Руси от внешнего врага, победив шведов на Неве. За этим последовали Ледовое побоище и успехи в борьбе с литовскими набегами. Княжил Александр в Новгороде, не подвергшемся монгольскому разорению, в отличие от отца зависимости от хана первые годы после нашествия не признавал и дани не платил. В Новгороде он правил дольше, чем любой из князей за предшествующую сотню лет.

В 1246 г. был отравлен в Монголии отец Александра, великий князь Ярослав. Как полагают, он пал жертвой противоборства подерживавшего его основателя Золотой Орды, завоевателя Руси Бату и давнего противника последнего, монгольского каана Гуюка, который стремился напрямую подчинить русские земли своей каракорумской ставке.

Наследником Ярослава, согласно древнерусскому «лествичному» порядку, остался его брат Святослав, в 1245 г. ездивший с ним в Орду и получивший признание как наместник и наследник. Александр прибыл из Новгорода во Владимир на похороны отца и безоговорочно признал дядю князем. В Орду за ярлыком Святослав заново не поехал, и к тому же без ханского утверждения назначил города племянникам, «как им назначил Ярослав». Это удовлетворило не всех. В 1247 г. Андрей Ярославич отправился в Орду, не удовлетворенный распределением земель. Следом за ним в Орду поехал и Александр. Согласно Житию Александра Невского, его вызвал Бату, который был недоволен тем, что он как будто «один не хочет покориться». Там же говорится, что прибытие Александра во Владимир напугало ордынцев — многие ждали войны. Однако князь, взяв благословение у епископа Кирилла, отправился к Бату с миром [1, с. 471, 523; 2, с. 79; 3, с. 434].

В итоге переговоров в Каракоруме за Александром признавалось формальное старшинство, и ему достался Киев. Владимир же получил в обход дяди и старшего брата добывавшийся этого первым Андрей. Александр не остался

в опустошенной древней столице и в 1250 г. вернулся в Новгород [1, с. 472; 2, с. 80].

Пока Александр еще находился в Орде, в 1248 г. он получил послание от римского папы Иннокентия IV, предлагавшего союз против монголов. Иннокентий ссылался на выдуманное, судя по всему, при его дворе предсмертное обращение к католицизму Ярослава. Соглашение предусматривало обращение князя и Руси в католицизм, допуск на русские земли крестоносцев и борьбу с врагом под главенством папства. Иными словами, Русь предлагалось превратить в поле битвы внешних сил с одновременным неизбежным религиозным конфликтом внутри страны и ее элиты. Первый ответ Александра на это предложение был, видимо, уклончивым, к тому же условия в ставке Бату едва ли располагали к подробным антимонгольским переговорам. Иннокентий спешно, в том же году, отправил второе послание с призывом признать папскую церковную власть и принять на Русь католического епископа. Это послание Александр получил уже по возвращении из Каракорума — и после совета с православными «мудрецами» наотрез отказался [3, с. 436; 4, с. 268].

Александр видел бессмысленность борьбы обесиленных княжеств против превосходящих сил Орды. За монгольское иго он «исторической ответственности» не несет. Система ордынского управления Русью устоялась еще при его отце и была закреплена поездкой Андрея Ярославича за ярлыком. Принятие же сомнительных посулов Рима противоречило как религиозным чувствам Александра, так и здравому политическому смыслу. Вряд ли отказу от весьма спорной сиюминутной «независимости» под папским скипетром стоит придавать черты исторического выбора в пользу «Востока» и едва ли не «деспотизма».

Почти издевательское назначение в княжение разоренного Киева тяготило князя, и в 1252 г. он последовал примеру Андрея, отправившись за признанием действительного старшинства в Орду. Бату к тому времени удалось посадить на престол в Каракоруме своего ставленника, что давало золотоордынскому хану возможность самостоятельно распоряжаться делами Руси. К Александру хан был расположен и признал за ним «старейшинство во всей братии его». Не исключено, что на самом деле Бату по собственной инициативе

вызвал в Орду обоих братьев, чтобы перераспределить между ними уделы. Как бы то ни было, недовольный Андрей, прознав о вердикте Бату, «решил со своими боярами, что лучше бежать, чем царям служить», и направился на север Руси. Разгневанный Бату отправил против Андрея рать во главе со своим полководцем Нюрыном (Неврюем). Андрей бежал в Швецию. Когда Александр наконец получил дозволение вернуться в отныне свой Владимир, то должен был восстанавливать вновь опустошенные русские земли [1, с. 473; 3, с. 436].

Почти издевательское назначение в княжение разоренного Киева тяготило князя, и в 1252 г. он последовал примеру Андрея, отправившись за признанием действительного старшинства в Орду.

Ответственность Александра за Неврюеву рать не просматривается. Строго говоря, у новгородского князя не было оснований считать, что Андрей поведет себя как-либо иначе, чем он сам по отношению к Андрею и ханскому решению за три года до этого. Вместе с тем следует иметь в виду, что, помимо княжеской чести, для поездки Александра в Орду могли иметься и иные мотивы. В 1251 г. в Новгород прибыли два Кирилла — киевский митрополит и ростовский епископ [2, с. 80]. Кирилл Киевский перед этим исполнил по просьбе Даниила Галицкого почетную миссию — доставил дочь князя в жены Андрею Ярославичу. Даниил уже несколько лет склонялся к союзу с католическими королевствами против Орды (кульминацией попыток достичь его стало принятие королевской короны от папы в 1254 г.). Действия Андрея в 1252 г. подсказывают, что он оказался более восприимчив к этой идее, чем старший брат. Очевидно, поняв суть княжеских переговоров, иерархи Русской Церкви были встревожены теми же перспективами, которые отверг Александр в 1249 г. Поэтому приезд в Новгород для поставления новгородского архиепископа Далмата мог быть использован ими, чтобы

убедить Александра во имя спасения Руси встать во главе своего рода.

Правление Александра Ярославича (1252–1263 гг.) было самым долгим и благополучным среди великих владимирских князей того времени. Александр, сумевший отстоять Русь от врагов с Запада, видел бессмысленность

борьбы обессилевших княжеств против превосходящих сил Орды. Поэтому он не восстал против власти ханов. Однако именно он положил начало той политике самоусиления Руси, которая блестяще воплотилась в деяниях его потомков — князей московских — и без которой не было бы Российского государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры; 2000. 720 с.
3. Житие Александра Невского. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература; 1981. С. 426–439.
4. Матузова В. И., Назарова Е. А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик; 2002. 448 с.

REFERENCES

1. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1. Laurentian Chronicle. Moscow: Yazyki Russkoj Kultury; 1997. 496 p. (In Russ.).
2. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 3. Novgorod First Chronicle of the older and younger editions. Moscow: Yazyki Russkoj Kultury; 2000. 720 p. (In Russ.).
3. Life of Alexander Nevsky. Monuments of Old Russian Literature. 13th century. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1981:426–439. (In Russ.).
4. Matuzova V. I., Nazarova E. A. Crusaders and Rus'. End of the 12th century — 1270. Texts, translation, commentary. Moscow: Indrik; 2002. 448 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и исторического архивоведения, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия
ipo1972@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Alekseev — Dr Sci. (Historical Sciences), Professor, Professor of the Department of History and Historical Archival Studies, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia; Chairman at Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia
ipo1972@mail.ru

Статья поступила 09.08.2021; принята к публикации 26.08.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 09.08.2021; accepted for publication on 26.08.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-143-148
УДК 327.83(045)

Сетевые алгоритмы: новые возможности и риски для государства и общества

И.И. Калитко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>

АННОТАЦИЯ

В условиях глобальной цифровизации всех сфер жизни общества государству необходимо осваивать новые инструменты для построения эффективной коммуникации с гражданами. Алгоритмы социальных сетей и механизмы сбора данных оказывают значительное влияние на формирование информационных потоков для каждого пользователя, формируют его взгляды и предпочтения и даже подталкивают к тем или иным решениям на основе собранных массивов данных о человеке. Сетевые алгоритмы, первоначально созданные для адресного взаимодействия производителя контента или продукта с потребителем в целях повышения прибыли, сегодня порождают новые тенденции в обществе и провоцируют различные социальные эффекты, в том числе и негативные, несущие серьезные риски для государства. Тем не менее полноценное освоение государством цифровых технологий может дать возможности не только для прогнозирования социальных изменений и их корректировки, но и для использования их особенностей в целях достижения целей во внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: сетевые алгоритмы; коммуникативные эффекты; политтехнологии; социальное программирование; «мягкая сила»; общество; политическая культура

Для цитирования: Калитко И.И. Сетевые алгоритмы: новые возможности и риски для государства и общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):143-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-143-148

ORIGINAL PAPER

Network Algorithms: New Opportunities and Risks for the State and Society

I.I. Kalitko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>

ABSTRACT

In the context of the global digitalisation of all spheres of society, the state needs to master new tools for building effective communication with citizens. Social network algorithms and data collection mechanisms significantly impact the formation of information flows for each user, format their views and preferences, and even push them to make certain decisions based on the collected data about a person. Network algorithms initially created for targeted interaction of the content producer or product with the consumer in order to increase profits, today generate new trends in society and provoke various social effects, including negative ones, which carry serious risks for the state. Nevertheless, the state's full development of digital technologies can provide opportunities for predicting social changes and correcting them and using their features to achieve domestic and foreign policy goals.

Keywords: network algorithms; communication effects; political technologies; social programming; “soft power”; society; political culture

For citation: Kalitko I.I. Network algorithms: New opportunities and risks for the state and society. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):143-148. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-143-148

Сетевые алгоритмы и механизмы сбора данных создают большие возможности в политической сфере и социальном программировании, поэтому цифровизация политических кампаний сегодня является объективной необходимостью. Польза от применения технологий Big Data и персонализированного контента в политической агитации стала очевидна после кейсов Cambridge Analytica в кампании Д. Трампа 2016 г. [1] и предвыборной кампании Э. Макрона 2017 г.¹ Однако цифровая среда создала и более доступные механизмы, которые могут быть полезны в работе политтехнологов, специалистов в сфере PR и «мягкой силы». Сетевые алгоритмы персонализации контента, существующие в любом поисковике или социальной сети, автоматически собирают огромные массивы данных пользователей, категоризируют их и сортируют контент для каждого. Это открывает новые возможности для взаимодействия с обществом в цифровой среде, но и порождает определенные риски. Что происходит, когда подобные технологии не используются и выпадают из поля зрения политтехнологов, а сетевые алгоритмы продолжают работу согласно заложенной программе? С какими последствиями воздействия алгоритмов и фильтров могут столкнуться общество и власть?

Алгоритмы создаются каждой социальной сетью самостоятельно для оптимизации контента в новостной ленте пользователей. Подстроившись под них, можно «поймать волну» и вывести свой контент в топы, обеспечить ему наибольший охват и виральность. Поэтому для PR-специалистов, политтехнологов и представителей бизнеса так важно знать механизмы ранжирования контента социальной сети, через которую идет продвижение, и регулярно следить за обновлениями в правилах работы алгоритмов.

Инстаграм, Фэйсбук, Вконтакте, Тик-Ток и другие социальные сети не только устанавливают свои алгоритмы для «умных лент», но и собирают данные пользователей, на основе которых и происходит ранжирование контента в новостной ленте. Например, алгоритм Инстаграма учитывает: вовлеченность (комментарии, лайки и репосты), релевантность (при помощи распознавания фото, ключевых слов и хэштегов соцсеть показывает

пост пользователям, интересовавшимся аналогичными сообщениями), опыт взаимодействия (посты видят люди, с которыми пользователь общается чаще всего), время публикации, поиск (публикации предлагаются на основе последних поисковых запросов пользователя), данные из Директа (ваши публикации будут чаще показываться тому, кому вы чаще пишете), время просмотра (учитывает время, затраченное пользователем на просмотр поста и в дальнейшем чаще показывает подобные) [2].

С принципами работы алгоритмов каждой социальной сети можно подробно ознакомиться самостоятельно. Обычно социальные сети публикуют на своих официальных ресурсах правила работы алгоритмов и их обновления, как например Фейсбук [3].

Алгоритмы, безусловно, полезны, как для простых пользователей, так и для специалистов из разных областей, но их работа несет и негативные последствия. Поскольку ленты социальных сетей, сервисы и таргетированная реклама постепенно подстраиваются под интересы, увлечения и потребности человека, они же выполняют роль по формированию четкого перечня тем, которые будут регулярно присутствовать в поле зрения пользователя: чем больше он реагирует на контент определенного содержания, тем больше подобного материала получит впоследствии. В свою очередь, присутствие альтернативного контента в его ленте значительно сократится, что вскоре сформирует феномены «туннельного зрения», «информационного пузыря» и в будущем приведет к радикализации взглядов за счет эффекта «эхо-камеры». Эти коммуникативные феномены, создающие большие риски для государства, подробно описаны в работах многих исследователей [4–6].

Отсюда вытекает более серьезное последствие воздействия алгоритмов — культурный трайбализм или неотрайбализм. Этот термин, введенный социологом М. Маффесоли, обозначает социальные общности людей, подобные племенам, но не имеющие никаких объединяющих факторов, кроме какого-либо интереса или идеи и общения вокруг них [7]. Вне зависимости от того, по каким вопросам и каких воззрений придерживается человек, цифровая среда будет постепенно обострять его позицию, подталкивать к делению мира на «своих» и «чужих». Это происходит потому, что «умные» алгоритмы фильтруют поступающий контент и показыва-

¹ Технологические уроки выборов президента Франции для России. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Uroki_vyborov_prezidenta_Frantsii_dlya_Rossii.pdf.

ют больше материалов, которые соответствуют убеждениям и интересам человека, и меньше того, что он не разделяет. Воздействие алгоритмов приводит к делению пользователей на «интернет-племена» (трайбы) со своими правилами, взглядами, страхами и предпочтениями. Радикализация и постепенная догматизация взглядов, присущих сообществу, подкрепляется постоянной коммуникацией в гомогенной среде. Сомнения и контраргументы в такой среде быстро подавляются, так как члены сообщества, занимающие подобные позиции, рискуют быть подвергнутыми остракизму. Ввиду нежелания быть изгнанными или неготовности к смене окружения они выбирают путь молчания, воздерживаясь от высказывания собственного мнения. Со временем, ввиду отсутствия сопротивления, мнение большинства в сетевом трайбе становится общепринятой нормой.

Для членов таких «интернет-племен» существуют определенные модели поведения, сводящиеся к двум примитивным линиям: агрессивное поведение по отношению к представителям «чужой стаи» (троллинг, оскорбительные комментарии и т.д.) либо активная поддержка мнения наиболее авторитетных представителей своей группы (лайки, репосты, одобрительные комментарии и комплименты). Обе модели поведения приводят к укреплению в сознании пользователя взглядов сообщества, к которому он принадлежит, и к активному сопротивлению альтернативным идеям.

Таким образом, мы получаем риск бесконечной и практически бесконтрольной радикализации общества, его сегментирования и разобщения. Разбиваясь на маленькие плотные сообщества, образующие свой «информационный пузырь», люди практически теряют способность к взаимодействию с представителями иных групп и восприятию альтернативных точек зрения.

Однако подобный расклад дает новые возможности для манипуляции общественным мнением, побуждения общества к определенным действиям: получив лояльность лидера трайба, можно гарантированно привлечь на свою сторону и всех его членов. Подобные сообщества ввиду своей сплоченности обладают огромной силой, которую они готовы направить на достижение определенной цели, если она отвечает ценностям сообщества. Ярким примером является срыв предвыборных митингов Д. Трампа в Талсе, штат Оклахома, в 2020 г. сообществом тиктокеров

и К-пор фанатов². Оппоненты кандидата в президенты привлекли на свою сторону руководителей фанатских сообществ в социальных сетях. После того как 11 июня официальный аккаунт кампании Трампа @TeamTrump опубликовал твит с просьбой к сторонникам зарегистрироваться на получение бесплатных билетов с помощью своих телефонов, фан-аккаунты К-пор начали делиться этой информацией с подписчиками, призывая их зарегистрироваться на митинг — а потом не приходиться. В итоге штаб Трампа был полностью дезинформирован и лишен возможности изменить план действий в данном регионе: фейковые участники митинга смогли полностью сорвать предвыборную агитацию в штате.

К трайбам можно отнести различные фан-клубы и фанатские группы. При этом направленность сообщества абсолютно не важна, это могут быть любители определенной музыки, фанаты какого-либо товара или соцсети. Высокая сила фандомов и роль фанатских групп в общественных и политических процессах прогнозируется в последних исследованиях, в том числе в отчете о трендах и изменениях 2021 г. Wunderman Thompson Intelligence³.

Помимо уплотнения и сплочения сообществ, алгоритмы, по сути, заменяют механизмы агитации и пропаганды. Задачей специалиста становится только подготовка релевантного и актуального контента под каждую категорию электората и запуск его в сеть. Все остальное сделают алгоритмы: найдут сторонников, укрепят их лояльность, поглотят неопределившихся, радикализируют приверженцев и заставят их бороться с чужаками.

Примером эффективной работы алгоритмов в политических интересах можно считать кейс с роликами в поддержку А. Навального и призывами к январским митингам в «Тик-Ток». Ролики, направленные на подростковую и молодежную аудиторию соцсети с использованием популярных трендов среды, легко попадали в персонализированные ленты пользователей, порождали отклик в виде челенджей и оказывались в топе публикаций «Тик-Ток». Это серьезно расшири-

² TikTok Teens and K-Pop Stans Say They Sank Trump Rally. The New-York Times. 21.06.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/21/style/tiktok-trump-rally-tulsa.html>.

³ The future 100: 2021. Trends and change to watch in 2021. Wunderman Thompson Intelligence. URL: https://intelligence.wundermanthompson.com/trend-reports/the-future-100-2021/?mc_cid=35355652e3&mc_eid=7210123efa.

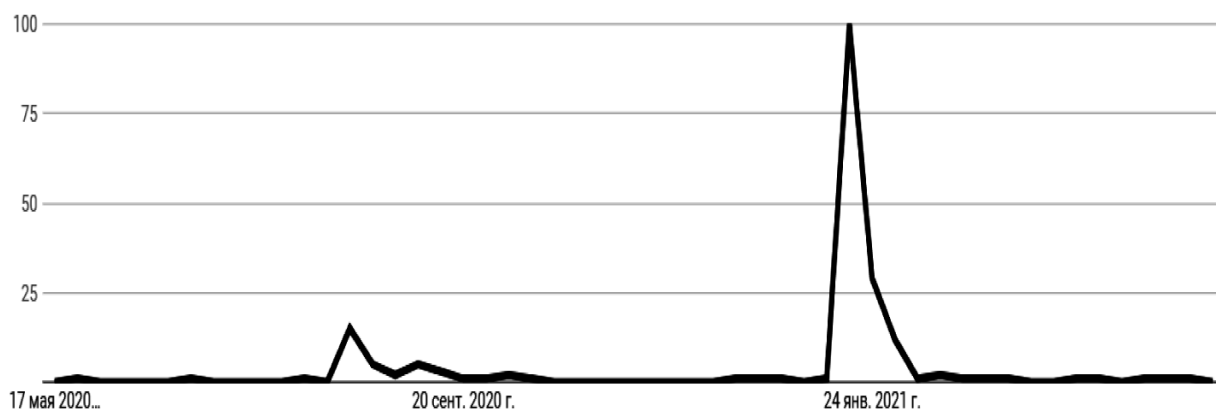

Рис. / Fig. Динамика популярности поискового запроса «кто такой Навальный» в России с мая 2020 по май 2021 г. (на основе данных Google Trends) / The dynamics of the popularity of the search query “Who is Navalny” in Russia from May 2020 to May 2021. (based on Google Trends data)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ло охват аудитории, спровоцировало резонанс в СМИ и привлекло внимание значительной части населения. Алгоритмы «Тик-Ток» работают по принципу волны: быстро улавливают темы, на которые реагирует пользователь, и с каждым разом предлагают их все больше — создается описанный выше эффект «туннельного зрения» или «эхо-камеры» с последующей радикализацией взглядов. По признанию многих блогеров, они сами и другие пользователи активно стали снимать ролики на эти же темы, чтобы «поймать волну» тренда, попасть в рекомендации и получить новых подписчиков [8].

Эффективность кампании А. Навального в Тик-Ток можно проследить на основе данных о поисковых запросах российских пользователей, полученных при помощи Яндекс.Wordstat. Взрывной рост интереса к теме наблюдался в период с 17 по 23 января 2021 г. Именно тогда ролики схожей тематики стали массово распространяться в Тик-Ток. Для сравнения, информационная кампания в августе 2021 г., где еще не использовался Тик-Ток, дала значительно меньший охват (см. таблицу).

Показательным также является рост числа поисковых запросов «кто такой Навальный». Сверхпопулярность запроса фиксируется в январе 2021 г. в российских регионах, что свидетельствует о привлечении внимания новой аудитории к персоне и деятельности А. Навального (см. рисунок). На основе данных по субрегионам, в тройку регионов, где популярность данного поискового запроса составила 80–100%, вошли: Магаданская область, Ямало-Ненецкий автоном-

ный округ и Ставропольский край. В среднем наиболее высокий интерес к теме наблюдался в ДФО, УФО и ЮФО⁴.

Для культурной дипломатии и «мягких» технологий в международных отношениях алгоритмы социальных сетей также могут стать хорошим вспомогательным инструментом. Изучение механизмов их работы и данных по отдельным группам населения других стран позволит создавать эффективные проекты по продвижению позитивного имиджа и культуры России. Важно отметить, что наиболее перспективными для работы являются социальные сети, специализирующиеся на визуальном контенте (Инстаграм, Тик-Ток), поскольку видео, GIF и изображения воспринимаются молодыми людьми намного лучше, чем любые иные формы контента.

С таким инструментом, как алгоритмы социальных сетей и таргет, необходима серьезная работа, поскольку они дают широкие возможности для «программирования» общественного мнения, культурно-политических предпочтений и построения идентичности. Выпадение данной сферы из поля зрения властей и политтехнологов, наоборот, приведет к усугублению негативных процессов (трайбализация, «информационные пузыри», радикализация общества и т.д.), с последствиями которых работать будет сложнее.

В рамках глобальной цифровизации просто нельзя оставлять без внимания новые возмож-

⁴ Google Trends: Анализ поисковых запросов. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=RU&q=кто%20такой%20навалный> (дата обращения: 13.04.2021).

История поисковых запросов в период с января 2020 по апрель 2021 гг. в России по ключевому слову «Навальный» / Search history for the period from January 2020 to April 2021 in Russia by the keyword “Navalny”

Период	Количество запросов
01.05.2020–31.05.2020	1 006 048
01.06.2020–30.06.2020	788 720
01.07.2020–31.07.2020	649 720
01.08.2020–31.08.2020 (августовский митинг)	4 237 721
01.09.2020–30.09.2020	2 248 811
01.10.2020–31.10.2020	1 187 055
01.11.2020–30.11.2020	531 498
01.12.2020–31.12.2020	1 680 928
01.01.2021–31.01.2021 (январский митинг)	12 517 454
01.02.2021–28.02.2021	5 922 664
01.03.2021–31.03.2021	1 355 459
01.04.2021–30.04.2021	1 927 861

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ности влияния на общество посредством социальных сетей и других интернет-ресурсов. Однако, к сожалению, работа политических структур и партий в цифровой среде по-прежнему развивается очень медленно, социальные сети пока воспринимаются с настороженностью ввиду проблем верификации и фейков. Подобные опасения выражал Председатель «Единой России» Дмитрий Медведев в 2020 г.⁵

⁵ ТАСС: Медведев призвал аккуратно подходить к агитации в соцсетях из-за проблем верификации. URL: <https://tass.ru/politika/9128155>.

Тем не менее подробное изучение и грамотное применение цифровых инструментов дает большие преимущества. Контроль процессов в обществе, запускаемых алгоритмами, и их грамотное использование в интересах государства позволит не только эффективно вести предвыборные кампании и внедрять необходимые идеи в общественный дискурс, но и даст широкие возможности для развития технологий «мягкой силы» и культурной дипломатии посредством доступных сервисов — социальных сетей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гришина Н. Ю., Болдырева Е. Л., Дуйсембина Е. О. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решения как новый политический тренд (на примере компании «Кембридж Аналитика»). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-tehnologiy-na-protsess-prinyatiya-resheniya-kak-novyy-politicheskiy-trend-na-primere-kompanii-kembridzh-analitika>.
2. Мокшина О. Как работать с алгоритмами в социальных сетях. URL: <https://ampliflr.com/blog/ru/algorithm/>
3. Mosseri A. Bringing People Closer Together. URL: <https://about.fb.com/news/2018/01/news-feed-fyi-bringing-people-closer-together/>.
4. Sunstein C. R. Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press. 2009.
5. Volkmer I. The Global Public Sphere: Public. Communication in the Age of Reflective. Interdependence. Cambridge, UK: Polity; 2014. 225 p.
6. Мартыанов Д. С., Быков И. А. Идеологическая сегрегация и цифровое неравенство в российском интернет-сообществе. *Социодинамика*. 2018;(4):43–55.

7. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс; 2012. 304 с.
8. Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. London: Sage Publications; 1996.
9. Рожанский Т. TikTok буквально взлетел. Почему в соцсети стало много популярных видео про Навального. URL: <https://www.currenttime.tv/a/tik-tok-pro-navalnogo/31061581.html>.

REFERENCES

1. Grishina N. Yu., Boldyreva E. L., Duisembina E. O. Influence of Internet technologies on the decision-making process as a new political trend (on the example of the Cambridge Analytica company). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-tehnologiy-na-protsess-prinyatiya-resheniya-kak-novyy-politicheskiy-trend-na-primere-kompanii-kembridzh-analitika>. (In Russ.).
2. Mokshina O. How to work with algorithms in social networks. URL: <https://amplifr.com/blog/ru/algorithm>. (In Russ.).
3. Mosseri A. Bringing People Closer Together. URL: <https://about.fb.com/news/2018/01/news-feed-fyi-bringing-people-closer-together>.
4. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press; 2009.
5. Volkmer I. The Global Public Sphere: Public Communication in the Age of Reflective Interdependence. Cambridge, UK: Polity; 2014. 225 p.
6. Martyanov D.S., Bykov I.A. Ideological segregation and digital inequality in the Russian Internet community. *Sociodinamika*. 2018;(4):43–55. (In Russ.).
7. Pariser E. Behind the filter wall. What is the Internet hiding from you? Moscow: Alpina Business Books; 2012. 304 p. (In Russ.).
8. Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. London: Sage Publications; 1996.
9. Rozhansky T. “TikTok exactly took off”. Why has the social network become a lot of popular videos about Navalny? URL: <https://www.currenttime.tv/a/tik-tok-pro-navalnogo/31061581.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Игоревна Калитко — магистрант 2-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
kalitko.ira@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Kalitko — 2nd-year Master student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
kalitko.ira@mail.ru

Статья поступила 15.05.2021; принята к публикации 15.08.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2021; accepted for publication on 15.08.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-149-153
УДК 321(045)

Влияние экологического фактора на государственную политику России

Т.Г. Чачуа

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9015-194X>

АННОТАЦИЯ

В своей статье автор поднимает вопрос о значимости экологического фактора в государственной политике в преддверии выборов в Государственную Думу осенью 2021 г. Активность политических движений, выступающих с «зеленой инициативой», вызвана тем, что действующая нормативно-правовая база и, следовательно, государственная политика неэффективны. Поэтому автор статьи рассматривает шансы «зеленых партий» на преодоление 5%-ного барьера на выборах, а также дает оценку текущей деятельности государства по этой теме. В работе проведен контент-анализ посланий Президента Федеральному Собранию с 2015 по 2021 г. с целью исследования актуальности экологического фактора в России. Представлена диаграмма, которая отражает количество упоминаний экологической повестки в речах Президента Федеральному Собранию. Этот метод позволит определить, какие аспекты экологической политики имеют влияние на государство.

Ключевые слова: экологический фактор; «зеленая политика»; государственная политика; глобальные проблемы; выборы в Государственную Думу

Для цитирования: Чачуа Т.Г. Влияние экологического фактора на государственную политику России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):149-153. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-149-153

ORIGINAL PAPER

The Influence of the Environmental Factor on the State Policy of Russia

T.G. Chachua

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9015-194X>

ABSTRACT

In this article, the author raises the question of the importance of the environmental factor in the state policy on the eve of the elections to the State Duma in the fall of 2021. The interest of political movements with the “green initiative” is because the current regulatory framework and, therefore, state policy are ineffective. Further, the author analysed the chances of “green parties” to overcome the five-point threshold in the elections and delves into the current activities of the state on this topic as well.

Keywords: ecological factor; green policy; state policy; global problems; elections to the State Duma

For citation: Chachua T.G. The influence of the environmental factor on the state policy of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):149-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-149-153

ВВЕДЕНИЕ

Климатические изменения становятся проблемой мирового масштаба, которая неоднозначно воспринимается в российском обществе и его политической системе. С одной стороны, согласно докладом Всемирной метеорологической организации, с середины 80-х гг. XX в. в Арктике потепление происходило в два раза

быстрее, чем в среднем по миру, что является огромной проблемой, так как Арктика выступает индикатором глобальных климатических изменений¹. С другой стороны, частая спекуля-

¹ World Meteorological Organization. URL: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/2020-track-be-one-of-three-warmest-years-record>.

ция международных организаций и политиков на экологической тематике привела к тому, что данная проблема не является значимой с точки зрения государственной политики в Российской Федерации. Поэтому особенно важно рассмотреть влияние экологического фактора на государственную политику в России и проанализировать, как менялось отношение к данной теме за последние 2–3 года.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Научный гуманитарный подход к вопросам экологии начал формироваться с 1970-х гг. Тогда экологический фактор изучался с точки зрения взаимодействия человека и природы, а уже затем вектор повернулся в политико-экономическую область [1]. Одним из авторов, ставших уделять этому большое внимание, был Л. Б. Браун, выпустивший в 2001 г. книгу «Есо-есопому», в которой статистически отражены вопросы динамики населения земли, добычи и потребления мировых энергоресурсов, а также значимости мировых экосистем и их хрупкости [2].

Среди отечественных исследователей экологической повестки можно выделить И. А. Макарова, чьи труды посвящены российской экономике и ее постепенному переходу на «зеленые рельсы». Автор подчеркивает тот факт, что Россия несет серьезные риски, которые связаны с изменениями мировой энергетики, поэтому стоит на государственном уровне задуматься о том, каким образом этот переход будет осуществляться [3]. Также вопросы экологии в рамках глобалистики рассмотрены в работе А. И. Костина, где подчеркивается, что экологический фактор — одна из глобальных проблем, влияющих на экономику и общество в целом [4].

В российском научном сообществе существуют два подхода к определению экологического фактора. Приверженцы первого относятся к экологическому фактору крайне ответственно и осознают значимость, которую должно взять на себя государство для развития на долгосрочную перспективу. Этому подходу придерживаются вышеуказанные авторы. Второй подход основан на крайнем недоверии к «зеленой политике» в целом и понимается как навязанный Западом механизм, который может сдерживать развитие экономики. В данной работе автор уделяет внимание первому подходу.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология данного исследования базируется на системном подходе, который заложили Д. Истон и Т. Парсонс. Данная методология рассматривает политическую сферу как систему, которая подвергается внутреннему и внешнему воздействию. У политической системы есть требования, которые основаны на интересах и ожидании определенного поведения. Также у системы имеется поддержка, представленная соблюдением правил, которые диктует государство, и политической активностью со стороны общества. Эти два блока помогают государству улавливать настроения общества. Кроме того, в системе есть «окружающая среда» — в данном случае это будут западные тренды в «зеленой политике», которые на данный момент во многом влияют на государственную политику [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Зеленую повестку» некоторые исследователи рассматривают как тренд, который пришел с Запада, что во многом справедливо. Примером этому может служить поддержка населением Германии «зеленых» перед предстоящими выборами. Но все началось с массового понимания того, что невозможно проводить «зеленую» экономику, если государственная политика не идет с «зеленым» окрасом².

Российское общество в 2020 г. потрясли две крупнейшие экологические катастрофы. Первая произошла в Норильске, когда в тундру и реку Амбарную к северу от Норильска вытекло около 21 тыс. т дизеля³. Медленная реакция местных и федеральных властей лишь усиливает суждение о том, что экологическая повестка является второстепенной для России. Вторая — на Камчатке — привела к гибели флоры и фауны на месте ЧП, а после проверки проб воды специалисты наши превышение нормы по нефтепродуктам в 4 раза и по фенолу и другим веществам — в 2,5 раза⁴.

² Кто сменит Ангелу Меркель. В Германии началась борьба за выдвижение в канцлеры. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56723112/>.

³ Токсичное пятно: как экологическая катастрофа в Норильске отразилась на репутации компании Владимира Потанина. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/416957-toksichnoe-pyatno-kak-ekologicheskaya-katastrofa-v-norilске-otrazilas-na>.

⁴ На Камчатке произошла экологическая катастрофа. URL: <https://greenpeace.ru/news/2020/10/02/na-kamchatke>.

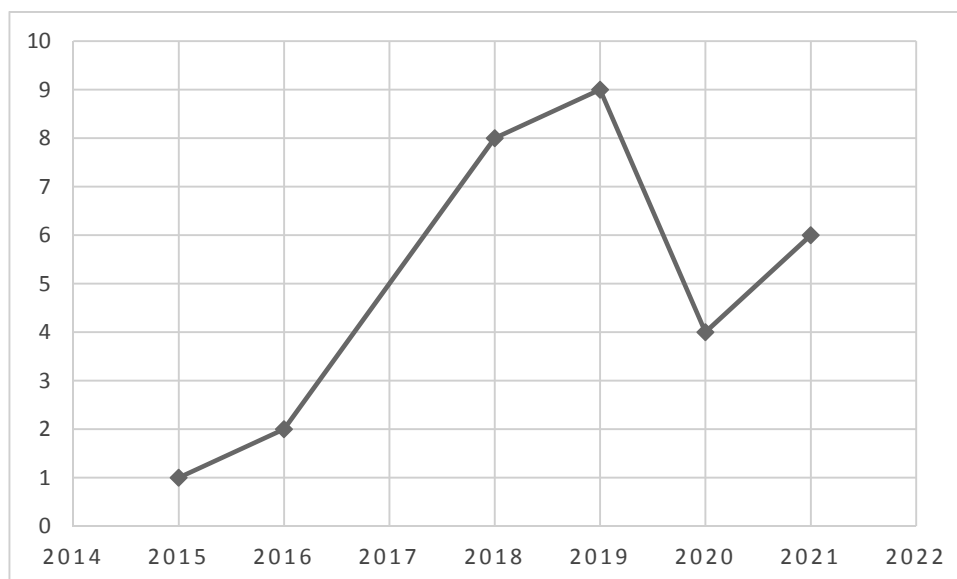

Рис. / Fig. Упоминание экологической повестки в посланиях Президента Федеральному Собранию /
Mention of the environmental agenda in the President's Messages to the Federal Assembly

Источник / Source: составлено автором на основе анализа посланий Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/by-date/21.04.2021> / Compiled by the author based on the analysis of the President's Messages to the Federal Assembly. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/by-date/21.04.2021>.

Но даже после этого в российском обществе нет общего мнения по вопросам экологии. Данный тезис подтверждает опрос ВЦИОМ, который проводился осенью 2020 г. Результаты показывают, что большая часть граждан России оценивают экологическую ситуацию в регионе своего проживания как хорошую и удовлетворительную (68%), но в последние 2–3 года ухудшение замечают 30% населения, а забота об окружающей среде со стороны государства оценивается как одна из основных задач лишь у 48%⁵. Возможно, обществу потребуется еще 3–5 лет, чтобы большая часть граждан поняла значимость политики государства, проводимой в области экологии. Ниже представлен график частоты упоминаний экологической повестки в посланиях Президента Федеральному Собранию с 2015 г., когда был ратифицирован Парижский протокол по климату, и мы стали на шаг ближе к международному сотрудничеству в области экологии (см. рисунок). Данный вид анализа выбран по причине того, что президент страны является гарантом Конституции РФ (ст. 80), и экологическая безопасность яв-

proizoshla-jekologicheskaja-katastrofa/.

⁵ Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu>.

ляется важным элементом государственной политики (ст. 72).

Экологическая проблема является основной для Российской Федерации, и это отражено в национальном проекте «Экология», работа по которому ведется с целью охраны и улучшения окружающей среды. Финансирование данного проекта составит более 380 млрд руб. на период 2021–2023 гг.

Помимо этого, стоит уделить внимание анализу основной социально-экономической документации РФ, на которую также повлиял экологический фактор. На основе документов Правительства Российской Федерации сделано исследование, чтобы извлечь и зафиксировать информацию, которая отразит текущие экологические тенденции в государстве. Для такого рода данных выбраны 3 документа, которые отображены в таблице.

Данные документы во многом отражают социально-экономическую политику в стране, на которую сильнее всего влияет экологическая повестка.

Несмотря на актуальность «зеленой повестки», основные социально-экономические документы данной теме уделяют мало внимания. Именно с этим фактором можно связать активное развитие партийного движения и НКО-сектора с «зеленым уклоном». В 2021 г. данный

Анализ основной социально-экономической документации РФ / Analysis of the main socio-economic documentation of the Russian Federation

№	Документ	Краткое содержание экологической тематики
1	Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 года	Внимание уделяется постепенному переходу на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в связи с тем, что это является популярным мировым трендом. Планируется увеличить количество экологических проектов государства, а также реализовать меры государственной поддержки по вопросам экологизации производства. Государственная политика в области экологического развития Российской Федерации на период до 2036 г. ориентирована на решение социально-экономических задач, поэтому следует отметить взаимосвязь экологических и социально-экономических проблем в данном документе
2	План деятельности министерства экономического развития Российской Федерации на период с 2019 по 2024 г.	Планируется увеличить долю производства ВИЭ с 0,07 до 0,81%.
3	Стратегия пространственного развития Российской Федерации	Данный документ отвечает за то, какие меры будут приняты для развития макрорегионов РФ, поэтому в нем больше всего внимания уделено улучшению состояния окружающей среды, а также сохранению зеленого фонда территории РФ

Источник / Source: составлено автором по <https://economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf>; https://www.economy.gov.ru/material/file/aa35bc54e38d80cd044d8d8f3f8ad176/Plan_2019-2024.pdf; <http://government.ru/docs/35733/> / compiled by the author based on <https://economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf>; https://www.economy.gov.ru/material/file/aa35bc54e38d80cd044d8d8f3f8ad176/Plan_2019-2024.pdf; <http://government.ru/docs/35733/>.

вопрос особенно актуален в преддверии выборов в Государственную Думу, которые пройдут осенью. На сайте Министерства юстиции РФ представлены две партии, которые полностью строят свою программу на базе экологической повестки⁶:

1. Партия «Зеленая альтернатива», которая в основу своей деятельности ставит охрану природы России и продвижение экологических ценностей как залог благополучного государственного развития.

2. Российская экологическая партия «Зеленые», основной целью которой является развитие гражданских свобод, инициатив, направленных на благополучие страны с учетом конструктивной экономической, экологической, социальной и законодательной политики.

Кроме вышеперечисленных, другие партии тоже включили в свою программу экологическую повестку, что во многом связано с актуальностью данной темы. Однако, несмотря на значимость повести, политические перспек-

тивы партии «Зеленая альтернатива» на федеральном уровне практически нулевые, и на то есть ряд причин [6]. Во-первых, узость электро-альной базы для партии, так как лишь малая часть населения видит экологическую угрозу реальной для того, чтобы голосовать за партию, которая в своей программе делает упор только на это. Во-вторых, другие политические партии успешно внедряют в предвыборную программу данную повестку, при том, что не забывают делать акцент на более актуальных вопросах. Похожая ситуация складывается у Российской экологической партии «Зеленые».

Таким образом, по результатам исследования на тему влияния экологического фактора на государственную политику России можно сделать следующие выводы:

1. Экологическая повестка не является первостепенной как в обществе, так и на государственном уровне.

2. Политические партии, которые представляют «зеленую повестку», имеют низкие шансы, чтобы пройти в Государственную Думу в 2021 г., но могут бороться за места в Законодательном собрании в тех регионах, где экологический

⁶ Список зарегистрированных политических партий. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>.

фактор сильно влияет на экономические процессы.

3. Необходимо усилить контроль над разработкой нормативно-правовой базы по вопро-

сам экологии и проводить более сознательную государственную политику в этом направлении, так как во многом российская экономика зависит от энергоресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шуленина Н. В. К вопросу об определении понятия «экологическая политика». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2006;(8):51–63.
2. Макаров И. А. Последствия Парижского климатического соглашения для экономики России. *Вопросы экономики*. 2018;(4):76–94. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–4–76–94
3. Brown L. R. *Eco-Economy: Building an Economy for the Earth*. New York: W. W. Norton & Co; 2001.
4. Костин А. И. *Экополитология и глобалистика*. М.: Аспект Пресс; 2005.
5. Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Knopf; 1953.
6. Ежов Д. А. Выборы-2021: к оценке электоральных перспектив новых политических партий. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021;1(34):32–34. DOI: 10.26140/anie-2021–1001–0006

REFERENCES

1. Shulenina N. V. To the question of the definition of the concept of “environmental policy”. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2006;(8):51–63. (In Russ.).
2. Makarov I. A. Consequences of the Paris Climate Agreement for the Russian economy. *Economic issues*. 2018;(4):76–94. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2018–4–76–94
3. Brown L. R. *Eco-Economy: Building an Economy for the Earth*. New York: W. W. Norton & Co; 2001.
4. Kostin A. I. *Ecopolitology and global studies*. Moscow: Aspect Press; 2005. (In Russ.).
5. Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Knopf; 1953.
6. Yezhov D. A. Elections-2021: to the assessment of the electoral prospects of new political parties. *Research Azimuth: Economics and Management*. 2021;1(34):32–34. (In Russ.). DOI: 10.26140/anie-2021–1001–0006

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Гурадиевна Чачуа — студентка 3-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
tamriko17@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tamara G. Chachua — 3rd-year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
tamriko17@bk.ru

Статья поступила 25.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Дискуссионные вопросы проблем реализации конституционных свобод совести и вероисповедания институтами гражданского общества (в формах религиозных объединений)

Рецензия на монографию Андреева К.М. «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания). М.: АО «Первая Образцовая типография»; 2020. 672 с.

Debatable Issues of the Problems of the Implementation of Constitutional Freedoms of Conscience and Faith by Civil Society Institutions (In the Forms of Religious Associations)

Review of K.M. Andreev's monograph "The Right to Believe in Modern Russia" (questions of the implementation of constitutional freedom of faith). Moscow: The First Pattern Printing House; 2020. 672 p.

Монография кандидата юридических наук К. М. Андреева «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания), несмотря на ее практическую, можно сказать, утилитарную направленность на популяризацию и разъяснение положений действующего законодательства, имеет и теоретическую ценность, так как освещает вопросы национального культурного кода и морали, а также философские вопросы, связанные с религиозным мышлением и мировосприятием.

К. М. Андреев полагает, что необходимо проводить различие «между внешними проявлениями свободы и убеждений, которые могут ставить под угрозу безопасность других людей (общественную безопасность) и теми проявлениями, которые касаются безопасности только непосредственно самого человека» (стр. 14). Речь может идти о так называемом «праве на смерть» (*right to death*). Автор, на наш взгляд, необоснованно идеализирует и абсолютизирует право личности при реализации своих внутренних, в том числе религиозных, убеждений, полагая, что это личное дело самого человека, однако при этом забывает, что реализация любого права, в том числе на эвтаназию, должна восприниматься с позиций права всего общества, его готовности к определенным решениям, а также соотноситься с вопросами национальной безопасности. Эвтаназия в ракурсе, обсуждаемом в современном обществе, касается не только самого человека, претендующего на нее, но и актора, воплощающего его волю, действия которого формально делают его убийцей.

Можно согласиться с отказом от медицинского вмешательства после смерти по религиозным убеждениям (в некоторых религиях запрещено

совершать какие-либо манипуляции с телом всем, кроме близких покойного), да и то, если объективно такое вмешательство не принципиально. Но в случае с переливанием крови, хирургическим вмешательством, от которого отказывается, например, законный представитель несовершеннолетнего, подвергая тем самым последнего смертельному риску, вряд ли это можно назвать личным делом верующего. Как справедливо заключает сам автор, критерием вмешательства государства в вопрос реализации конституционной свободы является защита жизни человека (стр. 16). Комитет по правам человека ООН¹, в частности, подчеркивает, что носители религиозного мышления убеждены, что их система ценностей является отражением единственно правильных норм морали. Однако опора на какую-либо одну культурную и религиозную традицию, особенно в условиях многокультурной и многоконфессиональной палитры общества, как это в частности представлено в России, недопустима.

В числе факторов, обуславливающих сложности при реализации свободы вероисповедания в России, К. М. Андреев выделяет неравенство религиозных объединений и отсутствие оформленной концепции государственно-конфессиональных отношений. Хотелось бы остановиться на этих тезисах, не соглашаясь с ними. Во-первых, действующее российское законодательство, начиная с основного закона, гарантирует полное равенство всем субъектам религиозных отношений, а кивок в сторону преамбулы закона о религии², на наш взгляд, не вполне корректен,

¹ URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=8&DocTypeID=11.

² Преамбула Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

так как лишь подчеркивает многоконфессиональное разнообразие российского общества, светский характер государства при уважительном отношении к традиционным религиям. Говорить о привилегированности традиционных конфессий неуместно, так как их особенное положение (по отношению к новым религиозным движениям) обусловлено не столько волей законодателя, сколько сложившейся в обществе системой ценностей, и связано с национальной идентификацией и менталитетом. Во-вторых, в тех странах, где некоторые религии имеют статус традиционных (скандинавские, латиноамериканские страны и др.) религиозной дискриминации не существует. О юридическом равенстве достаточно подробно писал В.С. Нерсисянц, который определял его как единство равной меры свободы и справедливости. Право лишь оценивает фактическое многообразие партикулярных отношений³. Что касается проблемы отсутствия формализованной концепции государственно-конфессиональных отношений, роль последней вполне выполняет сложившаяся в обществе традиция. Другой важный, на наш взгляд, вопрос, который поднимает в своей монографии К.М. Андреев — о степени автономии религиозных организаций и пределах вмешательства в эту автономию государства в процессе регулирования религиозных правоотношений. К.М. Андреев полагает, что современное российское государство необоснованно слишком вмешивается в деятельность религиозных объединений и связывает это с вступлением России в фазу так называемого «мобилизационного проекта»⁴, которую автор определяет как противостояние России с Западом в процессе восстановления позиций, утраченных в ходе холодной войны. В результате, утверждает К.М. Андреев, в современной России имеется тенденция борьбы с «внутренним врагом», роль которого, по мнению автора, играют новые и некоторые традиционные религиозные движения, ориентированные на западную религиозную традицию. Ценность институтов гражданского общества в процессе построения правового государства не вызывает никаких сомнений, и их автономия является действительно важным фактором гармоничного и полноценного развития⁵. Автор делает достаточно

любопытный ретроспективный анализ развития идеи автономии негосударственных общественных институтов в рамках западноевропейской культуры, каковыми являются религиозные институты. Идеи Августина Блаженного⁶, деятелей Возрождения и Реформации привели к возникновению светской модели государства, неантагонистичного при этом по отношению к религиозным институтам. Интересным, на наш взгляд, является авторское видение французской Конституции 1791 г. и «Декларации прав человека и гражданина» как реализации идеи нормативно-правового акта, преодолевающего давление, оказываемое на общество (*lex canonica*). Таким образом, по мнению автора, были реализованы идеи Августина о «двух градах», распредившие сферы ведения светского государства и институтов гражданского общества. Следует, однако, заметить, что Россия, воспринимая отчасти западную модель построения общества, идет по своему историческому пути, реализуя идеалы византийской модели, предполагающей концепцию «симфонии властей», о которой, как принято считать, писал Юстиниан I. К.М. Андреев полагает, что данная концепция не работает в России. С этим нельзя согласиться. На фоне достаточно сложных проблем в сфере религии, столкновения различных ее форм и традиций (неудачи с идеями мультикультурализма в Европе, усиление исламского экстремизма) Россия являет собой поистине «тихую гавань» государственно-конфессиональных отношений.

Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г. заложили основы становления институтов гражданского общества в форме религиозных объединений. Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. и Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» завершили этот процесс. Автор, на наш взгляд, ошибочно полагает, что «Закон Яровой»⁸ и внесенные дополне-

⁶ URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/.

⁷ Избранные новеллы Юстиниана. В.А. Сметанин, введ. ст., пер., комм. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2005. 340 с.

⁸ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»; Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления допол-

³ Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. Вопросы философии. 2002;(3):3–15.

⁴ Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В. Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия; 2013. 128 с.

⁵ Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен. Гражданское общество в России и за рубежом. 2014;(3):3–7.

ния в Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» дезавуировали предшествующие шаги. Процесс становления модели автономии институтов гражданского общества в форме религиозных объединений продолжается, а государство лишь реализует свои властные функции, регулируя складывающиеся отношения с целью их гармонизации и обеспечения положений основного закона. То, что данный процесс подразумевает определенное ограничение свобод, не может вызывать сомнений. Что, однако, не является признаком притеснения государством автономии религиозных объединений.

С принятием «Закона Яровой», полагает автор, был введен дополнительный признак религиозного объединения — «миссионерская деятельность». Проблему нового закона К.М. Андреев видит в правоприменительной практике, в результате которой под миссионерской деятельностью стала пониматься любая деятельность религиозного объединения. Не вдаваясь в тонкости административного законодательства, подчеркнем небезынтересные, на наш взгляд, авторские рефлексии на эту тему, которые ставят перед научным сообществом ряд дискуссионных вопросов.

Может ли деятельность физического лица, не связанного с религиозным объединением, признаваться миссионерской? Со ссылкой на работу А.Е. Митько «Православная миссиология в системе теологических знаний» К.М. Андреев выделяет «миссионально ориентированное мышление», подчеркивая важность утверждения новых дефиниций *актора, адресата и концепта миссии*, которые, по его мнению, могут способствовать преодолению дефицита определений в законодательстве, регулирующем религию⁹. Миссионерская деятельность, подчеркивает автор, рассматривается в рамках действующего законодательства как деятельность от лица религиозных объединений, игнорируя при этом отдельно взятого верующего, возможно, не связывающего себя какой-либо конфессиональной принадлежностью. Могут ли действия такого актора рассматриваться как миссионерские? Другая проблема — вопрос «*девиантного актора*», который «*формируется внутри экклесиологически неопределен-*

ного адресата миссии»¹⁰. К.М. Андреев задает вопрос: «является ли фактический «актор миссии» в период после его выхода за рамки экклесиологического единства с материнской религией и до юридического оформления нового религиозного объединения лицом, осуществляющим “*миссионерскую деятельность*”?» (стр. 94). Этот вопрос непосредственно связан с процессом появления новых религиозных движений, которые возникают как раз благодаря деятельности индивидуального (независимого) актора и девиантного (по отношению к материнской религии) актора. Нельзя не согласиться с автором, что этот вопрос требует теоретического осмысления, который послужит совершенствованию действующего законодательства в области религии.

И еще одна тема, поднимаемая К.М. Андреевым в его монографии, заслуживает, с нашей точки зрения, внимания. Речь идет о нарушениях режима «*религиозной тайны*», о чем в свое время автор уже писал в другой монографии¹¹. Авторский концепт трехаспектной интерпретации религиозной тайны определяет ее как специфическую информацию, нормативный режим и собственно вид тайны. Последняя, согласно авторской интерпретации, связана с другими охраняемыми законом тайнами: семейной и личной. И здесь также открывается поле для широкой научной дискуссии по вопросам пределов вмешательства государства в вопросы реализации конституционных свобод совести и вероисповедания.

В целом, научная монография К.М. Андреева «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания) представляется, на наш взгляд, небезынтересной для исследователей в различных областях знания: философских, юридических и культурологических дисциплинах. А дискуссионность некоторых положений и авторских концептов не снижает ее ценности.

Петрова Татьяна Эдуардовна,
доктор социологических наук, профессор,
советник Департамента культуры
Правительства Российской Федерации
Petrova Tatiana Eduardovna,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Advisor to the Department of Culture of
Government of the Russian Federation

нительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

⁹ Митько Август Евгеньевич (игумен Серапиона). Православная миссиология в системе теологических знаний» по специальности: автореф. дис. ... доктора теологии: 26.00.01. М.; 2019.

¹⁰ Там же.

¹¹ Андреев К.М. Понятие и особенности религиозной тайны в рамках реализации конституционной свободы вероисповедания. М.: Юриспруденция; 2015. 232 с.